

21 Н
190

5

ДРЪ Н. А. Москалёвъ.

Почетный членъ Общества врачей городовъ ^Х Ростова и Нахичевани на Дону и Членъ-Корреспондентъ Русскаго Сифилидологическаго и Дерматологическаго Общества въ С.-Петербурѣ.

340
M 82

Симуляція и ложное сознаніе предъ судомъ присяжныхъ.

1569-14-72
1569-14-72

(Врачебно-юридическій анализъ дѣла „о покушеніи на убійство жены жандармскаго ротмистра О. Н.“ съ приложеніемъ обвинительнаго акта и извлеченій изъ отчета судебныхъ засѣданій Новочеркаскаго Окружнаго Суда).

Съ рисунками.

МОСКВА.

Типографія Вильде, Малая Кисловка, собственный домъ.

1913.

Съ введеніемъ новаго устава уголовного судопроизводства и до послѣдняго времени—въ литературѣ не прекращаются дебаты о достоинствахъ и недостаткахъ суда присяжныхъ, какъ чисто судебного учрежденія, имѣющаго свое назначеніе—отличать на судѣ виновныхъ отъ невинныхъ и находить въ каждомъ дѣлѣ судебную правду. Высказываемыя мнѣнія представителей науки права о судѣ присяжныхъ настолько расходятся, что въ то время, какъ у насъ, въ Россіи, проф. *Фойницкій* считаетъ его наиболѣе близкимъ къ идеалу суда,—въ Германіи проф. *Вахъ* считаетъ его худшею формою суда, что и было имъ высказано 16 марта 1906 г. въ засѣданіи первой саксонской законодательной палаты ¹⁾.

Въ числѣ недостатковъ современнаго суда присяжныхъ, указываютъ на то, что судъ присяжныхъ не мотивируетъ своего приговора, высказывая лишь категорически свое убѣжденіе о виновности или невинности подсудимаго, что онъ, какъ судъ общественной совѣсти, ничѣмъ не стѣсненъ, кромѣ своей совѣсти, въ своемъ вердиктѣ, что онъ рѣшаетъ дѣло „по слѣпому внушенію чувства и увлекается отдѣльными фактами или эпизодами дѣла“ (*Ферри*), и что у присяжныхъ нѣтъ чувства законности, которое развивается профессією, т.-е. постояннымъ отправленіемъ судейской должности (*Герингъ*). Но наряду съ дѣйствительными и мнимыми недостатками, криминалисты признаютъ и такія достоинства суда присяжныхъ, какія не имѣетъ ни одна другая существующая форма суда, а именно: полная независимость присяжныхъ въ вынесенномъ убѣжденіи ихъ совѣсти о виновности или невинности подсудимаго, отсутствіе повода быть въ своей судейской дѣятельности лицепріятными въ угоду кому бы то ни было, и что присяжные засѣдатели, будучи избираемы изъ различныхъ слоевъ общества, „являются выразителями общественной

¹⁾ *Н. В. Полюнский*. Лекціи. Уголовный процессъ. Москва, 1911 г., стр. 61.

совѣсти, велѣнія которой коренятся въ глубинѣ правового и нравственнаго міросозерцанія народа, и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ примѣняются къ оцѣнкѣ совокупности всѣхъ провѣренныхъ обстоятельствъ дѣла“ (*Кони*) ¹⁾.

Наконецъ, присяжные засѣдатели, уступая короннымъ судьямъ въ опытности, превосходятъ ихъ знаніемъ жизни и „живымъ отношеніемъ къ дѣлу“, присущемъ каждому гражданину, который впервые приступаетъ къ дѣлу въ качествѣ судьи. Въ то время, какъ у короннаго судьи неизбѣжно притуляется чувство нравственной отвѣтственности, вслѣдствіе того, что передъ нимъ проходятъ сотни однородныхъ дѣлъ, — это чувство нравственной отвѣтственности, какъ каждый изъ насъ лично убѣждался, остро переживается присяжными, а потому они, тщательно взвѣсивъ обстоятельства дѣла, вкладываютъ въ свой приговоръ „всю доступную имъ степень разумѣнія“, при чемъ они несутъ съ собою въ судъ и господствующія въ обществѣ, представителями котораго сами являются, воззрѣнія, какъ на преступленіе, такъ и на наказаніе (*Н. Н. Полянский*). Въ силу уже этого, общество не можетъ не питать къ суду присяжныхъ недоувѣрія, а потому становится понятнымъ и естественнымъ признаніе страстнаго противника суда присяжныхъ австрійскаго судьи *Гуз-Глунок'а*, что „тамъ, гдѣ правительственные судьи заняты себя злоупотребленіями, только судъ присяжныхъ можетъ возродить въ народѣ утраченную вѣру въ правосудіе“ ²⁾.

При современномъ гласномъ судоустройствѣ, когда гарантирована свободная оцѣнка доказательствъ на судѣ, судебная истина, казалось бы, должна была бы быть обезпечена въ смыслѣ ея отысканія, такъ какъ личность обвиняемаго подвергается всесторонней оцѣнкѣ, начиная съ ея наслѣдственности и кончая случайными движеніями ея души. Но, несмотря на это, съ расширеніемъ и углубленіемъ этого изслѣдованія подсудимаго, свидѣтельскія показанія, въ послѣднее время, все болѣе и болѣе подвергались критической оцѣнкѣ, съ точки зрѣнія значенія ихъ внутренняго достоинства, настолько, что отдѣльныя сообщенія и сомнѣнія о искаженіи свидѣтелями истины перешли уже, въ настоящее время, при участіи криминалистовъ и психологовъ, въ безпощадное отрицаніе свидѣтельскихъ показаній, какъ средства выясненія судебской правды.

¹⁾ *Н. Н. Полянский*. Уголовный процессъ. Москва, 1911 г., стр. 67.

²⁾ *Н. Н. Полянский*. *Ibid.*, стр. 68.

Тотъ фундаментъ, на которомъ основывается свидѣтельское показаніе, есть наша память, подъ которою разумѣется установленный фактъ, что впечатлѣнія, получившія доступъ въ нашу психику, продолжаютъ на нее дѣйствовать и, смотря по тому, какъ проявляется это вліяніе, различаютъ неодинаковыя функціи памяти—узнаваніе, запоминаніе, фантазія и воспоминаніе, „вызывающее изъ опредѣленнаго момента прошлаго опредѣленное сочетаніе элементовъ, воспринятыхъ тогда въ качествѣ отдѣльныхъ впечатлѣній“, чѣмъ и создается способность реальное прошедшее событіе превращать въ его настоящее, т.-е. способность создавать точную копію прошедшаго какого-либо событія, отъ котораго было воспринято нашею психикою впечатлѣніе. Конечная цѣль, такимъ образомъ, нашей способности воспоминанія сводится на способность фиксировать въ памяти прошлую дѣйствительность (*Гольдовскій*)¹⁾.

Всякое свидѣтельское показаніе на судѣ, въ которомъ не подозрѣвается ложь или патологическая неправда, а особенно если это показаніе дается изъ-подъ присяги, считается за правду, за точное, болѣе или менѣе, воспроизведеніе на судѣ прошлой дѣйствительности; но, въ послѣднее время, обратили вниманіе, что наши чувства обманываютъ насъ на каждомъ шагу, наша память помнитъ не то, что было нами воспринято, и что ея матеріаломъ является не объективная дѣйствительность, а лишь наше представленіе о ней²⁾. Обратили вниманіе и на причины неточности и ошибокъ показаній свидѣтелей: недостаточная развитость наблюдательности, сильная фантазія, внушеніе, вліяніе вопросовъ слѣдователя, судей и сторонъ на судѣ и т. д., но никто не подозрѣвалъ, до послѣдняго времени, размѣровъ этихъ нормальныхъ ошибокъ, выясненныхъ только живыми примѣрами и опытами надъ памятью школьниковъ (*Jacobs, Bolton, Vinet, Henri, Нечаевъ, Lobsien* и др.) и надъ взрослыми развитыми людьми опытами проф. *William'a Stern'a*, показавшими, что разнообразіе ошибокъ памяти неисчерпаемо, и что, по объективнымъ признакамъ, онѣ обнаруживаются въ *пропускъ* того, что существовало въ дѣйствительности, въ *прибавкъ* того, что отсутствовало и въ *превращеніи*

1) *О. В. Гольдовскій*. Психологія свидѣтельскихъ показаній. Проблемы психологіи, вып. I. Ложь и свидѣтельскія показанія. Москва. Ред.-изд. И. Н. Холчевъ, стр. 80.

2) *Прив.-доц. Бернштейнъ*. Воспоминаніе и дѣйствительность. Проблемы психологіи, вып. I, Москва. Ред.-изд. И. Н. Холчевъ, стр. 166.

въ иной видъ, какового въ дѣйствительности не существовало. Выяснилось также, что наиболѣе частыя ошибки—не только ошибки воспоминаія, какъ выраженіе ослабленной памяти, но также установлены и ошибки, вслѣдствіе тенденціи къ преувеличенію, при чемъ эта способность играетъ огромную роль, какъ источникъ искаженія дѣйствительности, что подтверждено какъ опытами *а*, такъ и *Гольдовскаго*. Эти опыты, какъ и значеніе ихъ настолько стали очевидны, что сталъ не такъ давно издаваться, при участіи проф. *Листа* и *Гросса*, специальный журналъ „*Beitrage de psychologie der Aussage*“, въ которомъ опубликованы и практическіе выводы изъ судебныхъ наблюденій *Гейльберга*, изъ которыхъ обращаетъ вниманіе, что образованные люди отличаются плохой воспріимчивостью дѣйствительности и что почти каждое показаніе, рядомъ съ передачею впечатлѣній, заключаетъ въ себѣ сужденіе правового характера. Выяснено также важное обстоятельство, что зависимость памяти не такъ велика отъ времени, какъ отъ суммы впечатлѣній, полученныхъ между воспріятіемъ впечатлѣнія и показаніемъ свидѣтеля и что частое или постоянное повтореніе рассказовъ о впечатлѣніяхъ представляетъ чрезвычайную опасность для показанія, какъ выяснено и то, что самовнушеніе и внушеніе, въ смыслѣ прививанія идеи, чувства, эмоціи и другихъ психофизическихъ состояній, безъ участія воли воспринимателя лица и нерѣдко безъ яснаго, съ его стороны, сознанія и помимо его активнаго вниманія (проф. *Бехтерева*)¹⁾,— дѣйствуютъ задолго до допроса на воспоминаніе и фантазію, чѣмъ объясняется различіе послѣдовательныхъ показаній одного и того же свидѣтеля, эпидеміи ложныхъ показаній и неожиданное, иногда передъ началомъ процесса, появленіе новыхъ свидѣтелей событія, о которомъ судебное предварительное слѣдствіе почти закончено. Установлено, наконецъ, что ошибки обнаруживаютъ не столько недостатки памяти, сколько слабое развитіе чувства контроля объективной цѣнности психическихъ впечатлѣній, а также слабое сознаніе отвѣтственности передъ серьезностью происходящаго въ дѣйствительности²⁾.

Всѣ приведенные нами вопросы экспериментальной психоло-

¹⁾ *Акад. В. Бехтеревъ*. Внушеніе и его роль въ общественной жизни, изд. 3-е, Москва, 1908 г., стр. 16.

²⁾ *О. В. Гольдовскій*. Психологія свидѣтельскихъ показаній. Проблемы психологіи, вып. I. Ложь и свидѣтельскія показанія. Москва. Ред.-изд. И. Н. Холчевъ. Стр. 89 — 97.

ги, какъ выраженіе новой современной оцѣнки свидѣтельскихъ показаній, представляющіе новое теченіе въ правовой и процессуальной сферѣ, были подробно обсуждаемы въ Казанскомъ и Петербургскомъ юридическихъ обществахъ, а докладъ члена-сотрудника послѣдняго—*О. Б. Гольдовскаго* вызвалъ разностороннія пренія, давъ основаніе представителю уголовнаго права *А. Θ. Коми*—высказать надежду, что вопросъ о психологіи свидѣтелей не заглохнетъ среди юристовъ, а подвергнется, въ совмѣстномъ трудѣ съ опытами психологовъ, дальнѣйшей разработкѣ ¹⁾.

Современная „переоцѣнка“ правъ и размѣровъ судейскаго убѣжденія распространяется на всѣ роды доказательствъ и свободно взвѣшиваетъ внутреннее достоинство каждаго изъ нихъ, а судебною практикою и законодательствомъ вырабатываются правила, обезпечивающія полученіе доказательствъ въ чистомъ ихъ видѣ, „безъ постороннихъ примѣсей, коренящихся въ физической или нравственной природѣ ихъ источника“, при чемъ особенное вниманіе обращается на чистоту главнаго изъ доказательствъ—*свидѣтельское показаніе*, которое, прямо или косвенно, въ большинствѣ случаевъ имѣетъ рѣшающее значеніе для судейскаго убѣжденія, выражающагося въ приговорѣ (*А. Θ. Коми*) ²⁾.

Свидѣтельское показаніе, какъ и всякое другое доказательство, должно быть получено „въ такомъ видѣ и такой обстановкѣ, которая устраняла бы мысль о его поддѣлкѣ или о полученіи его вымогательствомъ“, какъ и при условіи отсутствія нравственнаго воздѣйствія или психическаго принужденія возбужденіемъ въ свидѣтелѣ чувства страха, желанія получить выгоду, угрозы и обѣщанія. Законъ, категорически воспрепятствующій домогаться признанія обвиняемаго путемъ этого психическаго вымогательства (ст. 405 У. У. С.) долженъ, по мнѣнію *А. Θ. Коми*, всецѣло быть примѣняемъ и по отношенію свидѣтелей, допросъ которыхъ долженъ производиться „безъ всякой тѣни стремленія добиться того или другого результата показанія“ ³⁾.

Допуская возможность злоупотребленія со стороны допрашивающихъ свидѣтеля, Законъ, какъ видно, не исключаетъ могущаго произойти зла и со стороны допрашиваемаго свидѣтеля, въ которомъ могутъ заключаться элементы, способствующіе уклоне-

¹⁾ *А. Θ. Коми*. Свидѣтели на судѣ. Проблемы психологіи. Ложь и свидѣтельскія показанія, вып. I, Москва. Ред.-изд. И. Н. Холчевъ, стр. 110.

²⁾ *Ibid.*, стр. 107.

³⁾ *А. Θ. Коми*. Свидѣтели на судѣ. *Ibid.*, стр. 109.

нію его показанія отъ истины и искажающіе его фактической источникъ. Отсюда—стремленіе закона очистить свидѣтеля отъ вліянія: дружбы, вражды, страха, слуховъ, постороннихъ вліяній, устраненіе отъ свидѣтельства душевно-больныхъ и тѣхъ, кто можетъ стать въ противорѣчіе со своимъ служебнымъ или общественнымъ долгомъ (священники, защитники). Отсюда—предоставленіе права отказа отъ дачи показаній близкихъ родственниковъ подсудимаго, и т. д. Но и послѣ всего этого, и послѣ провѣрки показанія на судѣ путемъ перекрестнаго допроса и сопоставленій, какъ видно изъ вышеизложеннаго, все же остается свойство показанія, дѣлающее его иногда въ значительной степени недостовернымъ, такъ какъ самое добросовѣстное показаніе основывается на усиліи памяти, передающей то, на что было обращено свидѣтелемъ его вниманіе, которое, въ современномъ освѣщеніи экспериментальной психологіи, далеко не совершенное, а память съ теченіемъ времени искажаетъ запечатлѣнные вниманіемъ образы и представляетъ ихъ въ иномъ видѣ, чѣмъ были въ дѣйствительности, помимо воли и сознанія самого свидѣтеля (*А. Э. Коши*).

Все вышесказанное даетъ основаніе экспериментальной психологіи выдвинуть въ современной переопѣнкѣ свидѣтельскихъ показаній вопросы: возможно ли считать доказательствомъ такое обстоятельство, повѣствованіе о которомъ „испорчено въ источникѣ (вниманіе) и въ дальнѣйшемъ своемъ движеніи (память)“, и не слѣдуетъ ли подвергнуть тщательной провѣркѣ и степень развитія вниманія свидѣтеля и прочность его памяти и выяснивъ съ какимъ вниманіемъ и памятью свидѣтеля имѣется дѣло,—вдуматься затѣмъ въ сущность его показанія, отъ котораго иногда всецѣло зависитъ справедливость приговора, а слѣдовательно, и судьба подсудимаго?..

При гласномъ разбирательствѣ въ нашемъ новомъ судѣ не можетъ быть рѣчи, кромѣ исключительныхъ случаевъ злоупотребленія властью, о насиліи личномъ со стороны органовъ правосудія, но возможно насиліе или нравственное воздѣйствіе, составляющее видъ психическаго принужденія въ видѣ возбужденія чувства страха, надежды или желаній (*А. Э. Коши*) и если оно допустимо при гласномъ судопроизводствѣ, то тѣмъ болѣе допустимо при предварительномъ судебномъ слѣдствіи, способъ веденія котораго, методъ добыванія судебныхъ данныхъ, допросъ свидѣтелей и т. д.—почти всецѣло зависитъ отъ сознательнаго отношенія къ своимъ дѣйствіямъ и доказательствамъ, а также и

отъ индивидуальности стоящаго во главѣ этого слѣдствія съ его широкими полномочіями, а потому становится понятнымъ высказанное, въ засѣданіи Кіевскаго психіатрическаго общества, *М. В. Литовченко* въ его рѣчи въ 1900 г., что судебные дѣятели, по предварительному изслѣдованію преступленій и разсмотрѣнію уголовныхъ дѣлъ на судѣ должны имѣть твердую почву сознательнаго отношенія къ доказательствамъ, среди которыхъ главнѣйшее мѣсто занимаютъ показанія свидѣтелей. Въ дальнѣйшихъ своихъ изслѣдованіяхъ проф. *В. Stern* посвящаетъ свой трудъ вопросу вліянія допроса на показанія свидѣтелей т.-е. самому важному моменту предварительнаго и судебного слѣдствія, при чемъ вопросу вліянія внушенія при допросѣ уже посвящена имъ глава книги „Die Aussage als geistige Leistung u. als Verhörprodukt“, а *О. Б. Гольдовскій* высказываетъ желательность выработать совмѣстными усиліями программу международнаго опыта, который далъ бы возможность болѣе совершенно разрѣшить споръ между сторонниками эксперимента и скептиками, возлагающими свои надежды болѣе на внутреннее ихъ усмотрѣніе, въ смыслѣ познанія, на ихъ житейскій и судейскій опытъ оцѣнки достовѣрности свидѣтельскихъ показаній ¹⁾, чѣмъ на опыты, наблюденія и выводы научныхъ дѣятелей.

Всѣ вышеприведенныя данныя экспериментальной психологіи и мнѣнія криминалистовъ внушили мнѣ особенный интересъ закончить въ настоящее время мое нравственное обязательство передъ обществомъ изслѣдованіемъ дѣла „о покушеніи на убійство жены жандармскаго ротмистра О. Н.“, разбиравшагося въ декабрѣ 1904 г. въ Новочеркасскомъ окружномъ судѣ подѣ председательствомъ, въ настоящее время состоящимъ сенаторомъ, г. А. Н. Кривцова и въ которомъ я фигурировалъ въ качествѣ врача-свидѣтеля, скомпрометированнаго обвинительнымъ актомъ, какъ „поселявшаго сомнѣніе въ совершившемся преступленіи“— обвиненіе, немедленно же отпавшее на судѣ заявленіемъ г. председателюствующаго, что я являюсь на судѣ „не экспертомъ, а уважаемымъ свидѣтелемъ“. Тамъ же на судѣ на вопросъ г. председателя я заявилъ, что мною будетъ издана брошюра по разбиравшемуся этому, невѣроятно запутанному дѣлу, о чемъ я выну-

¹⁾ *О. Б. Гольдовскій*. Психологія свидѣтельскихъ показаній. Проблемы психологіи, вып. I. Ложь и свидѣтельскія показанія. Москва. Ред.-изд. И. Н. Холчевъ, стр. 99—101.

жденъ былъ еще заявить въ печати ¹⁾—дѣлу, создавшемуся благодаря лишь ошибочному выводу и заключенію врачей-экспертовъ и предпочтенію представителя предварительнаго слѣдствія въ отысканіи судебной истины метода косвенныхъ уликъ методу врачебно-научнаго изслѣдованія и сопоставленія вывода его съ объективными данными совершившагося преступленія. Благодаря этому, а также—игнорированію объективныхъ данныхъ и игнорированію современныхъ требованій полученія чистоты свидѣтельскихъ показаній, создался выдающійся въ лѣтописяхъ судебной исторіи процессъ, когда въ основѣ обвинительнаго акта была ошибочная и необоснованная научно гипотеза врачей-экспертовъ, окруженная системой сознательныхъ и безсознательныхъ ложныхъ показаній въ силу которыхъ, вопреки выработаннымъ наукою истинамъ и объективнымъ даннымъ самого событія, произошло превращеніе на судѣ виновнаго въ преступленіи—въ обвинителя, невиновныхъ — не только въ преступниковъ-подсудимыхъ, но и принявшаго на себя, одного изъ нихъ, чуждое для него преступленіе, а врача-свидѣтеля, съ самаго начала предварительнаго слѣдствія указывавшаго „по важнѣйшимъ дѣламъ“ судебному слѣдователю на его заблужденіе, — почти въ укрывателя преступленія.

Врачебно-экспериментальная часть произведеннаго изслѣдованія по указанному дѣлу была напечатана мною въ пользующейся общимъ уваженіемъ газетѣ „Русскій Врачъ“ въ №№ 6, 8, 10 и 26 за 1906 годъ подъ заглавіемъ: „Экспериментальное изслѣдованіе казуистическаго случая по разрѣшенію вопроса: Было ли покушеніе на убійство или на самоубійство?..“, а юридическая часть не могла быть по различнымъ причинамъ до настоящаго времени закончена.

II.

Но прежде чѣмъ приступить къ исторической части изложенія дѣла „о покушеніи на убійство О. Н.“, считаю необходимымъ предпослать ему заявленіе, что въ судебной практикѣ, служащей обыкновенно отраженіемъ окружающей насъ жизни, встрѣчаются

¹⁾ „Неравная борьба убѣжденных“. „Приазовскій Край“ и „Южный Телеграфъ“ отъ 8 марта 1905 г.

иногда случаи, когда невинно привлеченный къ отвѣтственности за чуждое для него преступленіе сознательно принималъ на себя вину за преступленіе, которое онъ никогда не совершалъ. Эти рѣдкіе случаи кажутся всегда невѣроятными и несомвѣстными съ присущимъ человѣку чувствомъ самосохраненія, въ силу котораго становится трудно допустимымъ, чтобы невинный и ложно сознающійся на судѣ добровольно промѣнялъ бы свободу на заточеніе, чтобы онъ предпочелъ бы свободную профессію—принудительнымъ работамъ, свою волю—жизни подневольной, гражданскую жизнь—гражданской смерти. Это трудное въ нашемъ представленіи совмѣщеніе въ человѣкѣ чувства самосохраненія съ ложнымъ самообвиненіемъ, какъ естественнаго съ неестественнымъ,—объясняетъ причину, почему такъ сильно импонируетъ, внушаетъ намъ невольное уваженіе и довѣріе къ себѣ сознание на судѣ обвиняемаго въ несовершенномъ имъ преступленіи, несмотря на его видимую ложность. Такова психологія духовной стороны человѣка и наша неосвѣдомленность въ научныхъ данныхъ и судебной казуистики, засвидѣтельствованныхъ лѣтописями судебной исторіи, чтобы не только средній обыватель, но и многіе—кому вѣдать это надлежитъ—могли бы недовѣрчиво и скептически отнестись къ личному сознанию въ преступленіи обвиняемаго или подсудимаго, хотя бы объективныя и научныя данныя и не соответствовали заявленію „сознавагося“ на судѣ, обнаруживая этимъ его явную и сознательную ложь.

Но какъ не кажутся недопустимыми для насъ подобные факты, а не только исторія отдаленнаго отъ насъ въ прошломъ времени, но и современная жизнь представляетъ намъ подобные примѣры ложнаго сознанія на судѣ. Древній Ульпіанъ сообщаетъ случай, когда привлеченный къ отвѣтственности рабъ, изъ своего желанія не возвращаться къ своему жестокому деспоту-хозяину, ложно обвинилъ себя въ убійствѣ. Подсудимые Брунсъ въ 1819 г. сознались въ убійствѣ Росселя Кольвини и были приговорены къ смертной казни, которая не была, по счастью, еще приведена въ исполненіе, когда найденъ былъ дѣйствительный убійца. Розалія Дуазъ въ 1860 году созналась въ отцеубійствѣ и приговорена была къ каторжнымъ работамъ, но была за тѣмъ реабилитирована новымъ процессомъ, обнаружившимъ дѣйствительнаго убійцу ея отца, а Николай Делалаандъ обвинилъ себя и своего дядю въ убійствѣ молодой дѣвушки, оказавшейся живою и здоровою, при чемъ никакого преступленія надъ нею не было со-

вершено ¹⁾. Въ семидесятихъ годахъ во Франціи обвиняемая созналась въ убійствѣ своего мужа и обстоятельно рассказала на судѣ, какъ и при какихъ условіяхъ совершила она преступленіе, вслѣдствіе чего и была осуждена на вѣчную каторгу; но, черезъ два или три года нашелся несомнѣнный убійца мужа этой осужденной женщины и когда она была вновь вызвана въ судѣ, то выяснила причины, побудившія ее принять на себя чуждое ей преступленіе: „слѣдственный судья добивался отъ нея признанія и, съ этой цѣлью, держалъ ее, во время слѣдствія, въ тѣсной и сырой комнатѣ“, при неудовлетворительной пищѣ, угрожая продержатъ ее въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока она сознается въ преступленіи ²⁾. Нашъ извѣстный современный криминалистъ—*А. Э. Коми* заявляетъ, что подобные, хотя и рѣдкіе, случаи ложнаго признанія существуютъ въ судебной практикѣ, при чемъ приводитъ свой предѣдательскій случай, когда пришлось ему видѣть мать, которая приняла на себя вину своего вѣббрачнаго сына, заподозрѣннаго въ убійствѣ путемъ отравленія.

По мнѣнію *А. Э. Коми*, „собственное признаніе можетъ быть дѣлаемо изъ личныхъ видовъ, нелишенныхъ корысти или другихъ расчетовъ, для того, чтобы, по пословицѣ „семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ“, собравъ надъ своей головой рядъ поглощающихъ одно другое обвиненій, освободить отъ преслѣдованія дѣйствительно виновныхъ“. Оно исходитъ изъ особаго душевнаго строя человѣка, къ которому относится и великодушный порывъ, подъ влияніемъ котораго человѣкъ принимаетъ на себя чуждое преступленіе, чтобы спасти близкое или дорогое ему лицо, давъ ему возможность бѣжать или скрыться, или направить изслѣдованіе преступленія на ложный путь ³⁾. Чувство отчаянія, вслѣдствіе сильныхъ и, повидимому, неопровержимыхъ доказательствъ преступленія, страхъ незаслуженнаго наказанія и надежда на помилованіе или смягченіе приговора, тѣснота и нетерпимое положеніе подслѣдственныхъ арестантовъ, влияніе убѣжденій близкихъ по родству или дружбѣ лицъ—принять на себя преступленіе, какъ единственное средство облегчить себѣ наказаніе—вотъ установленныя въ цѣломъ рядѣ другихъ внѣшнія и внутреннія побу-

¹⁾ *И. Н. Ткачевъ*. Судебныя ошибки, СПб., 1867 г., т. I, стр. 18—25.

²⁾ Уголовныя тайны, разоблаченныя судомъ и слѣдствіемъ, СПб., 1874 г., стр. 19—22.

³⁾ *А. Э. Коми*. На жизненномъ пути, СПб., 1912 г., т. I, стр. 312—313.

ждения подсудимаго къ ложному его сознанию или принятію на себя чуждый грѣхъ, чуждое ему преступленіе (*П. Н. Ткачевъ* ¹⁾).

Въ старое время въ отжившемъ уголовномъ судопроизводствѣ собственное признаніе въ своей виновности считалось „лучшимъ доказательствомъ всего свѣта“ и играло рѣшающую роль при разборѣ дѣла, но настоящій, новый уголовный процессъ выдвинулъ на первый планъ совокупность косвенныхъ уликъ и придалъ значеніе доказательства собственному признанію обвиняемаго, если оно подтверждается обстоятельствами дѣла (*А. О. Коши* ²⁾), ибо личное сознаніе обвиняемаго не всегда облегчаетъ процессуальную сторону уголовного процесса, но иногда даже запутываетъ и осложняетъ его. Не придавая такого важнаго значенія отжившаго уголовного судопроизводства собственному признанію виновности обвиняемаго, новый уголовный процессъ создалъ этимъ широкую возможность критическаго отношенія къ собственному признанію обвиняемаго или подсудимаго, которое, по мнѣнію современныхъ криминалистовъ, можетъ быть доказано положительно только при наличности *corpus delicti*, т.-е. объективной части преступленія во всѣхъ видахъ ³⁾, а потому становится понятнымъ мнѣніе современныхъ криминалистовъ, что сознаніе обвиняемаго само по себѣ не можетъ служить доказательствомъ дѣйствительности совершеннаго имъ преступленія и всегда требуетъ всесторонней его оцѣнки, сопоставляя это сознаніе не только съ свидѣтельскими показаніями, но особенно съ обстановкою совершившагося преступленія, какъ главною объективною частью уголовного процесса.

Приведенныя авторитетныя данныя необходимы для правильнаго критическаго анализа и оцѣнки наблюдавшейся мною осенью, въ сентябрѣ 1901 года полной трагизма обстановки преступленія, происшедшаго въ одномъ изъ южныхъ городовъ Россіи, въ квартирѣ жандармскаго ротмистра Я. Н., куда я былъ экстренно вызванъ для подачи врачебной помощи его женѣ О. Н., которая, послѣ раздавшихся въ ея квартирѣ выстрѣловъ, раненая и окровавленная, съ распущенными въ беспорядкѣ волосами, выскочила на выходящей на улицу балконъ и взывала къ проходящимъ о помощи.

¹⁾ *П. Н. Ткачевъ*. Судебныя ошибки, СПБ., 1867 г., т. I, стр. 73.

²⁾ *А. О. Коши*. На жизненномъ пути, СПБ., 1912 г., т. I, стр. 312—313.

³⁾ *Проф. О. А. Патенко*. Опытъ руководства къ судебно-медицинскому анализу, Харьковъ, 1904 г., стр. 54.

Когда я вошелъ въ квартиру О. Н., то увидѣлъ ее лежащую на диванѣ въ кабинетѣ своего мужа и стоявшаго возлѣ раненой врача Ст., ранѣ меня пріѣхавшаго, который и объяснилъ мнѣ, что О. Н. „не стрѣлялась“, какъ мнѣ сообщили по телефону, а что въ нее стрѣлялъ лакей — ингушъ Мурадъ, побѣжавшій за фельдшеромъ. Послѣ этого я подошелъ къ раненой, лежавшей на диванѣ съ распущенными, отчасти смоченными кровью волосами и съ холоднымъ компрессомъ въ области лѣваго виска. Она лежала блѣдная съ кровавыми слѣдами на платѣ, лицѣ и рукахъ, отплевывая временами въ носовой платокъ пѣнистую, окрашенную кровью слюну. Несмотря на долгое время, въ теченіе котораго не видѣлись мы, О. Н. тотчасъ меня узнала и стала спрашивать меня: насколько опасно ея положеніе и останется ли она жива, настойчиво прося меня въ то же время немедленно послать за ея дочерью въ гимназію, видимо опасаясь за свою жизнь. На мой вопросъ она сообщила, что когда она сидѣла „на стулѣ“ въ спальнѣ за столомъ и шила на швейной машинѣ, къ ней неожиданно подошелъ лакей Мурадъ и сталъ въ нее стрѣлять по неизвѣстнымъ для нея причинамъ. Не желая напрасно тревожить больную, такъ какъ я узналъ, что сейчасъ явятся врачи-хирурги, я, не снимая компресса, осторожно лишь его приподнялъ и увидѣлъ на лѣвой височной области у наружнаго угла глазной щели типичную огнестрѣльную рану отъ выстрѣла на непосредственно близкомъ разстояніи — въ упоръ, въ видѣ чернаго, какъ сажа, круга, величиной, приблизительно, въ 15—20 копеечную монету, въ центрѣ котораго находилась небольшая круглая пулевая ранка, выдѣлявшая венную кровь. Спускавшіеся смоченные кровью волосы прикрывали лѣвое ухо и заднюю часть виска, а потому я предполагалъ на первое время, что имѣется только одна огнестрѣльная рана.

Послѣ этого я пошелъ въ спальню, гдѣ было совершено само преступленіе и гдѣ нашелъ нѣсколько человекъ постороннихъ, а также тамъ были и представители полиціи: приставъ П. и его помощникъ С., считавшійся среди жителей города находчивымъ и ловкимъ сыщикомъ. Они стояли у кушетки и стола со швейною машиною и обсуждали вопросъ: было ли въ данномъ случаѣ покушеніе на убійство или же на самоубійство?.. При этомъ же я услышалъ фразу г. С.: „Да она сама въ себя стрѣляла!“ Такое заявленіе представителя полицейской власти было сдѣлано, какъ оказалось впоследствии, въ виду чрезвычайно важнаго обстоятельства для рѣшенія вопроса покушенія на убійство или на

самоубійство, упущеннаго на мѣстѣ всѣми врачами, осматривавшими пострадавшую, но не ускользнувшаго отъ вниманія сыщика: на лѣвой рукѣ потерпѣвшей, у локтевого наружнаго края кисти руки, оказался явный слѣдъ пороховою копоти, имѣющій

Фот. А.

Фотографическій снимокъ угла комнаты, гдѣ произошло преступленіе, представляеть точную копію этой части комнаты того снимка, который былъ приложенъ къ дѣлу, во время его разбирательства на судѣ. Уголь комнаты снятъ подъ туннымъ угломъ, вслѣдствіе чего и расположеніе мебели не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Если представимъ мысленно уголь комнаты прямымъ, то наружная стѣна, у которой стоялъ столъ, а передъ нимъ — вѣнскій стулъ, придвинется нѣсколько влево и вѣнскій стулъ будетъ находиться противъ средины сидѣнья кушетки, какъ и было въ дѣйствительности. Разстояніе между угломъ стола *b*, на которомъ стояла швейная машина и нижнимъ краемъ кушетки равно, какъ установлено протоколомъ, „30 сантим.“, которое необходимо предварительно пролѣзть, чтобы пройти въ „правый уголъ“ комнаты.

огромное судебно-медицинское значеніе, такъ какъ обыкновенно *указываетъ на автора произведенныхъ выстрѣловъ въ уторѣ.*

Этого значенія и самаго обстоятельства находженія слѣдвовъ

пороховой копоти на рукѣ потерпѣвшей О. Н. въ то время я еще не зналъ, а потому невольно отнесся недовѣрчиво къ заявленію помощника пристава С., какъ противорѣчившему только что слышанному мною заявленію раненой, что стрѣлялъ въ нее лакей Мурадъ и не вѣрить которой я не имѣлъ основанія. Я былъ невольно заинтригованъ такимъ противорѣчіемъ, вслѣдствіе чего и обратилъ вниманіе на обстановку комнаты, гдѣ совершенно было преступленіе т.-е. обратилъ вниманіе на самую существенную часть слѣдственнаго производства. (Фотографія А.)

Весь полъ довольно большой комнаты, изъ которой одно окно и стеклянная дверь на балконъ выходили на улицу, былъ залитъ кровью въ видѣ дорожекъ, ясно указывавшихъ направленія, въ какихъ ходила раненая, послѣ нанесенныхъ ей ранъ. Въ „правомъ углу комнаты“, гдѣ возлѣ окна, выходящаго на улицу, стоялъ столъ со швейною машиной и вѣнскій стулъ передъ нимъ, а у стѣны, образующей уголъ съ наружною, на улицу выходящею стѣною, расположена была кушетка, на которой въ полномъ порядкѣ расположены были легкія вещи, какъ-то: фотографическая группа, стоявшая посрединѣ, шляпа и сложенное платьѣ. На кушеткѣ и на стѣнѣ надъ нею усматривались *артеріальныя кровяныя брызги* изъ раненой вѣточки височной артеріи, въ числѣ которыхъ преобладали брызги круглой формы и грушевидной съ тонкимъ концомъ, обращеннымъ внизъ—указывавшіе на паденіе струи на стѣну въ перпендикулярномъ направленіи и ясно доказывали, что пострадавшая дѣйствительно сидѣла на стулѣ, отстоявшемъ отъ кушетки на 1—1½ аршина и что въ моментъ раненія поверхность лѣвой височной области была обращена въ сторону кушетки, была приблизительно параллельна стѣнѣ и кушеткѣ. Что О. Н. сидѣла на стулѣ, а не на кушеткѣ подтверждалось, какъ лужею венной крови, находившейся между стуломъ и кушеткою, излившейся изъ раны лѣваго виска, такъ и отсутствіемъ кровяныхъ брызгъ на столѣ и на выходящей на улицу стѣнѣ. Обращало также на себя вниманіе то обстоятельство, что покушавшійся предпочелъ почему-то избрать для стрѣльбы лѣвый високъ, обращенный къ узкому пространству—между стуломъ и кушеткою, а пренебрегъ правымъ вискомъ, обращеннымъ къ остальной части комнаты, что дало бы возможность легко и свободно стрѣлять въ О. Н. Это несообразное почему-то *предпочтеніе явлаго неудобства удобству*, дававшему полный просторъ и свободу дѣйствія покушавшемуся на жизнь потерпѣвшей, невольно останавливало на себѣ вниманіе и бросалось въ глаза. Гдѣ

бы не сидѣла потерпѣвшая въ моментъ произведенныхъ выстрѣловъ въ нее: на стулѣ ли, какъ заявила она мнѣ, или же на кушеткѣ, какъ послѣ она утверждала, — ея лѣвая височно-скуловая область была бы обращена къ узкому и тѣсному пространству, создавшему неблагоприятныя условія для стрѣльбы постороннимъ лицомъ, а правая — давала свободу и просторъ для преступника, но почему-то была пренебрежена. Если О. N. сидѣла на стулѣ, то лѣвый високъ былъ бы обращенъ къ стѣнѣ, гдѣ стояла кушетка и стрѣлявшій долженъ былъ бы для этого предварительно залѣзть между стуломъ и кушеткою, а если бы она сидѣла на кушеткѣ, то лѣвый високъ ея былъ бы обращенъ къ углу стѣнъ наружной съ окномъ и внутренней, у которой стояла кушетка, что казалось совершенно невозможнымъ, такъ какъ необходимо было бы, чтобы залѣзть въ уголъ, продвинуться между угломъ стола и кушеткою и что отвергалось отсутствіемъ на стѣнахъ образуемаго ими угла кровяныхъ артеріальныхъ брызгъ. Кромѣ того, обращалъ на себя вниманіе полный ненарушенный *порядокъ* въ комнатѣ, какъ мебели, такъ и вещей, исключавшій какіе бы то ни было слѣды борьбы: вѣнскій легкій стулъ оказался неопрокинутымъ, несмотря на кровавый отпечатокъ пальцевъ руки на спинкѣ стула, швейная машина не сдвинута и даже такія легкія вещи: шляпа и фотографическая группа, находившіяся на срединѣ кушетки, оставались на мѣстѣ и не нарушали гармонію порядка. Никакихъ слѣдовъ борьбы въ комнатѣ не наблюдалось.

Осмотрѣвъ комнату и обративъ вниманіе на револьверъ, который осматривали представители полиціи, я уже собирался уходить, когда, повернувшись, увидѣлъ лакея ингуша юношу - Мурада, одѣтаго въ черкеску и стоявшаго покойно у двери, выходящей изъ спальни въ гостиную и возвратившагося уже послѣ того, какъ онъ ѣздилъ къ желѣзнодорожному фельдшеру для подачи помощи своей госпожѣ. На мой вопросъ: онъ ли стрѣлялъ въ свою госпожу, — Мурадъ категорически отрицалъ это, заявивъ мнѣ, что онъ подтиралъ полъ въ спальнѣ тряпками, какія дѣйствительно находились здѣсь же на полу, когда О. N. все „нападала на него за то, что въ ея отсутствіи, когда она была на дачѣ, у барина ночевала барышня и пила въ спальнѣ съ бариномъ шампанское“, а когда онъ, Мурадъ, вышелъ изъ спальни, то барышня начала сама въ себя стрѣлять, послѣ чего онъ побѣжалъ за фельдшеромъ.

Предполагая, что потерпѣвшая, какъ тяжело раненая, можетъ симулировать.

умереть, что еще болѣе усугубить тяжелое положеніе быть-можетъ невиннаго человѣка,—я вновь обратился къ раненой О. Н. съ вопросомъ: кто въ нее стрѣлялъ, и она вновь раздраженно подтвердила мнѣ виновность Мурада, заявивъ, что не знаетъ причины его покушенія на ея жизнь и прося меня отобрать у него револьверъ, чтобы онъ не убилъ бы ее. То же самое она заявила и приставу П., предъявившему ей Мурада, который на такое ея категорически высказанное обвиненіе, стоя передъ нею въ почтительной позѣ и, видимо, обнявъ весь ужасъ обвиненія, волнуясь, развелъ руками и сказалъ: „Барыня! Да вы же сами стрѣляли въ себя!..“ Въ почтительной позѣ обвиняемаго Мурада, въ выраженіи его лица и въ тонѣ его словъ, обращенныхъ къ О. Н., было столько искренности, что я невольно внутренно склонялся въ пользу его невинности.

Когда повели обвиняемаго въ гостиную, то я услышалъ и видѣлъ, какъ приставъ П., смочивъ свой палецъ слюною, мазнулъ имъ на рукѣ Мурада и спросилъ: „Откуда у тебя кровь на рукѣ—говори?!“, а когда я подошелъ ближе и осмотрѣлъ руку обвиняемаго, то крови на ней уже не видѣлъ: она если и была въ видѣ капли, то была уже стертою. Въ присутствіи всѣхъ, находившихся здѣсь, я тщательно осмотрѣлъ Мурада и *никакихъ слѣдовъ крови* ни на рукахъ его, ни на черкескѣ, ни на панталонахъ—*не нашелъ*.

Въ это время прибыли врачи-хирурги мѣстной городской Николаевской больницы, отъ которыхъ я узналъ, что у потерпѣвшей имѣется въ области лѣваго виска двѣ огнестрѣльные раны, а на мое заявленіе о противорѣчіяхъ о виновности Мурада,—старшій врачъ больницы „приватъ-доцентъ“ д-ръ П. громогласно заявилъ, что „нѣтъ никакого сомнѣнія о покушеніи на убійство О. Н.“, такъ какъ она „не лѣвша“, и что двѣ раны обнаружены у нея не въ области праваго, а лѣваго виска, что исключаетъ вопросъ о самоубійствѣ.

Послѣ этого я вновь вошелъ къ потерпѣвшей, возлѣ которой находился уже д-ръ Кр.—ординаторъ той же больницы, снявшій компрессъ и показавшій мнѣ всю лѣвую височно-скуловую область, на которой я увидѣлъ двѣ типичныя раны отъ выстрѣла *въ упоръ*, совершенно тождественныя и съ центральнымъ положеніемъ въ срединѣ черныхъ, пороховыхъ кружковъ пулевыхъ ранокъ, а слѣдовательно, происшедшихъ отъ выстрѣловъ, произведенныхъ на одинаково-близкомъ разстояніи въ упоръ и въ одномъ и томъ же направленіи, т.-е. *подъ однимъ и тѣмъ же угломъ*. Я

невольнo останоBилcя надъ Bопросомъ: Bозможно ли произвести поcтoроннимъ лицамъ подобныя двѣ тождественныя раны Bыстрѣломъ изъ револьвера челоBѣку, при условии сохраненiя имъ сознанiя, а слѣдовательно и чувства самосохраненiя, чего по всѣмъ даннымъ О. Н. не была лишена? Беря во вниманiе неустойчивость ствола револьвера и его невольныя колебанiя и движенiя дула при надавливанiи указательнымъ пальцемъ на гашетку, необходимымъ для производства Bыстрѣла, здравый смыслъ отвергалъ эту Bозможность, и тѣмъ болѣе при сохраненiи сознанiя потерпѣвшей, когда она невольнo, инстинктивно послѣ перваго Bыстрѣла будетъ стараться уклониться отъ втораго Bыстрѣла, сдѣлаетъ хотя бы малѣйшiй поворотъ головы и тѣмъ самымъ измѣнить Bзаимоотношенiе направленiя Bыстрѣла изъ револьвера и плоскости раненiя, создавъ этимъ физически невозможныя условия для полученiя двухъ, совершенно тождественныхъ огнестрѣльныхъ ранъ. Не безъ основанiя я полагаю, что воспроизвести подобныя двѣ тождественныя раны у потерпѣвшей поcтoроннимъ лицамъ возможно лишь при условии фиксированiя головы, лишивъ ее Bозможности движенiя и лишивъ Bозможности колебанiя ствола револьвера, приставивъ непосредственно его дуло къ кожи области виска, что возможно лишь при условии насилiя надъ потерпѣвшею покушавшагося на ея жизнь, *слѣдовъ котораго мы не находили* ни на потерпѣвшей, ни въ окружающей ее обстановкѣ.

Всѣ эти же высказанныя соображенiя исключали также Bозможность, при стрѣльбѣ изъ револьвера поcтoроннимъ лицомъ, обнаруженной у потерпѣвшей *поразительной мѣткости* стрѣльбы, когда я увидѣлъ двѣ совершенно одинаковыя огнестрѣльныя раны, находившiяся одна возлѣ другой въ такой малой области, какъ височно-скуловая область, при чемъ пулевыя ранки отстояли на разстоянiи, приблизительно 5—6 см. другъ отъ друга, а окружавшiя ихъ ободки пороховой копоти соприкасались.

Въ тотъ же день, какъ мнѣ сообщили, съ громкими рыданiями, заливающимися слезами и съ Bзыванiями на своемъ национальномъ нарѣчii къ отсутствующей въ эту тяжелую минуту жизни своей матери, Bзыванiями, въ которыхъ окружающiе могли лишь понять отдѣльныя слова: „Мама, мама!...“—17-лѣтнiй юноша Мурадъ былъ арестованъ на мѣстѣ совершившагося преступленiя и отведенъ въ тюрьму. Ясно для меня было, что неосторожно публично высказанное поспѣшное мнѣнiе на мѣстѣ преступленiя

старшимъ врачомъ больницы имѣло рѣшающее значеніе для вывода о виновности Мурада и немедленнаго его ареста...

На другой день послѣ этого событія, взволновавшаго населеніе города, я выѣхалъ въ имѣніе моей жены, гдѣ, среди простора полей и лѣсовъ, отдался по обыкновенію охотѣ, но и среди окружавшей меня природы не могъ забыть наблюдавшіяся противорѣчія въ квартирѣ ротмистра N. и забыть впечатлѣніе, произведе-

Фот. В.

денное на меня несчастнымъ Мурадомъ. Тамъ же въ деревнѣ, имѣя съ собою револьверъ приблизительно такого же калибра и величины, какой я видѣлъ въ квартирѣ раненой О. N. и имѣя съ собою достаточное количество къ нему зарядовъ, я совместно съ товарищами по охотѣ произвелъ рядъ примитивныхъ опытовъ стрѣльбы изъ револьвера, производя обыкновеннымъ образомъ выстрѣлы въ намѣченную цѣль (бумага) и съ предварительнымъ взведеннымъ передъ выстрѣломъ куркомъ, убѣдившихъ меня въ

невозможности получения при двухъ, слѣдующихъ другъ за другомъ выстрѣлахъ двухъ тождественныхъ, одинаковыхъ картинъ раненій даже при неподвижной цѣли и невозможности получения мѣткости стрѣльбы, какая мною наблюдалась у потерпѣвшей О. Н. Но если она и могла бы быть допущенною для выдающагося стрѣлка, при стрѣльбѣ въ неподвижную цѣль, то совершенно исключалась при стрѣльбѣ изъ револьвера въ подвижную цѣль и въ человѣка, сохранившаго сознание и чувство самосохраненія, послѣ перваго ему нанесеннаго раненія, немогущаго оставаться послѣ этого въ неподвижномъ положеніи.

Тамъ же въ деревнѣ мы убѣдились въ томъ, какъ легко и свободно, не будучи лѣвшою, могъ бы каждый произвести выстрѣлъ самому себѣ въ лѣвый високъ, какъ одною, такъ и двумя руками, для чего стоило только лѣвою рукою обнять стволъ револьвера, придерживая дуло его у виска, а правою рукою обхватить ручку револьвера и большимъ пальцемъ надавить на гашетку спуска курка—и выстрѣлъ произойдетъ. Намъ даже казалось, что стрѣлять самому себѣ въ лѣвый високъ такимъ образомъ, не будучи лѣвшою, есть способъ, наиболѣе удобный для всѣхъ, легко опровергающій положеніе, что выстрѣлъ для нелѣвши въ лѣвый високъ есть опроверженіе самоубійства, какъ высказалъ д-ръ П. на мѣстѣ совершившагося преступленія въ доказательство покушенія на убійство. Въ легкой возможности произвести указаннымъ мною способомъ, выстрѣлъ самому въ себя—можетъ каждый провѣрить и убѣдиться. (См. фот. В.)

III.

Въ то время, когда убѣжденіе о невинности Мурада еще окончательно у меня не сформировалось, я невольно останавливался на вопросѣ: допустимо ли, чтобы пострадавшая О. Н., какъ интеллигентная женщина, сознательно и предумышленно оговорила бы своего служащаго въ то время, когда она сама виновна?.. Я далеко стоялъ отъ семьи потерпѣвшей, совершенно не зналъ ея семейной обстановки и взаимоотношеній между нею и ея мужемъ и въ счастіѣ ея семейной жизни въ первый разъ усомнился, когда услышалъ отъ Мурада, что какая-то „барышня ночевала въ спальнѣ потерпѣвшей и пила шампанское* съ мужемъ О. Н., когда она выѣзжала на дачу. Я не имѣлъ также никакого

представленія о личныхъ качествахъ О. Н., а потому и дѣлать какія-либо предположенія, относительно возможности ея оклеветать своего слугу, не могъ, но мы знаемъ, что судебная исторія богата подобными примѣрами, осложняющими задачу врача-эксперта и особенно, когда смерть потерпѣвшаго не послѣдовала послѣ нанесеннаго ему поврежденія и когда пострадавшій, несмотря на собственную виновность обнаруженныхъ на немъ поврежденій, положительно и категорически заявлялъ о покушеніи на его жизнь другимъ лицомъ, тщательно отстраняя все то, что могло бы уличить его въ завѣдомо-ложномъ обвиненіи. Подобную симуляцію потерпѣвшаго д-ръ *Mark* доказалъ, на примѣръ, несоотвѣтствіемъ направленія разрѣзовъ раны на лбу и на шапкѣ и несоотвѣтствіемъ количества крови на клинкѣ охотничьяго ножа съ незначительностью кровотоčenja изъ раны ¹⁾. *Буссоме* сообщаетъ, что въ 1816 г. одна женщина увѣряла, что отравлена своею служанкою, молодой дѣвушкой, красота которой вызвала у нея чувства ненависти и ревности. Женщина эта симулировала острия боли желудка и эксперты нашли мышьякъ въ пиццѣ, которую ѣла симулянтка, при чемъ эту пищу (супъ) приготовляла служанка. Дѣвушку-служанку судилъ Гренобльскій ассизный судъ и присяжные семью голосами противъ пяти признали ее виновною, приговоривъ къ смертной казни. Черезъ нѣкоторое время послѣ казни обвиненной дѣвушки обвинительница заболѣла и, находясь при смерти, призналась приходскому священнику, что она ложно обвинила невинную дѣвушку, погибшую на эшафотѣ ²⁾. *Н. П. Тимоеевъ*,—авторъ „Судъ присяжныхъ въ Россіи“—описываетъ судебный случай подъ заглавіемъ: „Тайна сердца“, когда, по ложному оговору у судебного слѣдователя и на судѣ однимъ семейнымъ интеллигентнымъ чиновникомъ 6-го класса красивой прислуги своей въ томъ, что послѣдняя уворовала изъ комода его жены десять рублей,—эта служанка была осуждена и приговорена къ тюремному заключенію, но не вынесла этого позора и зарѣзалась въ тюрьмѣ. Спустя нѣкоторое время, виновникъ осужденія и смерти своей служанки, самъ сознался ей мужу въ ложномъ обвиненіи прислуги, при чемъ и объяснилъ причину ложнаго обвиненія: отмщеніе за отвергнутую его любовь ³⁾. Проф.

¹⁾ *Доц. Шауэнтгейль*. Руков. къ изученію судебной медицины, пер. Чаукина. Москва, 1865 г., стр. 261.

²⁾ *Буссоме*. О вѣроятности ошибокъ въ судебныхъ приговорахъ. Судебныя ошибки, *П. Н. Ткачева*, СПб., 1867 г. т. I. Стр. 75—76.

³⁾ *Н. П. Тимоеевъ*. Судъ присяжныхъ въ Россіи, Москва, 1881 г., стр. 593.

П. И. Ковалевскій, указывая на массу преступленій, совершаемых истеричными — ложных обвиненій, доносовъ, клеветы и пр., приводит наблюдавшійся имъ случай ложнаго обвиненія въ несуществовавшемъ убійствѣ, а также — случай *Brouardel*'я одного невинно осужденнаго къ десятилѣтнему тюремному заключенію, вслѣдствіе ложнаго его обвиненія интеллигентной дѣвушкой въ нанесеніи ей ряда ударовъ и ранъ, но оправданнаго затѣмъ послѣ того, когда невинный отсидѣлъ уже всѣ 10 лѣтъ въ тюрьмѣ ¹⁾). Д-ръ *Paul Garnier*, подтверждая эти случаи, добавляетъ, что клевета у нервно-больныхъ постепенно „организуется“ ²⁾, а д-ръ *Schauenstein*, обобщая вопросъ о притворствѣ, симуляціи самоубійцъ, говоритъ: „еще труднѣе установить вопросъ объ убійствѣ или о самоубійствѣ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, послѣ неудачнаго покушенія на собственную жизнь, раненый, въ припадкѣ раскаянія и стыда, старается объяснить оказавшіяся на его тѣлѣ поврежденія небывалымъ нападеніемъ, которому онъ подвергся и заботливо устраняетъ слѣды, по которымъ можно было бы догадаться, что онъ — самъ виновникъ этихъ поврежденій“ ³⁾). Всѣ эти научныя и судебной казуистики данныя весьма поучительны: они подтверждаютъ возможность случаевъ оклеветанія потерпѣвшаго невиннаго человѣка, устанавливають возможность встрѣчи этихъ случаевъ въ жизни какъ врачу-эксперту, такъ и юристу и показываютъ — насколько необходимо осторожно относиться къ заявленіямъ пострадавшихъ лицъ, требующихъ всегда всесторонней провѣрки.

Высказанная мною, при первомъ же допросѣ, состоявшемся уже послѣ врачебной экспертизы, судебному слѣдователю г. Ч. возможность доказать врачебно-медицинскимъ изслѣдованіемъ, что потерпѣвшая О. Н. симулировала, и что въ сущности никакого покушенія на ея жизнь постороннимъ лицомъ не существовало — мнѣніе, какъ оказалось, имѣе не занесенное въ протоколъ допроса, но во всякомъ случаѣ ему мною заявленное, было совершенно дискредитировано заключеніемъ врачей-экспертовъ, признавшихъ, что копоты вокругъ ранъ, имѣвшихся у потерпѣвшей, не существовало, что эти раны произошли отъ выстрѣла не въ

¹⁾ Проф. П. И. Ковалевскій. Судебная психопатологія, СПб., 1900 г., ч. II, стр. 76—79.

²⁾ „Русскій Врачъ“, за 1904 г., № 27, стр. 969.

³⁾ Д-ръ Шауэнштейнъ. Руководство къ изученію судебной медицины, пер. Чаукина, Москва, 1865 г., стр. 260—261.

упоръ, а на разстояніи, исключаящемъ всякую возможность самоубійства. Такое оказавшееся противорѣчіе и выраженное—отказомъ собственноручно изложить мое показаніе — некорректное отношеніе судебнымъ слѣдователемъ въ отношеніи меня, какъ негоднаго ему свидѣтеля, создало во мнѣ опасеніе быть скомпрометированнымъ въ глазахъ представителей правосудія, съ которыми я имѣлъ, какъ почетный судья, соприкосновеніе, — опасеніе, нашедшее подтвержденіе въ обвинительномъ актѣ. Создалась такимъ образомъ для меня нравственная необходимость защиты моего врачебнаго убѣжденія путемъ врачебно-медицинскаго экспериментальнаго изслѣдованія дѣла о покушеніи на убійство потерпѣвшей О. Н., которое я и рѣшилъ сдѣлать независимо и параллельно производившемуся судебному слѣдствію по этому же дѣлу.

Вскорѣ я былъ уже въ курсѣ необходимыхъ медицинскихъ данныхъ по этому дѣлу: скорбнаго листа больницы, гдѣ находилась на излѣченіи потерпѣвшая, раненая, осмотра ея экспертами-врачами и ихъ заключенія.

Ознакомившись детально съ интересующимъ меня отдѣломъ судебной медицины, я окончательно убѣдился, какъ въ ошибочности поспѣшно высказаннаго мнѣнія д-ра П., на мѣстѣ совершившагося преступленія, что наличность двухъ ранъ въ области лѣваго виска у потерпѣвшей, какъ не-лѣвши, исключаетъ возможность допущенія вопроса о самоубійствѣ, такъ и въ неосвѣдомленности врачей-экспертовъ въ установленныхъ данныхъ судебною медициною, послужившей причиною ихъ неправильнаго заключенія. Мое убѣжденіе окрѣпло совершенно: я имѣлъ за собою всѣ научныя данныя и рядъ свидѣтельствъ научныхъ авторитетовъ (проф.: *Emmert, Chauenstein, Hoffmann, Косоротовъ, Kasper, Оболонскій, Strassmann*, и др.), освѣтившихъ мнѣ, какъ врачу-свидѣтелю, ознакомившемуся лично съ объективными данными на мѣстѣ совершившагося преступленія, все дѣло о покушеніи на убійство О. Н. настолько, что не было уже никакого сомнѣнія объ ошибочности заключенія экспертовъ и заблужденія судебного слѣдователя „по важнѣйшимъ дѣламъ“, не бывшаго лично тотъ часъ, въ день преступленія, на мѣстѣ происшедшей драмы, а пріѣхавшаго послѣ нея изъ сосѣдняго города. Никакого уже не было сомнѣнія, что съ самаго начала слѣдствіе стоитъ на ложномъ пути и что привлеченные въ качествѣ обвиняемыхъ суть жертвы судебной ошибки. Смущало меня лишь одно обстоятельство, необходимое для доказательства правдивости и вѣрности

сложившагося у меня убѣжденія—неизвѣстность въ то время заключенія экспертизы по химико-микроскопическому изслѣдованію кровяныхъ пятенъ, будто бы оказавшихся на платьѣ Мурада (рубаша, черкеска, панталоны, и пр.), и на которыхъ будто бы была найдена экспертами масса „похожихъ“ и „несомнѣнныхъ“ кровяныхъ пятенъ“, но которыхъ я лично совершенно не находилъ въ день преступленія, приписываемаго обвиняемому.

Прежде всего выяснилась ошибочность мнѣнія д-ра П., что множественность раненій и раненіе лѣваго виска есть будто бы доказательство нанесенія ранъ постороннимъ лицомъ, что опровергается казуистикою судебной медицины и житейской хроникой. Проф. *Hoffmann* приводитъ три поучительные случаи: самоубійства съ шестью ранами въ область сердца, при чемъ четыре пули пронизали сердце (атласъ суд. мед., рис. 123); другой случай, когда двѣ пули проникли въ правый и лѣвый желудочекъ сердца и третій, когда было нанесено самоубійцей самому себѣ шесть ранъ въ голову и въ грудь (суд. мед., стр. 319). Уважаемый проф. *Д. П. Косоротовъ* любезно лично мнѣ сообщилъ „трагикомическій“ случай покушенія на самоубійство лакея-татарина, когда послѣдній нанесъ себѣ въ голову шесть несмертельныхъ ранъ, при чемъ всѣ пули были удалены изъ-подъ кожи разрѣзомъ¹⁾. Проф. *Emmert* (стр. 153) наблюдалъ случай самоубійства съ тремя ранами: посреди лба, праваго и лѣваго виска, при чемъ послѣдняя рана была смертельна. Въ 1903 г., въ гор. Новочеркасскѣ житейская хроника отмѣтила случай самоубійства 19-лѣтней дѣвушки, покончившей жизнь выстрѣломъ въ лѣвый високъ („Рус. Сл.“, 14 мая 1903 г.), а д-ръ Н. М. Васильевъ наблюдалъ въ Ростовѣ н/Д. случай неосторожнаго холостого выстрѣла въ лѣвый високъ артистомъ О. Ч., при исполненіи имъ роли на сценѣ, хотя онъ былъ не-лѣвша. Проф. *Hoffmann* (стр. 153) наблюдалъ случай самоубійства въ лѣвый високъ съ пороховою копотью правой руки и поврежденія ея пулею. Если еще укажемъ на наблюденіе проф. *Strassman*'а (стр. 494), наблюдавшаго случай самоубійства въ лѣвый високъ, при отсутствіи указательнаго пальца правой руки, то станетъ очевиднымъ насколько поспѣшно и рискованно основывать мнѣніе о невозможности самоубійства, руководствуясь лишь множественностью ранъ и мѣстонахожденіемъ ихъ въ области лѣваго виска у не-лѣвши, не обративъ

¹⁾ Сообщено письмомъ 1902 г.

вниманія при этомъ на всю совокупность судебно-медицинскихъ объективныхъ данныхъ.

Выяснилась и причина почему врачи-эксперты не нашли у ранъ потерпѣвшей „пороховой“ копоти, наблюдавшейся мною въ видѣ черныхъ, какъ сажа, ободковъ. Противорѣчіе это явилось слѣдствіемъ упущенія слѣдователя: не былъ составленъ протоколъ врачебнаго осмотра ранъ потерпѣвшей на мѣстѣ преступленія, а онъ былъ произведенъ уже въ больницѣ впоследствии, когда не только должна была видоизмѣниться клиническая картина ранъ, но и сама фізіономія раненой измѣнилась до неузнаваемости. Самъ д-ръ П., при его допросѣ, сообщаетъ судебному слѣдователю: „раны мы очистили отъ крови“, перевязали“, а затѣмъ „отправили“ О. Н. въ больницу, гдѣ, уже черезъ четыре дня спустя, врачи-эксперты нашли и наступившую реакцію воспаленія („лѣвая сторона лица утолщена, припухла“, въ толщѣ верхнихъ и нижнихъ вѣкъ обоихъ глазъ имѣются кровоподтеки“, „спинка носа лѣвой стороны имѣетъ блѣдно-желтый видъ“), и неузнаваемый видъ лица потерпѣвшей, и... „затомпонированы“ раны“. Такимъ образомъ, и старшій врачъ, и врачи-эксперты этимъ подтверждаютъ, что примѣнялись всевозможныя манипуляціи—отъ промыванія и „очищенія“ до „томпонированія“ ранъ включительно, способствующія уничтоженію какъ смываемой пороховой копоти, такъ и вообще клиническихъ признаковъ, столь важныхъ для опредѣленія характера ранъ, какъ происшедшихъ отъ выстрѣла ли на разстояніи или же непосредственно въ кожу, въ упоръ?.. Произошло траги-комическое врачебное событіе, когда врачи, непредумышленно уничтожившіе пороховую смываемую копоть и непредумышленно способствовавшіе уничтоженію всѣхъ признаковъ раненія въ упоръ, искренно послѣ этого заявляютъ, что пороховой копоти „не оказалось“, а потому и эти раны произошли отъ выстрѣла, „не въ упоръ“, а „на разстояніи не далѣе 1—1,5 метра“, т.-е. приблизительно 2 аршина—разстояніе, исключющее вопросъ о самоубійствѣ.

Но по-счастью въ числѣ признаковъ раненія въ упоръ наукою установлены и такіе признаки, которые по своей прочности могли противостоять всякому враждебному къ нимъ отношенію и не поддаются влиянію ни воды, ни „томпонаціи“, ни другимъ „очищеніямъ“. Это—вліяніе огня въ видѣ „ожоги“ или „опаленія волосъ“ и вѣдреніе въ толщу кожи несгорѣвшихъ частицъ пороха, представляющія стойкую картину въ видѣ татуировки, называемой „импрегнаціею“. Таковыя и были усмотрѣны у ранъ по-

терпѣвшей д-мъ П., который, подтвердивъ о „полномъ сознаниі“ потерпѣвшей, заявилъ, что „края обѣихъ ранъ обожжены съ внѣдреніемъ вокругъ ранъ порошинокъ“. Сами же эксперты - врачи тоже удостовѣрили у раненой въ „значительномъ количествѣ внѣдрившихся въ кожу полусгорѣвшихъ зеренъ пороха (порохового угля)“, какъ удостовѣрили и то, что „волосы близъ височной раны“ были „слегка опалены“. Всѣ научные авторитеты (проф.: *Emmert, Hoffmann, Kasper, Оболонскій, Strassmann* и др.) заявляютъ, что если при огнестрѣльныхъ ранахъ усматриваются признаки пороховой копоти или ожоги, или же импрегнаціи, то это служить доказательствомъ произведеннаго выстрѣла на очень близкомъ разстояніи т.-е. выстрѣломъ въ упоръ; но наши врачи-эксперты, несмотря на ими же установленные признаки раненія въ упоръ потерпѣвшей, не соглашаются съ приведенными мнѣніями авторитетовъ и остаются при своемъ, что эти раны О. Н. произведены не въ упоръ, а на разстояніи. Не соглашаются, понятно, въ силу своей неосвѣдомленности въ элементарныхъ данныхъ судебной медицины.

Чтобы не утомлять специальными соображеніями, приведенными мною въ „Русскомъ Врачѣ“, я не стану ихъ повторять здѣсь, а перейду къ вопросу чрезвычайной важности о разстояніи произведенныхъ выстрѣловъ въ потерпѣвшую О. Н., определенномъ экспертами измѣреніемъ не болѣе 1 или 1½ метра, т.-е., приблизительно, двухъ аршинъ.

Судебная медицина установила понятіе „предѣльнаго разстоянія“, подъ которымъ надо понимать тотъ maximum разстоянія дула револьвера (въ данномъ случаѣ) отъ мѣста раненія, далѣе котораго уже не наблюдаются у раны установленные суд. медициною признаки раненія въ упоръ т.-е. ожоги, пороховой копоти и внѣдренія порошинъ, такъ что при понятіи раненія въ упоръ не требуется непременно наличность всѣхъ этихъ признаковъ, но достаточно присутствія и одного изъ нихъ. Исключеніе, когда, при непосредственно близкомъ разстояніи отъ кожи, не получаютъ на кожѣ эти признаки, т.-е. ни ожоги, ни копоти, ни порошинъ, это—когда мы не только приложимъ дуло револьвера, но и *сильно* надавимъ его на кожу, воспрепятствовавъ этимъ прорыву газовъ и пороховой копоти, вслѣдствіе чего эти признаки выстрѣла въ упоръ уже не обнаружатся на кожѣ у ранъ, а они всѣ уйдутъ въ пулевой каналъ, за кожу, и тогда пулевая рана кожи представится намъ безъ этихъ признаковъ, но ихъ можно обнаружить въ самомъ пулевомъ каналѣ (ожога, копоть,

порошины). Во всѣхъ другихъ случаяхъ разстоянія дула револьвера отъ кожи, отъ нуля, т.-е. при приставленіи дула къ кожѣ, но безъ сильного его надавливанья до maximum'a предѣльнаго его разстоянія, раненіе всегда будетъ сопровождаться наличностью всѣхъ или одного какого-либо признака раненія въ упоръ, а за предѣломъ т.-е. за maximum'омъ его эти признаки будутъ отсутствовать, но будутъ отсутствовать и въ пулевомъ каналѣ раны. Вслѣдствіе сказаннаго, въ случаѣ *Taylor'a* врачъ, по словамъ *Kasper'a*, сдѣлалъ положительное заключеніе о произведенномъ выстрѣлѣ въ упоръ, руководясь присутствіемъ на тѣлѣ убитаго признаковъ ожога и пороха (стр. 278), а *Schauenstein* заявляетъ, что слѣды ожога на кожѣ и на краяхъ ранъ или слѣды обожженія на платѣ всегда указываютъ, что выстрѣлъ былъ произведенъ очень близко отъ тѣла раненаго (стр. 301). *Kasper* говоритъ что вліяніе огня при выстрѣлѣ въ видѣ опаленія волосъ даетъ полное право признать выстрѣлъ произведеннымъ близко, а слѣдовательно и раненіе—произведеннымъ въ упоръ (стр. 279). Такъ какъ опаленіе волосъ у потерпѣвшей О. Н. наблюдалось экспертами, какъ наблюдались ими и внѣдрившіяся въ кожу у ранъ негорѣвція порошины пороха („импрегнація“), а д-ра П. и Кр. наблюдали „обожженные края обѣихъ ранъ“ съ „внѣдреніемъ вокругъ ранъ порошинъ“, то, такимъ образомъ, принявъ во вниманіе сказанное, никоимъ образомъ нельзя отрицать того, что раны наблюдавшіяся у потерпѣвшей, представляютъ собою раны, произведенныя выстрѣломъ въ упоръ, т.-е. на очень близкомъ разстояніи.

Предѣльное разстояніе выстрѣла въ упоръ различно для различнаго калибра револьверовъ, такъ какъ оно зависитъ отъ силы и величины заряда (*Strassmann*, стр. 489). Чѣмъ больше калибръ, тѣмъ больше и предѣльное разстояніе выстрѣла въ упоръ т.-е. тѣмъ болѣе разстояніе отъ мѣста раненія, когда будутъ наблюдаться всѣ или одинъ изъ признаковъ выстрѣла въ упоръ: ожога, смываемая копотъ и несмываемая или „импрегнація“ (проф. *Hoffmann*) и далѣе котораго они уже не наблюдаются. Вслѣдствіе этого необходимо для болѣе точнаго опредѣленія предѣльнаго разстоянія всегда принимать во вниманіе калибръ револьвера.

Предѣльное разстояніе для нѣкоторыхъ калибровъ револьверовъ установлено экспериментально. Такъ опытами *Daaske* и *Strassmann'a* предѣльное разстояніе порохового огня для револьвера средней величины 9-ти мм. калибра установлено въ 10—15 ст., а опытами *Hoffmann'a* и *Tourdes*—въ 10 стм. Такъ какъ револь-

веръ, которымъ были нанесены раненія потерпѣвшей, былъ средняго калибра и у нея установлены явленія вліянія огня въ видѣ ожоги и опаленія, то и разстояніе произведеннаго у нея выстрѣла не можетъ, на основаніи приведенныхъ опытовъ, измѣряться разстояніемъ болѣе 10—15 стм., ибо за предѣломъ его явленія ожоги у О. Н. никогда не наблюдалось бы. Ошибка экспертовъ, какъ я показалъ ¹⁾, произошла отъ того, что они приняли во вниманіе предѣльные разстоянія для полученія импрегнаціи, установленныя для крупнаго американскаго и обыкновеннаго револьверовъ, а для вліянія огня и пороховой гари — предѣльные разстоянія для 9-ти мм. калибра и эти двѣ различныя величины подвели подъ одинъ знаменатель, сдѣлавъ неправильный выводъ, что выстрѣлъ былъ сдѣланъ „не далѣе 1 или 1,5 метра и, вѣроятно, значительно ближе“. Установить предѣльное разстояніе выстрѣла важно въ нашемъ случаѣ, такъ какъ, при его разстояніи въ 2 аршина, возможность самоубійства исключается, а при разстояніи 10—15 ст. она становится уже возможною и допустимою.

Судебною медициною установлено, что несорѣвшія при выстрѣлѣ порошины пороха, уподобляясь мельчайшимъ огнестрѣльнымъ снарядамъ въ видѣ мелкой дроби, въ моментъ выстрѣла при своемъ полетѣ, образуютъ конусъ (*Hoffmann*, стр. 241), вершина котораго у дула револьвера, а кругъ внѣдренія представляетъ основаніе конуса, величина котораго тѣмъ меньше, чѣмъ ближе отъ дула находился потерпѣвшій (*Schauenstein*, стр. 304). По концентричности и эксцентричности распредѣленія порошинъ относительно раны, всегда можно убѣдиться, какъ былъ произведенъ выстрѣлъ — перпендикулярно или подъ угломъ, а по приблизительному равенству величины радіусовъ круговъ можно утверждать: произведены ли выстрѣлы на одинаковомъ или на различныхъ разстояніяхъ?.. Такъ какъ врачебною экспертизою установлено внѣдреніе порошинъ вокругъ ранъ потерпѣвшей О. Н.: вокругъ одной раны „въ видѣ равномѣрнаго круга радіусомъ въ 2 стм.“, а другой раны — въ видѣ „равномѣрнаго полукруга въ 2,5 стм.“, — то являлась полная возможность опредѣлить экспериментальнымъ путемъ разстояніе произведеннаго выстрѣла въ потерпѣвшую. Къ такому способу, какъ любезно сообщилъ мнѣ письмомъ отъ 10/VII 1904 г. уважаемый проф. *Д. П. Косоротовъ*, прибѣгали и другіе авторы напимѣръ проф. *Cossa*, *Kocher* и др.

Мои опыты были обставлены слѣдующимъ образомъ. Какъ

¹⁾ „Русскій Врачъ“, за 1906 г., №№ 6, 8, 10 и 26.

объектъ стрѣльбы взять былъ битый барашекъ, шерсть котораго предварительно была сбрита съ той боковой стороны, которая предназначалась для стрѣльбы. Стрѣльба производилась изъ револьвера 9-ти мм. или 38 калибра системы Constabulary ¹⁾, а патроны— 38 калибра центрального огня фабрики Winchester Repeating Arms Co“. Разстояніе между дуломъ револьвера и цѣлью предварительно измѣрялось, а стрѣльба производилась прямо съ руки или фиксировалась, чтобы она не дрогнула. Послѣ стрѣльбы мѣста раненія кожи фотографировались въ томъ видѣ, какъ они представлялись послѣ выстрѣла, а затѣмъ пороховая копоть смывалась, насколько возможно, мыльною водою, измѣрялся радіусъ ободка изъ порошинъ и вновь фотографировались. Стрѣльба производилась мною и оружейнымъ мастеромъ г. де-Камилли, при чемъ эти выстрѣлы производились при его же участіи, содѣйствіи и въ его помѣщеніи.

Результатовъ опытовъ мною сдѣлано четыре, приведшихъ меня къ заключенію: 1) что разстояніе выстрѣла отъ цѣли стрѣльбы, на которомъ еще получалась картина видренія порошинъ *въ видѣ круга*, наблюдалась на разстояніи дула отъ кожи 5 стм., и 2) радіусъ круга, приблизительно равный радіусу круга, наблюдававшегося у потерпѣвшей О. Н., получался при стрѣльбѣ на разстояніи 5 стм.

Не полагаясь на точность сдѣланнаго вывода отъ этихъ опытовъ, я рѣшился провѣрить опыты, которые и были сдѣланы съ участіемъ б. проф. М. К. Зьнеца и д-ровъ С. Ф. Асварурова и Г. Б. Халаная въ числѣ восьми опытовъ стрѣльбы, также при участіи де-Камилли. Оружіе и объектъ стрѣльбы были тѣ же.

Общій выводъ былъ тождественъ предшествующимъ и при перпендикулярномъ выстрѣлѣ изъ 9-ти мм. револьвера пороховыя зерна располагались вокругъ раны въ видѣ круга при разстояніи дула револьвера отъ кожи объекта, равняющемся 5-ти стм. Этотъ выводъ находилъ подтвержденіе въ опытахъ проф. Н. А. Оболонскаго (стр. 197), который, при выстрѣлѣ на разстояніи въ 3 стм. изъ обыкновеннаго револьвера, нашелъ, что „каемка“ изъ порошинокъ, т.-е. „ободокъ“ или кругъ у края раны образуется въ „3 стм. въ діаметрѣ“, а при выстрѣлѣ на разстояніи—болѣе 92 стм. т.-е. на 1 метръ замѣчаются лишь обособленныя, разбросан-

¹⁾ Калибръ и система револьвера, каковыя соотвѣтствовали, какъ мнѣ сообщали, револьверу, бывшему при дѣлѣ „покушенія на убійство“, и каковой я самъ видѣлъ на разстояніи въ день совершившагося преступленія.

ныя зернышки и кругъ изъ нихъ уже не формируется. Эти опыты, какъ и проф. *Оболонскаго* съ очевидностью опровергаютъ заключеніе экспертовъ-врачей, что будто бы выстрѣлъ въ потерпѣвшую О. Н. былъ произведенъ на разстояніи „1—1,5 метра“, какъ доказываютъ и то, что разстояніе это должно измѣряться не метрами или аршинами, а только сантиметрами и что оно не болѣе 5-ти см.

Производя выстрѣлы, я убѣдился, что если приложить дуло револьвера непосредственно къ кожѣ объекта, но не особенно сильно его надавливать и прижимать къ ней, то дуло револьвера, напоромъ образовавшихся при выстрѣлѣ газовъ, легко *отбрасывается отъ кожи*, чѣмъ и создается возможность прорыва газовъ, огня и негорѣвшихъ порошинъ, распредѣляющихся иногда у мѣста раненія въ формѣ круга, а иногда и разбрасываются изолированными, что зависитъ *отъ силы отдачи* заряда и *отъ силы прижатія* дула револьвера. Такимъ образомъ небольшое разстояніе дула револьвера отъ кожи покушавшагося на самоубійство, измѣряемое 5 см., легко создается отдачею оружія и въ томъ случаѣ, если дуло его приставляется непосредственно къ кожѣ покушавшимся на самоубійство и когда слѣдовательно можетъ получиться рана съ признаками выстрѣла въ упоръ такая же, какъ и при выстрѣлѣ на разстояніи 5-ти см. т.-е. въ видѣ круга, состоящаго изъ вѣдравшихся въ кожу порошинъ и съ радіусомъ 2 или 2,5 см.

Для выясненія этого вопроса и были сдѣланы три опыта стрѣльбы при тѣхъ же условіяхъ, но съ участіемъ другихъ товарищей—д-ровъ *В. И. Лунина*, *Н. Г. Кузнецова* и *А. К. фонъ-Кнаута*. Во всѣхъ этихъ опытахъ мы убѣдились, что прорываются при этомъ огонь, смываемая пороховая копоть и порошины негорѣвшаго пороха, вѣдрявшіяся въ толщу кожи и нами наблюдавшіяся, какъ при посредствѣ лупы, такъ и невооруженнымъ глазомъ.

На основаніи этихъ данныхъ, я пришелъ къ выводу, что дуло оружія, приложеннаго непосредственно къ кожѣ, но не сильно и не плотно прижатого, всегда *отталкивается* отдачею заряда на большее или меньшее разстояніе, чѣмъ и создаются благоприятныя условія для прорыва и вѣдренія въ кожу у раны порошинъ, картина распредѣленія которыхъ будетъ находиться въ зависимости отъ направленія выстрѣла, силы нажатія оружія на кожу и силы отдачи, а слѣдовательно и отъ разстоянія, произведеннаго отдачею выстрѣла вплотную—въ упоръ. Для полученія

въ этомъ случаѣ раны безъ прорыва газовъ, огня и порошинъ, когда они не обнаружатся на кожѣ, а за кожей въ пулевомъ каналѣ необходимо не только „очень плотно“ прижать дуло оружія къ кожѣ, но и достаточно *сильно* прижать его, а не „приставить“ его къ кожѣ, какъ говоритъ *Emmert* (стр. 142) и что, какъ я убѣдился, ввело въ заблужденіе экспертовъ по дѣлу О. Н. Мой выводъ находитъ подтвержденіе въ заявленіяхъ *Hoffmann'a* (стр. 246) и *Strassmann'a* (стр. 490), что для полученія въ истинномъ смыслѣ раны, произведенной выстрѣломъ въ упоръ—*вплотную*, безъ вліянія на кожу пороховыхъ газовъ, огня и порошинъ,— необходимо „очень плотно“ прижать оружіе къ кожѣ.

Обширный протоколъ осмотра потерпѣвшей врачами-экспертами отъ 19/IX 1901 г. передъ нами и изучая его, невольно преклоняешься передъ затраченнымъ трудомъ экспертовъ, стремившихся выяснитъ и объяснитъ найденныя явленія у О. Н., но въ то же самое время и убѣждаешься, насколько они были неосвѣдомлены въ элементарныхъ данныхъ судебной медицины и неподготовлены къ возложенной на нихъ задачѣ. То обстоятельство, что составляло самую главную, научно-установленную улику, указывающую на покушеніе на самоубійство и обнаруженную у потерпѣвшей, отодвинуту ими было на послѣдній планъ и причину происхожденія чего ими осталось „совершенно необъяснимымъ:“ *„На лѣвой кисти руки, по локтевому ея краю, почти посрединѣ пястья, имѣется участокъ кожи съ темными, вѣднрившимися въ нее кратинками продолговато-овальной формы, длиною въ 2 сант., шириною въ 1 сант.“*—такъ занесено экспертами это обстоятельство въ протоколъ. Что же это такое и какъ оно произошло?

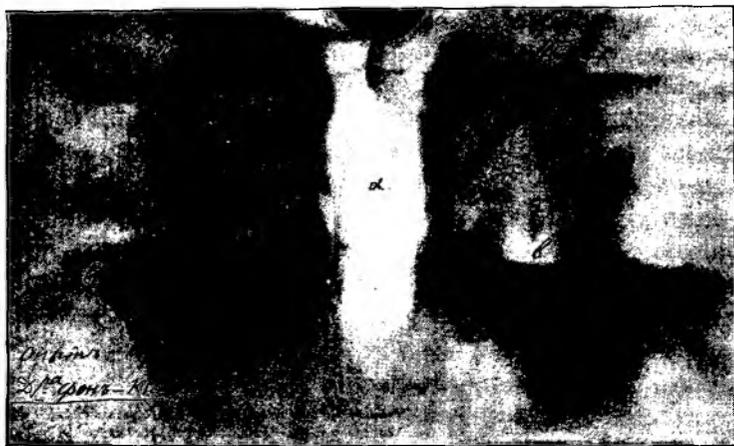
Оказалось, что этотъ ничтожный по размѣрамъ участокъ кожи на рукѣ потерпѣвшей, съ научной судебно-медицинской точки зрѣнія, есть признакъ *чрезвычайной важности*, на существованіе котораго все врачи-свидѣтели, бывшіе въ день преступленія въ квартирѣ потерпѣвшей, не обратили никакого вниманія, но который не ускользнулъ отъ вниманія пом. пристава и опытнаго сыщика С., знавшаго по опыту, насколько служить уликою это обстоятельство въ подобныхъ случаяхъ противъ самоубійцъ.

Согласно ученію судебной медицины, это обстоятельство считается характернымъ *признакомъ произведеннаго выстрѣла въ упоръ, являющимся несомнѣннымъ доказательствомъ отдачи заряда*, какъ слѣдствіе прорыва газовъ и порошинъ у мѣста курковой части револьвернаго барабана (д-ръ *Fisch*), какъ заявляетъ проф.

Кузьминъ (стр. 179), при чемъ этотъ признакъ не только указываетъ на автора стрѣльбы, но и то, что, пользуясь имъ, возможно опредѣлить направление револьвера, а слѣдовательно и самый способъ стрѣльбы покушавшагося на самоубійство (д-ръ *Fisch*). Какъ я убѣдился лично, отдача револьвера всегда чувствуется при воспрепятствованіи выхода газовъ въ моментъ выстрѣла изъ револьвера и особенно при непосредственномъ прикладываніи дула къ мѣсту раненія, что вполне естественно, такъ какъ пороховые газы, встрѣчая въ моментъ ихъ выхода изъ дула револьвера препятствіе, въ силу равномернаго напора во всѣ стороны, часто *прорываются въ существующія щели и отверстія въ видѣ пороховой копоти и пороховыхъ зеренъ несгорѣвшаго пороха и даютъ отпечатокъ таковыхъ на подлежащихъ частяхъ руки, которою удерживается револьверъ*. Этого признака почернѣнія руки — „признака отдачи заряда“ можетъ и не быть, но въ общемъ онъ настолько характеренъ для самоубійцы, что почти всѣ авторитеты совѣтуютъ обращать на него вниманіе въ запутанныхъ случаяхъ, какъ указывающій на то, что какъ выстрѣлъ, такъ и раненіе произведены не постороннимъ лицомъ, нѣ чуждою рукою, а своей собственной. Разъ этотъ признакъ удостовѣренъ экспертами у потерпѣвшей О. Н., — значитъ, она сама въ себя стрѣляла, а ни кто другой (проф. *Hoffmann*, *Emmert*, *Heidinger*, *Strassmann*, *Schauenstein*, *Оболонскій*, *Кузьминъ*). Насколько характерна, какъ признакъ самоубійства, наличность пороховой копоти или зеренъ пороха на рукахъ покушавшагося на свою жизнь или у убитаго, — показываютъ слова *Kasper'a* (стр. 296), высказанныя имъ въ одномъ случаѣ самоубійства: „правая ручная кисть и плечо, замаранные кровью и зерна пороха, ясно вгорѣвшія въ кожу пальцевъ, не оставляли никакого сомнѣнія въ самоубійствѣ“, а проф. *Heidinger* (стр. 103) и проф. *Strassmann* (стр. 496) прямо и категорически заявляютъ, что присутствіе порошинъ, какъ и копоти на рукахъ убитыхъ *указываютъ на самоубійство*.

Лично я убѣдился въ прорывѣ газовъ и огня въ курковой части барабана револьвера опытомъ, произведеннымъ г. де-Камилли, при моемъ участіи и мною, въ свое время опубликованномъ: на доскѣ былъ прикрѣпленъ кусокъ бѣлой замши и револьверомъ калибра 7 мм. системы Smith-Wesson былъ произведенъ выстрѣлъ, но, во избѣжаніе могущаго быть раненія или разрыва, не въ перпендикулярно-прижатомъ къ замшѣ дулѣ револьвера, а нѣсколько подъ угломъ. Въ моментъ выстрѣла почувствовалась отдача заряда, а послѣ выстрѣла на кожѣ луче-

вого края указательного пальца правой руки, лежавшаго на спускѣ курка, образовался черноватого цвѣта налетъ пороховой копоти, по удаленіи которой усматривалась, какъ слѣдствіе и вліяніе огня, шероховатая поверхность, сопровождавшаяся въ теченіе нѣсколькихъ дней болѣзненной чувствительностью. Подобные опыты и съ такими же результатами продѣлалъ проф. *Hoffmann* на трупахъ, а д-ръ *А. К. фонъ-Кнаутъ* также неоспоримо и демонстративно доказалъ прорывъ газовъ и порошинъ черезъ щель курковой и передней части барабана револьвера, прикрывъ плотно картономъ всю его барабанную часть и произвелъ выстрѣлъ въ

Фот. С.

Фотографич. снимокъ прорвавшихся послѣ выстрѣла въ упоръ и отпечатавшихся на картонѣ, которымъ плотно была прикрыта барабанная часть револьвера, пороховой копоти и порошинъ; буква *b* указываетъ на копоть и порошинъ, прорвавшіяся черезъ переднюю и заднюю щели барабана; буква *a*—мѣсто, прилегавшее къ курку; буква *c*—прикрывавшее барабанъ, а буква *d*—соотвѣтствовавшее пластинкѣ револьвера, прикрывающей барабанъ револьвера сверху.

упоръ: на мѣстахъ картона, соотвѣтствовавшихъ щелямъ передней и задней части барабана, усматривалась копоть, гдѣ „видны и ввѣдрившіяся порошинъ“. Объ этомъ опытѣ было сообщено въ Обществѣ врачей город. Ростова и Нахичевани п/Д., а мною опубликовано съ приложеніемъ фотографическаго снимка распреѣлившейся пороховой копоти на картонѣ ¹⁾.

¹⁾ „Русскій Врачъ“ за 1906 г., № 8.

Мнѣ кажется, что при этомъ освѣщеніи происхожденія и научнаго значенія участка кожи у потерпѣвшей О. Н. „по локтевому краю лѣвой ея кисти руки“ съ темными вгѣдрившимися въ нее крапинками „продолговато-овальной формы“, никто уже не можетъ сомнѣваться въ томъ, что она сама стрѣляла въ себя, а не Мурадъ, такъ какъ это есть признакъ отдачи—*научный признакъ отдачи заряда, произведеннаго ею выстрѣла въ упоръ*, когда прорывались газы и порошины черезъ барабанную щель револьвера и отпечатались на той части руки, какая предлежала, въ моментъ произведеннаго выстрѣла, этой щели барабанной части револьвера. Ничтожность этого участка и его „продолговато-овальная форма въ 2 см. длины и 1 см. ширины“ только подтверждаютъ нашъ выводъ, что прорывъ произошелъ именно черезъ узкую щель, такъ какъ при круглой или иной формѣ не щелеобразной удлиненной формы этой пороховой копоти на рукѣ не получилась бы. Подтвержденіе происхожденія этой „несмываемой копоти“, импрегнаціи на рукѣ О. Н. именно такимъ способомъ, какъ я указалъ, находить и въ томъ реально-научномъ его объясненіи, какое я привелъ и какому *невозможно* противопоставить никакого другого объясненія, а тѣмъ болѣе, гипотезу врачей-экспертовъ, невыдерживающую, какъ увидимъ ниже, критики, и которой они сами предпосылаютъ свое заявленіе о своемъ безсиліи объяснить и о „необъяснимости“ происхожденія этого, усмотрѣннаго ими темнаго участка кожи на рукѣ потерпѣвшей.

Въ моей работѣ—„экспериментальное изслѣдованіе казуистическаго случая по разрѣшенію вопроса: было ли покушеніе на убійство или на самоубійство?“—напечатанной въ газетѣ „Русскій Врачъ“, я достаточно очевидно показалъ, съ приложеніемъ фотографическаго снимка, насколько гипотеза экспертовъ происхожденія „продолговатой формы“ пороховой копоти на локтевомъ краѣ (со стороны мизинца) кисти лѣвой руки потерпѣвшей, произведенной будто бы постороннимъ лицомъ, стоявшимъ „слѣва и сзади“ за потерпѣвшею,—не выдерживаетъ критики и насколько она невѣроятна. Но и не утомляя читателя повтореніемъ напечатаннаго, я убѣжденъ, что если онъ мысленно представитъ себѣ стрѣляющаго въ него „слѣва и сзади“, а самъ предварительно прикроетъ ладонью лѣвой руки лѣвый високъ съ локтевымъ краемъ кисти (соотвѣтствующимъ мизинцу), обращеннымъ къ глазу,—то легко можетъ убѣдиться, что при этомъ вся тыльная поверхность кисти руки будетъ предлежащею и ближайшею къ дулу частью, подлежащею дѣйствию выстрѣла, т.-е. пули, газовъ

и порошинъ, а потому прежде всего на ней бы мы видѣли слѣды вліянія заряда не только въ видѣ копоти и порошинъ, но и раненія пулею. У потерпѣвшей же ничего подобнаго не оказалось: тыльная поверхность кисти руки была совершенно чиста отъ копоти и не ранена, а оказался на скрытомъ, при указанномъ положеніи кисти, отъ вліянія заряда, участкѣ кожи, которому предлежала вся тыльная поверхность кисти руки, „продолговато-овальной формы“, или импрегнація порошинъ въ 2 см. длины и 1 см. ширины“.

Фот. Д.

Пунктированные точки на рукѣ, а именно на локтевомъ краѣ виски лѣвой руки указываютъ на то мѣсто, на которомъ усмотрѣны у потерпѣвшей видѣрившіяся порошины пороха, длиною въ 2 см. и 1 см. шириною. Стволъ револьвера, сзади направленный, и идущія отъ него пунктированные точки указываютъ направленіе предполагаемаго выстрѣла сзади напередъ. Вся тыльная поверхность руки на-виду и на ней не оказалось у потерпѣвшей никакихъ слѣдовъ выстрѣла въ упоръ: ожоги, смываемой копоти и импрегнаціи, что непременно было бы, если импрегнація, обнаруженная на локтевомъ краѣ кисти руки происходила бы отъ выстрѣла „сзади напередъ“ и тыльная поверхность руки непременно была бы ранена и имѣла бы слѣды выстрѣла въ упоръ.

Всѣ полученные выводы изъ опытовъ, какъ и приведенныя научныя данныя, имѣютъ полное примѣненіе къ потерпѣвшей О. Н., которая, какъ слабая женщина, въ послѣднія минуты предпологаемаго расчета съ жизнью, не могла обладать душевнымъ равновѣсіемъ и достаточною силою руки, чтобы противостоятъ напору газовъ при отдачѣ выстрѣла въ упоръ, а потому дуло револьвера, въ моментъ произведеннаго выстрѣла, легко могло быть отброшено отъ мѣста траумы до 5-ти стм., когда прорвавшіяся порошины и распредѣлились вокругъ ранъ въ видѣ круга и полукруга „съ радіусомъ въ 2 и 2½ стм.“. Отталкиваніе револьвера отъ мѣста траумы, при отдачѣ заряда и при физической слабости покушавшагося на свою жизнь, можетъ быть и на значительно большее разстояніе, когда порошины не образуютъ вокругъ ранъ формированіе круга, а являются даже одиночно разбросанными по поверхности мѣста раненія“ ¹⁾.

Допуская для не-лѣвши возможность произвести выстрѣлъ въ область лѣваго виска, при покушеніи на самоубійство, эксперты высказали мнѣніе, что, пользуясь для этого одною рукою, „меньше всего вѣроятно, чтобы огнестрѣльный каналъ принялъ бы ими установленное направленіе т.-е. „снаружи, сзади и сверху, внутрь и внизъ“ т.-е. проще выражаясь, сверху внизъ и сзади напередъ, а пользуясь обѣими руками для выстрѣла, они совершенно не допускаютъ такое направленіе и называютъ „невѣроятнымъ“. Каждый легко можетъ убѣдиться въ ошибочномъ увлеченіи экспертовъ такимъ мнѣніемъ и провѣрить это на себѣ, чтобы убѣдиться въ легкости и возможности дать разнообразное положеніе стволу револьвера, по отношеніи лѣваго виска, пользуясь одною или двумя руками. Если же взять лѣвою рукою револьверъ, обхвативъ его у ствола и барабана, фиксируя такимъ образомъ дуло револьвера средняго калибра у лѣваго виска, а для выстрѣла т.-е. нажима на гашетку пользоваться большимъ пальцемъ правой руки, обхвативъ остальными ея пальцами ручку револьвера, то, повернувъ голову нѣсколько вправо, возможно легко установить стволъ оружія по отношеніи виска подъ угломъ, когда предполагаемый выстрѣлъ даетъ направленіе пулевому каналу „снаружи, сзади и сверху—внутрь, впередъ и внизъ“ т.-е. то направленіе, которое эксперты отрицали (см. фотогр. В.). Это наше мнѣніе находитъ подтвержденіе и въ случаѣ *Kasper'a* (стр. 298—299) съ двумя выстрѣлами въ голову, при чемъ въ

¹⁾ „Русскій Врачъ“, за 1906 г., № 26.

области праваго виска пулевая рана имѣла направленіе „сверху внизъ и сзади впередъ“, т.-е. такое, какое эксперты отвергали. Для каждаго станетъ очевиднымъ, что если это возможно при самоубійствѣ въ правый високъ, то кто же станетъ отвергать эту возможность по отношеніи лѣваго виска?.. Всѣ эти увлеченія экспертовъ для подкрѣпленія своей гипотезы, что будто бы стрѣляли нѣсколько „слѣва и сзади“ въ потерпѣвшую, находятся въ явномъ противорѣчій съ мною наблюдавшеюся клиническою картиною раненія въ день преступленія, когда я видѣлъ два черные кружка пороховой копоти съ центральнымъ въ нихъ положеніемъ пулевыхъ ранокъ—явное и объективное доказательство произведенныхъ выстрѣловъ въ перпендикулярномъ направленіи, по отношеніи области виска—мнѣніе, установленное судебною медициною и нашедшее помимо того подтвержденіе и въ лицѣ проф. *Субботина*, показавшаго (6 августа, 1902 г.) слѣдователю, на основаніи формы распредѣленія порошинъ у одного рубца и изслѣдованія раны у лѣчившейся у него потерпѣвшей О. Н.: „...направленіе раны указываетъ на то, что пуля проникла въ перпендикулярномъ къ поверхности кожи направленіи. Такое же направленіе и нижней раны...“, при чемъ въ это же время онъ подтвердилъ и поразительную мѣткость стрѣльбы, на что я обратилъ вниманіе, когда былъ въ квартирѣ О. Н. въ день преступленія: два выстрѣла „совершенно одинаковаго направленія и почти въ одно и то же мѣсто“, что невозможно, какъ я выше заявилъ, произвести постороннимъ лицомъ при условіи сохранившагося сознанія потерпѣвшей и при сохраненіи ею слѣдовательно инстинкта самосохраненія.

Въ подтвержденіе увлеченій экспертовъ упомяну о фактѣ признанія ими на платьѣ обвиняемаго Мурада массы кровавыхъ пятенъ, („похожихъ на кровь“, „весьма похожихъ на кровяныя“, „впечатлѣніе несомнѣнно кровавыхъ“, „замытыя кровяныя“)—оказавшіяся, по изслѣдованію г. пом. областного врачевнаго инспектора д-ра *Прибылова* и судебнаго врача д-ра *Сироткина*, „ржавчиною“, „нерастворимыми красками“ и „жиромъ“, при чемъ „слѣдовъ крови не оказалось“... Если этимъ неоспоримо устанавливается фактъ увлеченія экспертовъ, то мы имѣемъ полное право усомниться въ томъ, чтобы они и въ другихъ вопросахъ стояли строго на почвѣ научно-фактической и не чужды были бы вліянію этого чувства увлеченія.

Такимъ образомъ рядомъ произведенныхъ опытовъ, выводы которыхъ подкрѣплены данными судебной медицины и рядомъ

научныхъ авторитетовъ необходимо считать доказаннымъ и неподлежащимъ сомнѣнію, что какъ импрегнація вокругъ пулевыхъ ранъ въ видѣ темныхъ круга и полукруга, такъ и импрегнація въ видѣ темной „овально-продолговатой формы“ у локтевого края (со стороны мизинца) кисти лѣвой руки въ 2 ст. длины и 1 ст. ширины“ у потерпѣвшей—представляютъ собою явленія выѣдрившихся въ кожу порошинъ негорѣвшаго пороха, но прорвавшихся при отдачѣ заряда изъ различныхъ мѣстъ револьвера: первыя изъ дула, а вторыя черезъ барабанную щель револьвера,

Фот. В.

При фиксированіи лѣвою рукой ствола револьвера этимъ способомъ локтевой край кисти лѣвой руки, обозначенный буквою *a*, будетъ соответствовать передней или задней щели барабана револьвера, а слѣдовательно при этомъ способѣ пороховая копоть и порошины, при выстрѣлѣ въ упоръ, прорвавшіяся черезъ эти щели, отпечатаются на этой предлежащей части руки, давъ такимъ образомъ научно-установленный признакъ произведеннаго въ нашемъ случаѣ выстрѣла въ упоръ.

представляющія собою научно-установленный признакъ отдачи заряда произведеннаго выстрѣла въ упоръ, отпечатывающійся на подлежащей части къ щелямъ барабана оружія руки стрѣлявшаго, а потому мы и *должны*, согласно ученію судебной медицины, при наличности этого признака у потерпѣвшей О. Н., признать ее авторомъ произведеннаго выстрѣла, а слѣдовательно и виновницею покушенія на самоубійство. Сопоставивъ же эту часть съ внѣдрившимися порошинами части локтевого края кисти лѣвой руки, какъ рекомендуетъ д-ръ *Fisch*, на котораго ссылается проф. *Кузьминъ*, курковой или передней части барабана револьвера, гдѣ обыкновенно при отдачѣ выстрѣла въ упоръ прорываются порошины, легко убѣдиться, что именно эта часть кисти руки, при указанномъ способѣ стрѣльбы обѣими руками, будетъ соответствовать передней или задней части барабана револьвера, а слѣдовательно именно этотъ способъ стрѣльбы въ себя былъ примененъ потерпѣвшею О. Н., при покушеніи на самоубійство, а не какой-либо другой. (См. фотогр. В.).

Подтверженіемъ правильности нашего вывода имѣемъ въ томъ, что при признаніи факта покушенія на самоубійство указаннымъ способомъ О. Н.—все „необъяснимое“ станетъ объяснимымъ и все непонятное — *понятнымъ: все усмотрѣнныя объективныя данныя*, какъ въ обстановкѣ спальни въ день, когда произошло преступленіе, такъ и клиническая картина ранъ лѣваго виска О. Н. Въ моментъ совершенія преступленія О. Н. сидѣла на стулѣ передъ столомъ въ положеніи, когда лѣвая ея височно-скуловая область была приблизительно параллельна стѣнѣ, у которой стояла кушетка. Приставивъ дуло револьвера къ виску указаннымъ способомъ и фиксируя его лѣвою рукою у виска, она большимъ пальцемъ (см. фотографію В) правой руки нажала на спускъ курка и произвела въ перпендикулярномъ къ кожѣ или нѣсколько подъ угломъ выстрѣлъ въ упоръ — вполтную. Оттолкнутое отдачею заряда дуло револьвера приблизительно на 5 ст. отъ виска дало возможность порошинамъ несгорѣвшаго пороха образовать импрегнацію вокругъ раны въ видѣ круга съ радиусомъ въ 2 ст. Не потерявъ сознания и исполненная рѣшимости и воли покончить съ собою, О. Н. произвела второй выстрѣлъ при *томъ же* положеніи, *тѣмъ же* способомъ и фиксируя оружіе *тою же* лѣвою рукою, вслѣдствіе чего дуло его *автоматически* попадаетъ почти въ *то же* мѣсто, гдѣ первая рана и подъ *тѣмъ же* угломъ, создавъ этимъ условія поразившей меня мѣткости стрѣльбы и образованія установленнаго экспер-

тами и подтвержденнаго проф. *Субботинимъ* параллелизма пулевыхъ каналовъ. Оттолкнутое отдачею заряда дуло револьвера приблизительно на то же разстояніе создало условія для формированія порошинами у второй раны почти равнаго радіуса круга или полукруга, „дополнительная часть“ котораго не сформировалась, если вѣрить врачамъ больницы, вслѣдствіе, быть-можетъ, прикрытія этой части спустившимися и смоченными кровью волосами, что мы сами наблюдали. Часть порошинъ негорѣвшаго пороха, вслѣдствіе отдачи заряда при выстрѣлѣ въ упоръ—вплотную, прорвалась у щели барабана револьвера и отпечаталась на подлежащей ей части локтевого края кисти лѣвой руки, образовавъ этимъ у потерпѣвшей „признакъ отдачи заряда“ при выстрѣлѣ въ упоръ. Раненая вѣточка височной артеріи лѣваго виска, обращеннаго къ стѣнѣ, гдѣ стояла кушетка, дала явныя артеріальныя брызги на стѣнѣ надъ кушеткою „на высотѣ 83 ст.“, а венная кровь излилась на полъ между стуломъ, на которомъ О. Н. сидѣла и кушеткою, образовавъ отдѣльную лужу, часть крови которой вслѣдствіе паденія съ высоты оторвалась въ видѣ кровяныхъ брызгъ, попавшихъ на свѣсившійся внизу конецъ скатерти, покрывавшей столъ, у котораго сидѣла потерпѣвшая. Затѣмъ О. Н. спокойно встала, взялась за спинку стула, оставивъ на ней слѣдъ кроваваго отпечатка своихъ пальцевъ и стала ходить отъ двери до двери по комнатѣ, слѣды чего указывались дорожками венной крови. Брызги по полу не артеріальныя, а венныя, образовавшіяся отъ паденія съ высоты на полъ венной крови изъ височныхъ ранъ, о чемъ ничего не сказано въ слѣдствіи и различія каковыхъ брызгъ не выяснили. Только *отсутствіемъ борьбы* между будто бы нападавшимъ и жертвою, только покушеніемъ на самоубійство и можно объяснить нерастертыя, а правильныя лужи-дорожки крови на полу комнаты, указывавшія на путь хожденія потерпѣвшей отъ двери до двери, послѣ покушенія на самоубійство, давшей слѣдъ своей руки на печкѣ, гдѣ она опиралась рукою, только покушеніемъ на самоубійство и можно объяснить полную гармонію *ненарушеннаго порядка* въ комнатѣ, какъ и полное *отсутствіе слѣдовъ борьбы*, какъ въ обстановкѣ, такъ и на самой потерпѣвшей, находившейся въ полномъ самосознаніи до и послѣ своей послѣдовавшей симуляціи.

IV.

Вышеизложенные опыты стрѣльбы при участіи шести врачей и обоснованное уже мое врачебное убѣжденіе о симуляціи потерпѣвшей и невиновности обвиняемаго лакея Мурада стало вскорѣ достояніемъ общественнаго мнѣнія, а также и выпущенной въ то время на поруки изъ тюрьмы обвиняемой учительницы Л., находившейся, какъ установлено, въ нелегальномъ сожителствѣ съ мужемъ потерпѣвшей жандармскимъ ротмистромъ Я. Н. и привлеченной въ качествѣ обвиняемой за подстрекательство лакея Мурада на убійство жены ротмистра, чтобы затѣмъ выйти за него замужъ и создать этимъ себѣ легальное общественное положеніе. Я совершенно не зналъ обвиняемой и въ первый разъ ее увидѣлъ, когда она, блѣдная и съ явнымъ отпечаткомъ нравственнаго гнета, пришла въ одинъ изъ пріемныхъ часовъ ко мнѣ и обратилась съ просьбою сообщить ей основанія, приведшія меня къ убѣжденію симуляціи потерпѣвшей, а слѣдовательно, и ея невиновности. Узнавъ, что просимыя свѣдѣнія необходимы ей для представленія судебному слѣдователю, я не нашелъ ничего въ этомъ предосудительнаго и, полагая, что въ дѣлѣ отысканія судебной истины необходимо руководствоваться всестороннею оцѣнкою полученныхъ слѣдователемъ данныхъ, не считалъ возможнымъ отказать въ просьбѣ обвиняемой, при чемъ далъ ей свой фотографическій снимокъ въ позѣ стрѣляющагося въ лѣвый високъ двумя руками, предназначавшійся для моей врачебной статьи, чтобы она снялась бы въ такой же позѣ и представила бы судебному слѣдователю свой снимокъ, изъ котораго онъ могъ бы ознакомиться со способомъ стрѣльбы при самоубійствѣ, когда возможно происхожденіе пороховой копоти у стрѣлявшагося на локтевомъ краѣ кисти лѣвой руки, обнаруженной у потерпѣвшей О. Н. и происхожденіе которой врачи-эксперты не могли объяснить, назвавъ это явленіе „необъяснимымъ“. Отказать обвиняемой въ просьбѣ сообщить ей чисто врачебно-научныя основанія я не могъ и потому, что считалъ такой отказъ съ моей стороны выраженіемъ узкаго педантизма и даже безнравственности по отношенію обвиняемой и представителя правосудія. Обвиняемая все исполнила, какъ и заявляла мнѣ: она снялась у фотографа по данному мною ей образцу и съ врачебными соображеніями представила свою фотографію судебному слѣдователю, не

скрывая, по чьему указанію все это она сдѣлала, на что была мною уполномочена.

Несмотря на все мое, казалось, легальное поведеніе и мой научный методъ изслѣдованія судебно-медицинской истины добро-совѣстность и научная обоснованность котораго авторитетно выше-сказаннымъ засвидѣтельствована: связанныхъ факультетскимъ объ-щаніемъ шести врачей, участвовавшихъ въ экспериментальномъ изслѣдованіи и мнѣніями представителей науки, и представителей уголовного права, тѣмъ не менѣе нашему въ теченіе нѣсколь-кихъ мѣсяцевъ почти законченному врачебно-научному труду и научной истинѣ было противопоставлено прокуратурою закончен-ный почти черезъ три года съ начала слѣдствія обвинительный актъ, какъ выраженіе судебной правды, ставшей въ діаметраль-ное противорѣчіе съ научною правдою и въ этомъ поразитель-номъ противорѣчьи представшей передъ лицомъ представителей короннаго суда и общественной совѣсти.

Какимъ же образомъ и какими силами данныя, освѣщавшія путь изслѣдованія, были затемнены, а судебная правда, пред-ставленная обвинительнымъ актомъ, была такъ искажена?..

Изучая судебное предварительное слѣдствіе, явно обнаружи-лась прежде всего неосвѣдомленность судебного слѣдователя въ судебно-медицинскомъ значеніи однихъ объективныхъ данныхъ совершившагося преступленія и упущеніе—другихъ, что лишило почвы для самостоятельности выводовъ и заключенія представи-теля слѣдствія и поставило его въ полную зависимость отъ дру-гихъ, болѣе или менѣе заинтересованныхъ въ признаніи факта покушенія на убійство и въ опроверженіи — самоубійства. Изъ протоколовъ осмотра комнаты, гдѣ произошло преступленіе, отъ 15 и 24 сентября 1901 г. усматривается довольно подробное опи-саніе расположенія мебели и кровавыхъ слѣдовъ, а въ томъ числѣ и кровавыхъ брызгъ, обнаруженныхъ на полу и на стѣнѣ, надъ кушеткою, при чемъ происхожденіе ихъ на полу выяснено, какъ получившіяся „при потокѣ крови съ нѣкоторой высоты“, т. е. вслѣдствіе паденія на полъ веннаго происхожденія крови съ вы-соты и механическаго отрыванія части ея въ видѣ брызгъ, а брызги „на стѣнѣ“ надъ кушеткою *не выяснены по ихъ происхо-жденію*, а только описаны, какъ „брызги крови на стѣнѣ, у ко-торой стоитъ кушетка, находятся на высотѣ 83 см... величиною отъ горошины до просяного зерна и имѣютъ направленіе отъ кушетки къ стоящему близъ гардеробу... Свѣсившійся конецъ скатерти, которою накрытъ столъ, со швейною машиною, въ углу-

вой части противъ края кушетки покрытъ мелкими брызгами крови; на фотографической карточкѣ, стоящей на кушеткѣ у стѣны, имѣются нѣсколько брызгъ крови разной величины отъ чечевичнаго зерна до размѣровъ булавочной головки...“ Здѣсь же обращено вниманіе, помимо кровавыхъ лужъ на полу, на кровавый отпечатокъ пальцевъ на спинкѣ вѣнскаго стула и пр.—и на разстояніе между угломъ стола и краемъ сидѣнья кушетки, равное „30 сант.“—разстояніе, находящееся передъ угломъ комнаты. Происхожденіе кровавыхъ брызгъ на стѣнѣ, надъ кушеткою и на фотографической группѣ, какъ получившіяся отъ *пульсировавшей струи артеріальной крови изъ раненой вѣточки височной артеріи, совершенно не выяснено, а между тѣмъ высота ихъ нахождения на стѣнѣ (83 см.) и форма брызгъ этой струи, какъ показываетъ проф. Н. А. Оболонскій, указываетъ на перпендикулярное направленіе струи артеріальной крови по отношенію стѣны, у которой стояла кушетка, а слѣдовательно и мѣстоположеніе по отношенію стѣны потерпѣвшей, когда были нанесены ей огнестрѣльные раненія. Превалирующая круглая и грушевидная форма брызгъ на стѣнѣ, какъ я наблюдалъ, подтверждается протоколомъ же осмотра словами: „брызги эти величиною отъ горошины до просяного зерна... на фотографической карточкѣ... нѣсколько брызгъ крови разной величины отъ чечевичнаго зерна до размѣровъ мелкой булавочной головки...“ Эта круглая форма брызгъ крови на стѣнѣ и карточкѣ указываетъ на *перпендикулярное* паденіе струи на стѣну (проф. Н. А. Оболонскій), а слѣдовательно, и на то, что во время раненій выстрѣлами, потерпѣвшая имѣла мѣстоположеніе, когда ея раненая лѣвая височно-скуловая область была обращена къ этой же стѣнѣ и приблизительно была ей параллельна, что могло бы быть только при условіи, если потерпѣвшая сидѣла на стулѣ, а не на кушеткѣ, такъ какъ при этомъ эти брызги не были бы обнаружены на стѣнѣ надъ кушеткою и на фотографической группѣ, ибо лѣвая височно-скуловая область была бы обращена къ углу, на стѣнахъ котораго брызгъ, какъ видно изъ протокола, совершенно не усматривалось (см. фотогр. комн.).*

Не менѣе важное упущеніе сдѣлано и въ томъ, что не былъ немедленно же составленъ на мѣстѣ протоколъ осмотра огнестрѣльныхъ ранъ потерпѣвшей, клиническая картина которыхъ слагалась изъ признаковъ смываемой пороховой копоти, несмываемой (изъ вѣдрившихся въ кожу зеренъ несорѣвшаго пороха) и вліянія на кожу огня т.-е. ея ожоги — признаки, имѣющіе чрезвы-

чайно важное значеніе для опредѣленія разстоянія и направленія произведенныхъ выстрѣловъ, при посредствѣ чего и сопоставленія ихъ съ обстановкою слѣдователемъ независимо ни отъ кого и самостоятельно многое могло бы быть выяснено для рѣшенія вопроса: было ли покушеніе на убійство или же на самоубійство?..

Еще большее упущеніе было сдѣлано, что, не составивъ предварительно протоколъ осмотра огнестрѣльныхъ ранъ потерпѣвшей, она была съ мѣста преступленія отправлена въ городскую Николаевскую больницу, старшимъ врачомъ которой состоялъ тотъ же д-ръ П., который на мѣстѣ преступленія публично и преждевременно *предрѣшилъ* вопросъ о виновности лакея Мурада, высказавъ о несомнѣнности покушенія на убійство только потому, что раны были обнаружены въ области лѣваго виска и что ихъ оказалось двѣ раны, неосновательность чего нами опровергнута во врачебной части настоящаго труда. Такое же упущеніе было совершено судебнымъ слѣдователемъ и въ томъ, что экспертами были назначены городской врачъ д-ръ М. Г. Калмыковъ, занимавшійся на положеніи ординатора въ той же больницѣ и ординаторъ ея же д-ръ І. М. Царуковъ. Если принять во вниманіе, что свидѣтелями-врачами были, кромѣ меня одного, также ординаторы той же городской Николаевской больницы д-ръ Кр. и Ст., которыхъ я видѣлъ въ день совершившагося преступленія въ квартирѣ потерпѣвшей О. Н. и если принять во вниманіе несоставленный на мѣстѣ протоколъ осмотра ея ранъ, то станетъ очевиднымъ создавшееся ненормальное положеніе зависимости мнѣнія представителя судебного слѣдствія въ оцѣнкѣ клиническихъ важныхъ явленій огнестрѣльныхъ ранъ и его выводовъ отъ мнѣнія группы врачей, стоявшихъ въ формальной и моральной зависимости отъ предрѣшившаго на мѣстѣ преступленія вопросъ о покушеніи на убійство д-ра П.—своего старшаго врача. Этимъ создалась безпочвенность представителя правосудія въ дѣлѣ отысканія судебной истины и его полная зависимость, отозвавшаяся въ дальнѣйшемъ на всемъ судебномъ предварительномъ слѣдствіи.

Этими упущеніями судебного слѣдователя создалось ненормальное положеніе, когда „приватъ-доцентъ“ д-ръ П., какъ старшій врачъ больницы, поспѣшно высказавшійся о преступности Мурада до заключенія экспертовъ-врачей, подчиненныхъ ему ординаторовъ, поставленъ былъ въ ложное положеніе зависимости его личнаго самолюбія отъ исхода экспертизы—положеніе, когда его личное, внутреннее „я“, связанное съ престижемъ учрежде-

нія, во-главъ котораго онъ стоялъ, было въ высшей степени заинтересовано заключеніемъ экспертизы и показаніями свидѣтелей врачей, ему же формально подчиненныхъ,—положеніе, когда младшіе и зависимые судили старшаго и того, отъ кого сами зависили. Создалось положеніе, при которомъ не исключалось все то, что такъ вліяетъ на нравственную и юридическую чистоту и корректность показаній, не исключалось все то, что такъ вліяетъ невольно и независимо отъ сознанія свидѣтельствующаго о прошломъ событіи, не исключало то, на что указываютъ и представители экспериментальной психологіи и уголовного права въ смыслѣ искаженія истины: взаимный и постоянный самообмѣнъ мнѣній заинтересованнаго исходомъ дѣла старшаго врача и ему подчиненныхъ врачей свидѣтелей и экспертовъ, ежедневно встрѣчающихся и обмѣнивающихся мнѣніями въ своихъ впечатлѣніяхъ въ одномъ и томъ же учрежденіи, невольно поддающихся вліянію другъ друга. Создалось положеніе взаимнаго прививанія „идеи, чувства, эмоціи безъ участія воли воспринимающаго лица и нерѣдко безъ явнаго съ его стороны сознанія“ (проф. *Бехтес*), т.-е. вліянія самовнушенія и внушенія, какъ по отношенію другъ друга между собою, такъ и по отношенію потерпѣвшей О. Н., находившейся въ той же больницѣ на излѣченіи и подъ наблюденіемъ, а слѣдовательно и вліяніемъ тѣхъ же врачей. Не исключало это создавшееся ненормальное положеніе вліяніе цѣлой солидарной между собою группы врачей, какъ сроднившейся профессиональными интересами врачебной семьи, въ отрицательномъ смыслѣ и на психику представителей правосудія и въ ущербъ самой судебной правды.

Все вышесказанное нашло блистательное подтвержденіе въ протоколахъ показаній всѣхъ этихъ врачей городской Николаевской больницы — показаній, полныхъ чувства увлеченія въ ущербъ правдивости, объективности и корректности. Обнаружилась и тенденція къ преувеличиванію, столь опасная, какъ показала экспериментальная психологія, для чистоты ихъ показаній. Д-ръ Ст. въ показаніи отъ 25 сентября 1901 г. по вопросу о крови на рукахъ Мурада заявилъ: „приставъ П. въ присутствіи другихъ замѣтилъ на правой рукѣ черкеса... кровавое пятно овальной формы, величиною съ голубиное яйцо, пятно это я и разсматривалъ и находилъ его кровавымъ, очевидно, стертымъ неполнѣ...“, а самъ приставъ П., на котораго сослался д-ръ Ст., наканунѣ 22 сентября сообщилъ судебному слѣдователю, что онъ „... замѣтилъ на правой рукѣ Мурада „темное пятнышко величиною приблизи-

тельно съ чечевичное зерно, пятнышко это... принялъ за родинку; разсматривалъ... это пятнышко съ докторомъ... кажется съ Ст., растерли мы его и оно оказалось будто кровянымъ...“ Если принять во вниманіе мое заявленіе объ отсутствіи крови и на платъѣ Мурада, и на его рукахъ и принять во вниманіе показаніе на судѣ домовладѣльца Д., у кого квартировала потерпѣвшая, объ отсутствіи на рукахъ того же обвиняемаго крови, то тенденціозность показанія д-ра Ст., несоотвѣтствующаго дѣйствительности, будетъ съ очевидностью установлена. Эксперты-ординаторы той же больницы д-ра Калмыковъ и Царуковъ 21 сентября 1901 г. производили осмотръ одежды Мурада, при чемъ нашли массу пятенъ и на сорочкѣ, и на черкескѣ, и на сапогахъ, и на брюкахъ, и на папахѣ. Величина этихъ пятенъ была и точечная, и величиною до „серебряннаго гривенника“, и даже „серебряннаго рубля“, при чемъ эти пятна производили впечатлѣніе: „походятъ на кровяныя“, „несомнѣнно кровавыхъ“, „впечатлѣніе замѣтно кроваваго“ и „кровяныя, но замытыя...“ По изслѣдованію же химическо-микроскопическому г. пом. областного врачебнаго инспектора д-ра Прибылова и судебного врача д-ра Сироткина отъ 10 октября того же года всѣ эти „кровяныя“ пятна оказались „ржавчиной“, „нерастворимыми красками“ и „жиромъ“ и „на всѣхъ вещественныхъ доказательствахъ слѣдовъ крови вовсе не заключается“.

Такое же трагикомическое положеніе этихъ врачей обнаружилось и въ вопросѣ о пороховой копоти вокругъ огнестрѣльныхъ ранъ потерпѣвшей О. Н., у которой я лично наблюдалъ 15 сентября смываемую пороховую копоть въ видѣ двухъ черныхъ, какъ сажа, кружковъ и не замѣтитъ которую для каждаго врача, осматривавшаго раненую, прямо-таки невозможно, а несмотря на это старшій врачъ больницы д-ръ П. ни однимъ словомъ объ этой копоти, представляющей несомнѣнное доказательство произведеннаго въ упоръ выстрѣла, не обмолвился въ первомъ своемъ показаніи, но заявилъ, что „... края обѣихъ ранъ обожжены съ вѣдреніемъ вокругъ нихъ порошинокъ...“, добавивъ: „... я высказался за убійство, имѣя въ виду положеніе ранъ на лѣвой сторонѣ...“ Въ дополнительныхъ же показаніяхъ отъ 10 февраля 1903 г. д-ръ П. заявилъ: „... Была ли вокругъ ранъ копоть, я не могу вамъ удостовѣрить; можетъ быть и была; она могла быть смыта; я только хорошо помню, что вокругъ раны... и возлѣ второй раны полукругомъ было вѣдреніе въ кожу порошинокъ... Вѣдреніе порошинокъ было замѣчено мною и на

тыльной поверхности кисти лѣвой руки...“—добавилъ отъ себя д-ръ П. то, что въ дѣйствительности отсутствовало, не подтверждено даже экспертами въ ихъ протоколѣ осмотра и никѣмъ не наблюдавшееся, но желательность котораго быть можетъ исходила изъ желанія самого д-ра П. доказать, что выстрѣлъ былъ произведенъ не перпендикулярно, что было въ дѣйствительности, а „сзади напередъ“ въ то время, когда будто бы потерпѣвшая приложила эту руку къ лѣвому виску. Не отмѣчены эти порошины „на тыльной поверхности лѣвой руки“ потерпѣвшей и въ ея скорбномъ листѣ за № 9809, копію котораго „для научнаго изслѣдованія“ мнѣ своевременно вручилъ самъ же д-ръ П., а потому все его показаніе, какъ исходившее изъ воспринятаго, но преувеличеннаго тенденціею и желаемаго имъ впечатлѣнія, представляющаго уже не копію объективной дѣйствительности, а—окрыленную его собственною фантазіею и тенденціею къ признанію виновности Мурада, а слѣдовательно и удовлетворенія своего ложнаго самолюбія, какъ старшаго врача. Въ дополнительныхъ же показаніяхъ о копотѣ отъ 31 января 1903 г. д-ръ Ст. заявилъ: „я категорически утверждаю, что это была не копотъ, потому что слѣды эти я видѣлъ въ теченіе нѣсколькихъ дней“, и они не сходили и при перевязкѣ смывы не были...“, а д-ръ Кр. отъ этого же числа еще болѣе категорически подтвердилъ, что „... копотѣ вокругъ ранъ не было...“, но объ обстоятельствѣ его промываній „очищеній“ ранъ и пр., уничтожавшихъ „смываемую копотъ“ совершенно умолчалъ.

Секретъ такого поведенія и отрицанія того, что не могло въ данномъ случаѣ отсутствовать при выстрѣлѣ въ упоръ, можетъ быть объясненъ тѣмъ, что члены этой же одной врачебной семьи—ординаторы-эксперты уже высказались неправильно въ своемъ заключеніи, что усмотрѣнныя у потерпѣвшей раны произведены не выстрѣломъ въ упоръ, а на разстояніи 1—1,5 метра, а потому если бы д-ра Кр., П. и Ст. заявили, какъ свидѣтели, что они наблюдали у ранъ потерпѣвшей пороховую копотъ, то этимъ они признали бы огнестрѣльные раны О. Н., какъ раны въ упоръ, и этимъ поставили бы себя, какъ свидѣтелей, въ противорѣчіе со своими же близкими товарищами-экспертами, поколебавъ одновременно этимъ довѣріе судебного слѣдователя къ гипотезѣ экспертовъ и къ себѣ, пріобрѣтенное ими количествомъ числа пяти противъ меня одного, а въ качествѣ показаній врачебныхъ судебный слѣдователь разобратъся, конечно, не могъ. Быть можетъ было и неизвѣстно этимъ врачамъ, что при выстрѣлахъ въ

рѣшено, т.-е. покушеніе на убійство. Въ этомъ же скорбномъ листѣ эти врачи-свидѣтели занесли то, въ чемъ было имъ такъ желательно убѣдить другихъ въ своей непогрѣшимости, а именно, что направленіе пулевыхъ каналовъ зондированіемъ ими было установлено какъ идущихъ „сверху и снаружи внизъ впередъ и внутрь“, исключавшее, по ихъ мнѣнію, вопросъ самоубійства, и устанавливало фактъ покушенія на убійство. Такова цѣль этихъ врачей и ихъ мнѣніе подтверждается словами д-ра Кр. въ его показаніи отъ 25 ноября 1901 г.:

„При изслѣдованіи зондомъ ранъ и направленіе таковыхъ было установлено, что въ данномъ случаѣ выстрѣлъ произведенъ постороннею рукой“ (25 ноября 1901 г.).

Этими словами не только посягнули на неподлежащее ихъ компетентности, а подлежащее разрѣшенію экспертовъ-врачей, но и предрѣшали выводъ и заключеніе ординаторовъ-экспертовъ больницы, находившихся въ формальной и моральной зависимости отъ этого старшаго врача д-ра П.

Не входя въ оцѣнку всего изложеннаго съ точки зрѣнія врачебной этики, мы позволимъ себѣ лишь подчеркнуть очевидность, подъ которою расписались сами же эти свидѣтели - врачи больницы, опаснаго для каждаго свидѣтеля вліянія тенденціи, въ смыслѣ стремленія къ опредѣленной намѣченной цѣли, такъ всегда отрицательно вліяющей на юридическую чистоту показаній (*Гольдовскій*) и какъ тенденція иногда ведетъ къ уtratѣ чувства контроля въ оцѣнкѣ психическихъ впечатлѣній происходящаго передъ нами въ дѣйствительности, безсознательно иногда толкая на поступки, никогда въ положеніи душевнаго равновѣсія и нормальной психики свидѣтеля недопустимые. Вотъ въ это-то время преобладанія въ психикѣ тенденціи и самоувлеченій, лишившихъ возможности объективно-сознательнаго отношенія и произошло то, что въ описаніи скорбнаго листа потерпѣвшей изъ двухъ „тождественныхъ“ круговъ пороховой копоти и съ центральнымъ положеніемъ пулевыхъ ранокъ, указывавшихъ, согласно ученію судебной медицины, на два выстрѣла, произведенные въ перпендикулярномъ къ поверхности кожи раненой области направленіи, что мною наблюдалось и что подтверждено показаніями отъ 6 августа 1902 г. проф. Субботина и д-ровъ Арсеньева и Ладыженскаго отъ 1 февраля 1903 г., одинъ изъ этихъ круговъ копоти въ скорбномъ листѣ превратился въ „полукругъ“, а прямые перпендикулярные пулевые каналы — въ косые, подъ угломъ, да еще произведенные будто бы „сади напередъ“.

Запазданое и произведенное три дня спустя послѣ уже описанной свидѣтелями клинической картины ранъ въ скорбномъ листѣ, а именно 19 сентября судебно-медицинское освидѣтельствованіе черезъ городского врача Калмыкова, занимавшаго положеніе въ больницѣ ординатора и такого же ординатора д-ра Царукова въ общемъ подтвердили эти врачебныя данныя распределенія порошинъ вокругъ ранъ, какъ относительно ихъ формы въ видѣ „круга“ и „полукруга“, такъ и размѣровъ ихъ радіусовъ. Разница съ установленнымъ старшимъ врачомъ и д-ромъ Кр. въ скорбномъ мѣстѣ за № 9809 и въ судебно-медицинскомъ освидѣтствованіи ординаторовъ-экспертовъ состояла въ томъ, что *не* удостовѣрили „на завиткѣ лѣваго уха... нѣсколько пороховыхъ крапинокъ“, каковыя не могли, какъ несмыслаемая пороховая копоть, исчезнуть за три дня и заявлено, что „форма раны, вслѣдствіе томпонады ея, а также и величина не могутъ быть опредѣлены, *не опредѣляется также и направленіе ея, такъ какъ зондированіе не произведено во избѣжаніе вреда*“. Послѣднимъ заявленіемъ устанавливается, что самое главное обстоятельство—направленіе произведенныхъ выстрѣловъ и установленное интимно старшимъ врачомъ д-ромъ П. и ординаторомъ д-ромъ Кр., что „выстрѣлы были произведены постороннею рукою“, осталось *нефоконтролировано* судебно-медицинскимъ освидѣтствованіемъ.

V.

Въ то время, когда все это совершалось, въ той же больницѣ въ душѣ и психикѣ больной потерпѣвшей О. Н., считавшейся за жертву преступленія, совершалась иная реакція, иныя душевныя переживанія, выразившіяся вначалѣ въ неувѣренности и въ сожалѣніи къ обвиненному ею же 15 сентября лакею Мураду, а затѣмъ закончившіяся полнымъ сознаніемъ, на четвертый день преступленія, въ ея виновности въ покушеніи на самоубійство и въ невиновности Мурада. Помѣщенная въ больничной палатѣ, которою завѣдывала въ качествѣ надзирательницы жена врача г-жа Н., потерпѣвшая О. Н., черезъ два дня послѣ пребыванія въ больницѣ, начала по собственному побужденію

упоръ образуется двоякаго рода пороховая копоть „смываемая“ и „несмываемая“ (проф. *Hoffmann*): первая, какъ нагарь, какъ сажа, легко удаляемая промываніемъ, а вторая стойкая, какъ татуировка, и прочно сохраняемая. Наконецъ, отрицаніе существованія пороховой копоти могло исходить изъ недостатка искренности и мужества сознаться въ томъ, что всѣ эти врачи совмѣстнымъ своимъ трудомъ *сами уничтожили* смываемую копоть у ранъ потерпѣвшей своими „промываніемъ“, „очищеніемъ“ и „томпонированіемъ“, о чемъ и сами заявляли и что косвенно, мимоходомъ и д-ръ П. признаетъ словами въ показаніи отъ 10 февраля, но уже только въ 1903 г.: „... Была ли вокругъ ранъ копоть, я не могу вамъ удостовѣрить: можетъ быть и была; она могла быть смыта...“ Д-ра же Кр. и Ст, какъ люди съ такимъ же „слабымъ развитіемъ чувства контроля объективной цѣнности психическихъ впечатлѣній и слабымъ сознаніемъ нравственной отвѣтственности передъ серьезностью происходящаго въ дѣйствительности“ (д-ръ *О. Б. Гольдовскій*), категорически отрицали то, въ чемъ не отдавали себѣ отчета, какъ въ словахъ своихъ, такъ и поступкахъ. Самымъ важнымъ же опровергающимъ обстоятельствомъ и устанавливающимъ *юридическую порочность* показаній всѣхъ этихъ свидѣтелей-врачей служатъ наши опыты стрѣльбы, указанные во врачебной части настоящаго труда, съ неоспоримою очевидностью устанавливающіе, что при выстрѣлѣ изъ револьвера на томъ разстояніи, на которомъ они были произведены въ потерпѣвшую, всегда обнаруживались на кожѣ, какъ ожога и импрегнація порошинъ (несмываемая копоть), такъ и смываемая копоть, непредумышленно уничтоженная этими же свидѣтелями-врачами, а затѣмъ ими же отрицаемая. Немудрено послѣ выяснившейся порочности показаній этихъ врачей, что наши круги пороховой копоти превратились въ ихъ „полукруги“, наши изогнутыя линіи—въ ихъ прямыя и „дополнительныя“, а произведенный выстрѣлъ въ перпендикулярномъ направленіи въ височно-скуловую область потерпѣвшей былъ признанъ этими врачами, какъ произведенный „сзади напередъ“.

Юридическое значеніе выясненнаго поведенія и старшаго врача больницы, предрѣшившаго до начала слѣдствія вопросъ о виновности Мурада, и младшихъ ему подчиненныхъ врачей, какъ свидѣтелей, поддерживавшихъ своего премьера, должно оцѣниваться съ точки зрѣнія установившейся между этими свидѣтелями солидарности, способствовавшей искаженію судебной истины и введенію въ заблужденіе представителя правосудія, необезпеченная симуляція.

чившаго себѣ возможность самостоятельно ориентироваться въ объективныхъ данныхъ преступленія своевременнымъ протоколомъ осмотра ранъ потерпѣвшей.

Но помимо изложенныхъ упущеній судебного слѣдователя и послѣдовавшихъ затѣмъ дефектовъ слѣдствія, свидѣтельствовавшихъ объ отсутствіи твердой основы сознательнаго его отношенія къ доказательствамъ, легко и рельефно данными же этого слѣдствія обрисовывается интересная, но и печальная, поучительная, но и полная трагизма картина поведенія и взаимоотношенія въ стѣнахъ больницы потерпѣвшей О. Н., врачей-свидѣтелей д-ровъ: П. и Кр. и судебного „по важнѣйшимъ дѣламъ“ слѣдователя.

Разрѣшивъ или распорядившись отправить безъ предварительнаго судебно-медицинскаго осмотра огнестрѣльныхъ ранъ потерпѣвшую О. Н., въ день преступленія 15 сентября 1901 г., въ больницу, старшимъ врачомъ которой состоялъ д-ръ П. и ординаторомъ д-ръ Кр., предпрѣвшіе на мѣстѣ преступленія вопросъ о виновности лакея Мурада и о покушеніи его на убійство, судебный слѣдователь отдалъ этимъ врачамъ-свидѣтелямъ въ ихъ полное распоряженіе клиническую картину огнестрѣльныхъ ранъ потерпѣвшей, какъ важное для дѣла *corpus delictum*, чѣмъ эти врачи, заинтересованные подтвержденіемъ поспѣшно и публично высказаннаго діагноза покушенія на убійство, немедленно же, на другой же день 16 сентября, совершившагося преступленія, въ этихъ своихъ интересахъ незаконно и воспользовались. Несмотря на то, что имъ, какъ почтеннымъ врачамъ, хорошо было извѣстно все важное судебно-медицинское значеніе зафиксировать официально точную копію огнестрѣльныхъ ранъ судебно-медицинскимъ актомъ, при чемъ истолкованіе этихъ врачебныхъ данныхъ никоимъ образомъ не подлежало имъ, какъ свидѣтелямъ, а только врачамъ-экспертамъ, эти свидѣтели-врачи д-ра П. и Кр. на другой же день интимно, подъ покровомъ находившагося въ ихъ распоряженіи больничнаго учрежденія, въ трогательной солидарности вдвоемъ, въ отсутствіи экспертовъ и представителя правосудія своими промываніями, очищеніями и зондированіемъ не только видоизмѣнили клиническую картину огнестрѣльныхъ ранъ, но, какъ видно изъ скорбнаго листа потерпѣвшей за № 9809 и показанія д-ра Кр. отъ 25 ноября 1901 г., самолично интимно описали въ скорбномъ листѣ эти врачебныя данныя такъ, какъ они имъ представлялись, по оказавшіяся по описанію согласными болѣе или менѣе съ ихъ желаніями и побужденіями доказать то, что ими было публично заявлено и пред-

что внушеніе, какъ факторъ, играетъ видную роль не только въ частной, но и въ нашей общественной жизни, порождая массовыя эпидеміи психоза: самоубійствъ, грабежа, эпидеміи религиознаго характера, распространеніе мистическихъ ученій, паники, свободной любви и пр., и если принять во вниманіе, что гипнозъ „вездѣ вліяетъ не путемъ логическаго убѣжденія, а непосредственно воздѣйствуетъ на психическую сферу, помимо личной ея сферы или по крайней мѣрѣ безъ соотвѣтствующей ея переработки, благодаря чему происходитъ настоящее прививаніе идеи, чувства, эмоціи или иного психо-физическаго состоянія“ (акад. В. Бехтеревъ)¹⁾, то при томъ положеніи, въ какое поставилъ себя въ нашемъ случаѣ судебный слѣдователь, невыяснившій себѣ всю важность значенія артеріальныхъ брызгъ въ комнатѣ, гдѣ совершилось преступленіе, указывавшихъ на мѣсто положенія потерпѣвшей, во время нанесенія ей огнестрѣльныхъ ранъ, отдавшій въ распоряженіе врачей больницы огнестрѣльныя раны потерпѣвшей безъ предварительнаго ихъ описанія судебно-медицинскимъ актомъ и невыяснившій себѣ чрезвычайно важное судебно-медицинское значеніе пороховой копоти, оказавшейся на рукѣ потерпѣвшей, считающейся обстоятельствомъ, какъ научно установленный признакъ отдачи заряда при выстрѣлѣ въ упоръ и указывавшій, что стрѣляла сама потерпѣвшая, а не Мурадъ, то въ виду всего этого станетъ очевиднымъ, что этотъ судебный дѣятель уже *не могъ* самостоятельно и независимо путемъ критическаго анализа прійти къ тому или иному логическому выводу и убѣжденію въ вопросѣ: кто былъ истиннымъ авторомъ произведенныхъ выстрѣловъ и было ли въ данномъ случаѣ покушеніе на убійство или на самоубійство?.. Всѣмъ вышесказаннымъ создалось благопріятное положеніе вліянія врачей больницы на психику этого судебного дѣятеля не путемъ логическаго убѣжденія, требовавшаго съ его стороны сознательнаго и критическаго отношенія, а вліянія непосредственно на его психику внушеніемъ не только ложной идеи покушенія на убійство и что потерпѣвшая его жертва, но даже внушенія ихъ чувства подозрительности, вытекавшей изъ стремленія этихъ врачей къ ихъ намѣченной цѣли—доказать правоту своего неправаго діагноза и выйдти изъ ложнаго положенія, созданнаго противорѣчіемъ послѣ сознанія въ своей виновности потерпѣвшей. Подтверженіемъ

¹⁾ Акад. В. М. Бехтеревъ. Внушеніе и его роль въ общественной жизни, СПб., 1908 г. изд. 3-е, стр. 1, 10 и 15.

этого внушенія чувства подозрительности находимъ въ фактъ занесенія въ протоколь допроса д-ра Кр. столь ничтожнаго и ничѣмъ неподкрѣпленнаго его впечатлѣнія т.-е. его фантазіи, объясняющаго будто бы причину противорѣчія сознанія потерпѣвшей 19 сентября въ своей виновности съ высказаннымъ мнѣніемъ этого врача, что она жертва преступленія: „... изъ разговоровъ“ со своею пациенткою-потерпѣвшею О. Н. онъ замѣтилъ, что она созналась въ покушеніи на самоубійство „потому, что любить свою дочь...“ ¹⁾. Это впечатлѣніе, источникомъ котораго были подозрительность и фантазія и опредѣлявшееся однимъ только словомъ „замѣтилъ“, было подкрѣплено въ обвинительномъ актѣ еще шестью свидѣтелями, которые такъ же точно, какъ и др. Кр. „объяснили“ сознаніе потерпѣвшей своей виновности, т.-е. подкрѣплено также личными впечатлѣніями, вытекавшими изъ ихъ фантазіи, чувства симпатіи или антипатіи т.-е. изъ всего того, что такъ отрицательно вліяетъ на психическія впечатлѣнія свидѣтелей, а слѣдовательно и ихъ показанія и—такимъ образомъ фантазія одного, согласная съ фантазією шести, приобрѣла, вопреки мнѣнію представителей науки права и экспериментальной психологіи, въ глазахъ судебного слѣдователя и автора обвинительнаго акта юридическое значеніе факта.

Только прочностью внушенія психикѣ ложной идеи покушенія на убійство Мурада, только внушеніемъ судебному слѣдователю чувства подозрительности къ чистосердечности сознанія потерпѣвшей въ ея покушеніи на самоубійство и возможно объяснить его жестокое отношеніе къ нравственно и физически потрясенной больной потерпѣвшей О. Н., когда онъ не повѣрилъ ея искренности сознанія своей виновности и, восемь дней спустя послѣ этого—27 сентября 1901 г., помимо ея собственнаго желанія и воли, произвелъ надъ нею психическое насиліе въ видѣ допроса ея изъ-подъ присяги (согласно 2 п. 442 ст. У. У. С.), при чемъ допрашиваемая обнаружила двойственность душевнаго состоянія, какъ бы гарантируя себѣ возможность въ будущемъ отказаться отъ сознанія въ своей виновности, но тѣмъ не менѣе все же условно подтвердила свою виновность въ покушеніи на самоубійство, заявивъ: „... я пока утверждаю, что сама въ себя стрѣляла, такъ мнѣ теперь кажется, можетъ быть я выздоровѣю и прийду тогда къ другому заключенію, тогда я подробно буду говорить вамъ. Я была увѣрена въ своемъ мужѣ и никогда не

¹⁾ Протоколь показанія д-ра Кр. отъ 25 ноября 1901 г.

высказывать сожалѣніе объ арестованномъ Мурадѣ, говоря: „несчастный Мурадъ, что онъ надѣлалъ?..“ При этомъ О. Н., находившаяся все время въ полномъ сознаніи, сообщила г-жѣ Н., что когда она, въ день преступленія, „работала и сидѣла, а Мурадъ убиралъ комнату и необыкновенно тихо, какъ будто бы подкрадывался“ подошелъ къ ней и „затѣмъ совершенно неожиданно произвелъ два выстрѣла въ нее, одинъ вслѣдъ за другимъ“... Спустя еще два дня послѣ этого разговора, потерпѣвшая О. Н. вновь по собственному побужденію заявила г-жѣ Н., что у нея „какая-то странная голова сдѣлалась, что она не разберетъ: стрѣлялъ ли въ нее Мурадъ или же она сама въ себя стрѣляла?“¹⁾

Вслѣдъ за этимъ, на пятый день послѣ преступленія и немедленно послѣ судебно-медицинскаго освидѣтельствованія, когда эксперты почти подтвердили мнѣніе своего старшаго врача, а именно 19 сентября 1901 г. потерпѣвшая О. Н. также по собственному побужденію дѣлаетъ заявленіе слѣдователю, производящее впечатлѣніе чистосердечности и какого-то предсмертнаго завѣщанія, находясь повидимому подъ впечатлѣніемъ идеи о смерти и какого-то внутренняго душевнаго движенія, снимая всякое обвиненіе съ лакея Мурада и принимая всю вину на себя. „Господинъ слѣдователь“,—говоритъ она.—„Я видѣла въ васъ сегодня добраго человѣка... Садитесь, дайте мнѣ вашу руку, я буду говорить вамъ откровенно. До сего времени въ теченіе 5 дней я не сознавала себя, теперь я пришла къ памяти и припоминаю, что со мной было. Когда мужъ мой былъ въ Воронежѣ, и я осталась одна, на меня напала безотчетная тоска, я пошла въ кабинетъ, взяла тамъ револьверъ... вернулась въ спальню къ себѣ и выстрѣлила изъ него въ себя два раза въ лицо, въ лѣвую сторону... кажется, я стрѣляла правою рукою, а лѣвою схватилась за лицо послѣ перваго выстрѣла... я не думала лишать себя жизни, мнѣ хотѣлось причинить себѣ боль... я чувствовала себя какою-то ненормальною... теперь я въ полной памяти... я сама стрѣляла въ себя, Мурадъ не стрѣлялъ въ меня... Мураду не было основанія стрѣлять въ меня... если я умру, то передайте тотъ сундукъ со всѣмъ, что есть въ немъ моей дочери...“²⁾

Это сознаніе въ своей виновности въ покушеніи на самоубійство потерпѣвшая заявила судебному слѣдователю до окончательнаго заключенія врачей-экспертовъ и *послѣ* документально за-

1) Протоколъ допроса г-жи Н. отъ 25 сентября 1901 г.

2) Протоколъ показанія отъ 19 сентября 1901 г.

крѣпленнаго въ скорбномъ листѣ мнѣнія старшаго врача д-ра П. и ординатора д-ра Кр. и отчасти уже подтвержденнаго экспертами о несомнѣнности покушенія на убійство потерпѣвшей и что „выстрѣлы произведены постороннею рукою“. Создалось этимъ противорѣчіемъ тяжелое и неловкое положеніе для этихъ врачей и явилась настоятельная необходимость выйти изъ него безъ ущерба достоинства и врачебнаго самолюбія передъ лицомъ представителей правосудія и всего общественнаго мнѣнія, а для судебного слѣдователя предстала альтернатива: признать ли мнѣніе д-ра П. ошибочнымъ, а сознаніе потерпѣвшей чистосердечнымъ или же довѣриться первому, а послѣднее считать незаслуживающимъ вѣры?..

Во всякомъ случаѣ создалось положеніе этихъ врачей чрезвычайной заинтересованности исходомъ дѣла и удовлетворенія ихъ личнаго самолюбія—положеніе, когда въ психикѣ человѣка чувства превалируютъ надъ разумомъ, когда тенденція, въ смыслѣ стремленія къ опредѣленно-намѣченной цѣли удовлетворенія чувства самолюбія, отрицательно вліяетъ на наше представленіе, а чувство контроля объективной цѣнности психическихъ впечатлѣній притупляется. Нельзя упускать въ создавшемся положеніи этихъ врачей и значеніе чувства страха передъ стыдомъ—передъ возможностью оказаться въ трагикомическомъ положеніи—стыдомъ, какъ могучимъ стимуломъ, удерживающимъ, но также и толкающимъ на проступки и преступленія, и если изъ-за этого чувства, какъ мы видѣли въ приведенныхъ нами примѣрахъ, что иногда покушавшіеся неудачно на самоубійство не только сознательно шли на преступленіе обвиненія невиновныхъ лицъ, но и тщательно устранили все то, что могло служить уликою ихъ собственной виновности (*Шауенштейнъ*), то невозможно отрицать его значеніе, какъ стимула, могущаго побудить человѣка на неподдающіяся контролю разума дѣйствія для спасенія своего общественнаго или иного положенія. Для судебного же слѣдователя, лишившаго себя возможности критической оцѣнки врачебныхъ данныхъ огнестрѣльныхъ ранъ, какъ основы доказательствъ, создалась сознаниемъ въ своей виновности потерпѣвшей полная зависимость отъ указанныхъ врачей, юридическая порочность показаній которыхъ нами прочно установлена, какъ и полная отъ ихъ вліянія необезпеченность психики этого судебного дѣятеля отъ того, что ей внушалось этими врачами въ видѣ идеи, чувства и пр. и что ей прививалось.

Если принять во вниманіе установленный психологіею фактъ,

ляціонно повторили въ своемъ заключеніи ее, столь необходимую для личнаго удовлетворенія самолюбія ихъ старшаго врача.

Сопоставляя скорбный листъ потерпѣвшей за № 9809 съ зарегистрированными въ немъ до экспертизы старшимъ врачомъ д-ромъ П. и его ординаторомъ д-ромъ Кр. врачебными данными огнестрѣльныхъ ранъ и ихъ мнѣніемъ о покушеніи на убійство—съ заключеніемъ экспертовъ - ординаторовъ той же больницы д-ра Калмыкова и д-ра Царукова, устанавливается полная коллективная ихъ солидарность не только въ тождествѣ вывода, что „выстрѣлы были произведены постороннею рукою“—„сзади напередъ“, но и въ томъ, что всѣ эти четыре врача признали это направленіе выстрѣловъ вопреки имѣвшейся передъ ними клинической картины концентрическаго распредѣленія вокругъ пулевыхъ ранокъ вѣд्रीयшихся въ кожу порошинъ пороха въ видѣ „круга“ и „полукруга“, указывавшихъ, что выстрѣлы были произведены въ перпендикулярномъ по отношеніи кожи направленіи (проф. Гофманъ, Косоротовъ, Оболенскій и др.). Солидарность этихъ врачей выразилась еще въ томъ, что ими же зарегистрированные и въ скорбномъ листѣ, и въ заключеніи экспертовъ вѣд्रीयшихся въ кожу порошины пороха, называемыя въ судебной медицинѣ „несмываемою пороховою копотью“ (проф. Гофманъ и др.), экспертами въ своемъ актѣ освидѣтельствванія отъ 19 сентября не названы этимъ собственнымъ именемъ, а свидѣтели д-ра П. и Кр. въ скорбномъ листѣ категорически удостовѣрили, что „пороховой копоти на краяхъ раны нѣтъ“, при чемъ эти свидѣтели ничего не сказали о томъ, умолчали, что у ранахъ еще была и „смываемая пороховая копоть“, но которую они промываніями своими несомнѣнно уничтожили. Кромѣ того сопоставленіемъ же скорбнаго листа съ заключеніемъ экспертовъ неоспоримо устанавливается также то, что въ то время, когда направленіе пулевыхъ каналовъ врачи-свидѣтели П. и Кр. установили зондированіемъ въ желательномъ для нихъ смыслѣ, эксперты д-ра Калмыковъ и Царуковъ удостовѣрили это направленіе „сзади напередъ“ *безъ всякаго ихъ изслѣдованія зондомъ*, что подтверждается, какъ ихъ словами: „... зондированіе не произведено во избѣжаніе вреда“, такъ и словами обвинительнаго акта: „зондированіе ранъ при изслѣдованіи не производилось...“ Такимъ образомъ эксперты одно изъ важныхъ обстоятельствъ приняли на вѣру отъ свидѣтелей-врачей: старшаго врача П. и ординатора Кр., а такъ какъ проф. Субботинъ собственноручною подписью удостовѣрилъ *послѣ* этого удостовѣренія, а именно 6 августа

1902 г. въ своемъ первомъ показаніи, о которомъ обвинительный актъ умолчалъ, хотя затѣмъ и измѣненномъ, но тѣмъ не менѣе имъ же—проф. Субботинимъ засвидѣтельствованномъ, что, беря во вниманіе распредѣленіе вѣдвдрившихся порошинъ на рубцѣ одной зажившей раны и прямое проникновеніе зонда въ Гаймовровую полость незажившей другой раны, выстрѣлы были произведены „въ перпендикулярномъ направленіи“ по отношеніи раненой области, то и свидѣтельствованія направленія каналовъ д-ровъ П. и Кр. являлись незаслуживавшими довѣрія. Эксперты-врачи Калмыковъ и Царуковъ своимъ удостовѣреніемъ того, въ чемъ не удостовѣрились, напомнили случай изъ судебной практики *А. Ѡ. Кони*, когда одинъ уѣздный или городской врачъ умудрился описать въ своемъ протоколѣ анатомическія измѣненія мозга и его оболочекъ, не вскрывая полости черепа т.-е. не видя ничего, вслѣдствіе чего уважаемый авторъ сообщеннаго факта и выразился объ этомъ феноменальномъ врачѣ: „протоколъ написалъ правильно, а описалъ совсѣмъ неправильно“,— что можно было бы сказать и о нашихъ экспертахъ. Подобный сообщенному случаю *А. Ѡ. Кони* и я встрѣтилъ въ своей жизни, когда окружный врачъ описалъ анатомическія измѣненія мозга, не вскрывъ полости черепа найденнаго въ степи трупа—случай, закончившійся счастливо для этого врача, такъ какъ онъ сумѣлъ избѣгнуть судебной отвѣтственности. Среди обширнаго нашего отечества налицъ единственная какая-то лабораторія-больница, среди врачебнаго персонала которой нашлись хирурги-эксперты, у которыхъ недостало мужества зондомъ изслѣдовать раны больной, но за то достаточно было мужества не только утверждать то, что они не видѣли, но и соиздать на этомъ ими невиданномъ цѣлую „гипотезу“, за которую пришлось бы расплачиваться каторгою обвиняемымъ.

Трудно допустить, чтобы вся эта группа врачей одной и той же больницы въ числѣ четырехъ, и во-главѣ которой стоялъ старшій врачъ „привать-доцентъ“ д-ръ П., была бы настолько неосвѣдомленá въ элементарныхъ данныхъ судебной медицины; чтобы никто изъ нихъ не зналъ бы, что такое „смываемая“ и „несмываемая“ пороховая копоть?.. Трудно допустить, чтобы никто изъ нихъ не зналъ бы, что направленіе выстрѣловъ въ упоръ, какъ учить судебная медицина, опредѣляется не направленіемъ пулевыхъ каналовъ, а клиническою картиною пороховой копоты на кожѣ и въ кожѣ у ранъ. Невозможно допустить, чтобы никто изъ нихъ не зналъ бы, что, имѣя передъ собою картину копоты

могла ожидать, чтобы мнѣ готовилась опасность, за что могъ стрѣлять черкесь Мурадъ въ меня, я ему ничего не сдѣлала?.. Л. я знаю, когда она была въ 7 или 8 классѣ, она бывала у насъ, а потомъ перестала бывать; я хотя и слышала, что Л. любовница моего мужа, но не обращала вниманія на это; не пишете, г. слѣдователь, что я слышала, что Л. любовница моего мужа. Я прошу васъ, не спрашивайте меня, мнѣ тяжело отвѣчать на ваши вопросы, за что мнѣ такое наказаніе; я поправлюсь и еще поговорю съ вами, по слабости болѣе добавить ничего не имѣю и расписаться не могу“.

Это показаніе изъ-подъ присяги дано также до заключенія врачебной экспертизы и оно характерно: 1) условностью подтвержденія признанія своей виновности словами: „пока“ и „можетъ быть я выздоровѣю и тогда приѣду къ другому заключенію“ и 2) протестомъ противъ насилія надъ ея психикою, выразившимся словами: „... не спрашивайте меня, мнѣ тяжело отвѣчать... за что мнѣ такое наказаніе...“ Условность этого признанія возможно объяснить слѣдствіемъ подмѣченнаго потерпѣвшею стремленія врачей и судебного слѣдователя, несмотря на ея признаніе, истолковать все въ пользу ея невиновности, а слѣдовательно и безнаказанности въ ея дальнѣйшей симуляціи и внушеніемъ идеи возможности отмстить ея соперницѣ Л., къ которой она невольно питала чувство ревности съ ненавистью за отнятую любовь ея мужа и которая была уже заподозрѣна врачами больницы, а слѣдовательно и судебнымъ слѣдователемъ въ подговорѣ Мурада на ея убійство, чтобы затѣмъ, послѣ смерти О. Н., выйти изъ нелегальнаго и создать себѣ замужествомъ легальное положеніе въ обществѣ. Эта же условность, помимо соблазна отмстить соперницѣ, могла исходить изъ несформировавшейся окончательно увѣренности въ безответственности своей симуляціи и въ клеветѣ Мурада, и своею этою условностью потерпѣвшая О. Н. пріобрѣтала возможность обдумать свое дальнѣйшее поведеніе, согласно предстоящему заключенію экспертовъ-врачей ординаторовъ больницы о вопросѣ покушенія на убійство или на самоубійство, а также согласно другимъ обстоятельствамъ.

VI.

Но вотъ настало время, когда состояніе силъ больной возстановилось, операція извлеченія одной пули, произведенная 22 сентября въ присутствіи экспертовъ, закончилась и врачи-ординаторы той же больницы, какъ эксперты, „на основаніи предъявленнаго намъ судебнымъ слѣдователемъ скорбнаго листа больницы за № 9809, сообщенныхъ имъ же нѣкоторыхъ обстоятельствъ дѣла и паблуденій во время произведенной 22 сентября въ нашемъ присутствіи операціи извлеченія пули изъ одной раны“, — высказали свое заключеніе, выразившееся въ слѣдующемъ: раны у О. Н. признаны, какъ произведенныя, „не въ упоръ“, а „на разстояніи не далѣе 1—1,5 метра“, т.-е. около двухъ аршинъ. О. Н. „не могла причинить себѣ имѣющіяся на ея головѣ раны и что, слѣдовательно, въ данномъ случаѣ покушенія на самоубійство не было, а выстрѣлы въ О. Н. произведены постороннимъ лицомъ“. „Каналы обѣихъ ранъ имѣютъ приблизительно одинаковое направленіе снаружи, сзади и нѣсколько сверху — внутрь, впередъ и нѣсколько внизъ...“ При этомъ же эксперты, несмотря на то, что имѣвшійся у потерпѣвшей „пороховой уголь“ на локтевомъ краѣ „лѣвой кисти руки“, установленный судебною медициною, какъ признакъ отдачи заряда произведеннаго выстрѣла въ упоръ, назвали „необъяснимымъ“, тѣмъ не менѣе для объясненія его происхожденія здѣсь же въ своемъ заключеніи высказали *гипотезу*, состоящую въ слѣдующемъ: когда О. Н. сидѣла и шила, то „намѣревавшійся ее убить, подойдя близко къ ней сзади и слѣва, стрѣляетъ разъ, пуля попадаетъ въ лѣвый високъ... Пораженная пулей О. Н. инстинктивно отъ боли или самозащиты прикладываетъ лѣвую руку къ ранѣ... Въ это мгновеніе раздается второй выстрѣлъ, пуля отъ котораго попадаетъ ниже наружнаго угла лѣваго глаза, а слѣдующія за пулей частицы пороха вѣдряются въ кожу вокругъ раны и частью попадаютъ на кисть лѣвой руки потерпѣвшей“. Этимъ заключеніемъ неоспоримо устанавливается, что эксперты-ординаторы *не только почти буквально повѣрили и подтвердили все то, что было высказано и предуготовлено ихъ старшимъ врачомъ, но даже высказали невыдерживающую, какъ мы видѣли выше, критики здраваго смысла гипотезу, созданную д-рами П. и Кр., т.-е. безапел-*

нію, какъ источникъ искаженія воспоминаній, играетъ огромную роль“ (*Гольдовскій*)¹⁾.

Всѣ указанные объективные признаки, опредѣляющіе понятіе ложности показаній свидѣтелей и субъективныя причины, predisposing къ ложности, неоспоримо находимъ въ показаніяхъ и заключеніи всѣхъ врачей Николаевской городской больницы, дошедшихъ до того, что они давали показанія о врачебныхъ данныхъ, почерпнутыхъ не изъ объективной дѣйствительности, а изъ ихъ собственной *фантазіи* т.е. сообщали представителю правосудія собственный вымыселъ. Помимо вышеприведенныхъ данныхъ противорѣчій и неточностей врачей П., Кр., Калмыкова и Царукова, ординаторъ той же больницы д-ръ Ст., какъ выяснено нами во врачебной части настоящей статьи, утверждалъ, что будто бы онъ видѣлъ, въ день совершившагося преступленія, на рукахъ обвиняемаго Мурада кровавое пятно величиною „съ голубиное яйцо“ и что это пятно онъ разсматривалъ совмѣстно съ представителемъ полиціи, а послѣдній—фактъ совмѣстнаго осмотра подтвердилъ, но кровавое пятно „съ голубиное яйцо“ отвергъ, заявивъ, что онъ замѣтилъ на рукѣ обвиняемаго „пятнышко“ въ видѣ маленькой „родинки“, будто бы „похожей на кровь“. Свидѣтель же Д., бывшій въ это время со мною при осмотрѣ рукъ обвиняемаго, заявилъ на судѣ, что никакихъ слѣдовъ крови на рукахъ обвиняемаго не наблюдалось. Старшій врачъ больницы д-ръ П., подѣ конецъ заканчивавшагося судебного предварительнаго слѣдствія, неожиданно заявилъ судебному слѣдователю о важномъ обстоятельстве, до этого времени почему-то о немъ умалчивая въ теченіе почти 2½ лѣтъ, что будто бы онъ видѣлъ, въ день преступленія, „на тыльной поверхности кисти лѣвой руки“ потерпѣвшей „пороховую копоть“²⁾, но существованіе которой никѣмъ не подтверждено, о которой онъ же самъ, какъ и его сотрудникъ д-ръ Кр. ничего не сказали ни въ прежнихъ показаніяхъ, ни въ скорбномъ листѣ за № 9809 потерпѣвшей и каковая не была даже удостовѣрена столь близко къ нему стоявшими экспертами-ординаторами его же больницы—чѣмъ и были засвидѣтельствованы съ очевидностью явный вымыселъ и фантазія „приватъ-доцента“ д-ра П. Если припомнимъ

¹⁾ *Гольдовскій*. Психологія свидѣтельскихъ показаній. Проблемы психологіи. Ложь и свидѣтельскія показанія, Москва, ред.-изд. И. Н. Холчевъ, вып. 1, стр. 84—88.

²⁾ Протоколъ показанія 10 февраля 1903 г.

еще установленное нами во врачебной части, что ординаторъ д-ръ Кр., послѣ уничтоженія промываніями и „очищенія“ совместно со своимъ старшимъ врачомъ смываемой пороховой копоти у ранъ потерпѣвшей и послѣ ихъ собственноручнаго удостоверенія въ скорбномъ листѣ потерпѣвшей о наличности несмываемой пороховой копоти въ видѣ „круга“ и „полукруга“ внѣдрившагося въ кожу порохового угля, засвидѣтельствовали здѣсь же, что „пороховой копоти на краяхъ ранъ нѣтъ“, а судебному слѣдователю это же отдѣльно подтвердили, то у кого же, послѣ всего нашего критическаго анализа показаній, осмотра и заключенія всѣхъ этихъ врачей больницы и сопоставленія ихъ между собою, останется какое-либо сомнѣніе о наличности въ нихъ признаковъ и причинъ, установленныхъ экспериментальною психологіею въ опредѣленіи понятія о ложности показаній свидѣтелей?.. Признаки и причины искаженія объективной правды тѣсно сплелись и смѣшались въ показаніяхъ этихъ врачей съ явными признаками научнаго профанизма судебной медицины и полевой хирургіи.

Нельзя не обратить вниманія на упущенія въ заключеніи экспертовъ и представителя слѣдствія важнаго обстоятельства, подлежавшаго непремѣнному и немедленному выясненію: гдѣ сидѣла потерпѣвшая, когда покушавшійся стрѣлялъ въ нее „сзади и слѣва“ „на разстояніи не далѣе 1—1,5 метра“, т.-е. приблизительно на 2 аршина отъ нея?.. Если О. Н. сидѣла на кушеткѣ, приставленной вплотную къ стѣнѣ, а эксперты заявили, что покушавшійся на ея жизнь подошелъ и стрѣлялъ въ нее „сзади и слѣва“, то какъ же могъ стрѣлять Мурадъ изъ-за кирпичной стѣны? Если допустить, что О. Н. сидѣла на кушеткѣ, то область ея лѣваго виска была бы обращена, при ея прямомъ en face положеніи, къ углу, на пути къ которому стоялъ стулъ, находившійся передъ столомъ и въ который, чтобы пройти, необходимо было бы пролѣзть предварительно тѣсное пространство, образуемое угломъ стола, на которомъ находилась швейная машина, и краемъ кушетки, измѣряемое „30 сантиметрами“. При этомъ же положеніи на кушеткѣ правый високъ потерпѣвшей былъ бы обращенъ къ остальной части комнаты, дававшей полный просторъ и возможность стрѣлять покушавшемуся, а онъ невѣроятно предпочелъ бы почему-то невозможное возможному и неестественное—естественному?!. Кромѣ этого артеріальныя брызги при этомъ оказались бы по направленію угла и на столѣ, и на стѣнѣ угла, чего, какъ удостоверено, не было, а эти брызги

смываемой или несмываемой въ видѣ „круга“, *нельзя* и недопустимо признать направленіе выстрѣла „сзади напередъ“, а только—въ перпендикулярномъ направленіи.

Если при всемъ сказанномъ припомнимъ еще, что эти же эксперты д-ръ Калмыковъ и д-ръ Царуковъ признали и удостовѣрили 22 сентября на платѣ обвиняемаго Мурада „похожія“ и „несомнѣнно кровавыя пятна“, величиною „до серебрянаго рубля“, „замытыя“ и „незамытыя“, оказавшіяся „жиромъ“, „краскою“ и „ржавчинаго“, какъ было удостовѣрено судебнымъ химико-микроскопическимъ анализомъ, то неоспоримо будетъ установлено, что все то, что эта группа врачей заявляла судебному слѣдователю и удостовѣряла, исходило не изъ ихъ логическаго на основаніи объективнаго изслѣдованія убѣжденія, а изъ ихъ чувства увлеченій, во власти которыхъ находилась ихъ психика. Все ихъ поведеніе, какъ и ихъ скорбный листъ, и заключеніе экспертовъ съ очевидностью свидѣтельствуютъ, что эта группа врачей больницы находилась во власти какой-то психической заразы, когда они не могли объективно и съ полнымъ самообладаніемъ регистрировать то, что они видѣли и слышали, и, по прекращеніи внѣшняго вѣдѣнія, начинали бы внутреннюю душевную переработку, а отдавались во власть своимъ душевнымъ движеніямъ, завладѣвшими ими и поразившими ихъ память (А. О. Кони ¹⁾).

Что вся группа врачей больницы находилась во власти ихъ душевныхъ движеній, отрицательно вліявшихъ на ихъ логику мышленія и память, а слѣдовательно и на всѣ ихъ показанія и удостовѣренія, находимъ для этого неоспоримыя доказательства. Они *умолчали, забыли то, что ихъ компрометировало* и что они сами уничтожили (смываемая пороховая копоть). *Отрицали то, что было передъ ихъ глазами* („пороховой копоти на краяхъ раны не было“—зарегистрировано въ скорбномъ листѣ, а сами описали здѣсь же „внѣдреніе порошинъ“, признаваемое судебною медициною, какъ „несмываемая“ пороховая копоть). *Видѣли то, чего не было въ действительности*, но что было такъ желательно („несомнѣнно кровавыя пятна“ на платѣ обвиняемаго, какъ удостовѣрили эксперты). *Удостоверили то, чего не изслѣдовали* и въ чемъ не удостовѣрились (направленіе пулевыхъ каналовъ „сзади напередъ“, а между тѣмъ обвинительный актъ свидѣтельствуеетъ, что они не изслѣдовали этихъ каналовъ). Опуская еще рядъ по-

¹⁾ А. О. Кони. Свидѣтели на судѣ. Проблемы психологіи. Ложь и свидѣтельскія показанія, Москва, ред.-изд. Н. Н. Холчевъ, вып. I, стр. 125.

добныхъ же данныхъ, дискредитирующихъ показанія и удостовѣренія всѣхъ этихъ врачей, обращу еще вниманіе на знаменательный фактъ почти *одновременнаго* принятія этими четырьмя врачами „гипотезы“, объясняющей стрѣльбу „сзади напередъ“ и происхожденіе копоти на лѣвой рукѣ потерпѣвшей,—гипотезы, лишенной, какъ мы выше показали, не только всякой научной основы, но и здраваго смысла.

Все вышесказанное подтверждаетъ, что природа источника показаній этихъ врачей-свидѣтелей и экспертовъ была испорчена и отравлена. Все изложенное съ очевидностью опорочиваетъ чистоту показаній этихъ врачей и подрываетъ ихъ юридическое значеніе. Всѣ эти показанія и заключенія, производящія по внѣшнему виду впечатлѣніе какой-то предвзятости, не могли исходить изъ злой ихъ воли, за счетъ жизни обвиняемыхъ, въ видѣ предумышленнаго сознательнаго стремленія способствовать осужденію чуждыхъ для этихъ врачей обвиняемыхъ, а потому должны быть подведены подъ установленное экспериментальною психологіею понятіе „*нормальной неправды*“ или „*несознательныхъ ложныхъ показаній*“, играющихъ иногда столь трагическую роль въ уголовныхъ процессахъ и составляющихъ сущность запросовъ и „*переоцѣнокъ*“ представителей уголовного права и экспериментальной психологіи въ современномъ теченіи нашей жизни.

Интересы объективной правды всегда требуютъ осторожнаго отношенія къ показаніямъ свидѣтелей, причины неточностей, ошибокъ и искаженія которыхъ достаточно уже опытами и наблюденіями экспериментальной психологіи установлены. Къ этимъ причинамъ, какъ было нами указано въ началѣ настоящаго труда, относятся мало-развитую наблюдательность, фантазію, внушеніе, вліяніе вопросовъ слѣдователя, судей и т. д. Разнообразіе этихъ ошибокъ, по заявленію представителей психологіи, неисчерпаемо и признаки ихъ установлены. Къ объективнымъ признакамъ относятся: *пропускъ* того, что существовало въ дѣйствительности, *прибавка* того, чего никогда не было, и *превращеніе* т. е. изображеніе въ иномъ видѣ, несоотвѣтствовавшее дѣйствительности. Кромѣ этихъ объективныхъ признаковъ ошибочныхъ и неточныхъ показаній свидѣтелей установлены и субъективныя причины, предрасполагающія къ искаженію свидѣтелями показаній: чувства желанія, надежды, страха, симпатіи и антипатіи, помимо слабой наблюдательности и недостаточнаго вниманія. Наконецъ, въ юридической оцѣнкѣ показаній „тенденція къ преувеличива-

усмотрѣны *на стѣнѣ надъ кушеткою*, что возможно только въ томъ случаѣ, когда лѣвый високъ былъ обращенъ къ этой же стѣнѣ и кушеткѣ и каковое обстоятельство удостовѣряетъ, что О. Н. въ моментъ раненія сидѣла на стулѣ, а не на кушеткѣ. (См. фот. комнаты).

Въ одномъ изъ дальнѣйшихъ показаній О. Н. заявила, что она сидѣла на кушеткѣ, нѣсколько повернувшись вправо, такъ что лѣвый ея високъ будто бы былъ обращенъ къ комнатѣ. Если это неестественное положеніе при сидѣніи допустить, то почему же артеріальныя кровяныя брызги оказались на стѣнѣ, надъ кушеткою, что удостовѣрено протоколомъ, и не оказалось ихъ ни на стѣнѣ, выходящей на улицу, ни въ углѣ, ни на стулѣ, гдѣ былъ усмотрѣнъ и слѣдъ прикосновенія окровавленной руки на спинкѣ стула, не говоря уже о физической невозможности нанести такія раны, какъ у потерпѣвшей, на разстояніи, установленномъ экспертами?.. Этими же соображеніями опровергается возможность произвести подобныя раны постороннимъ лицомъ при условіи, если бы О. Н. сидѣла на стулѣ, такъ какъ подойти и стрѣлять „слѣва и сзади“ мѣшала бы кушетка и пришлось бы также покушавшемуся предпочесть явное неудобство—удобству, благоразумію—неблагоразумію и абсурдъ—сознательному и разумному дѣйствію.

Всѣ эти высказанные выводы легко вытекаютъ изъ сопоставленія заключенія экспертовъ съ фотографическимъ снимкомъ комнаты, съ очевидностью указывающіе на неестественность, неправдоподобность гипотезы, а слѣдовательно и ея несостоятельность.

VII.

Какъ же вела себя потерпѣвшая *послѣ* заключенія экспертовъ, признавшихъ, что О. Н. не могла произвести наблюдавшагося у нея раны?.. „... Я прошу не придавать никакого значенія тѣмъ моимъ показаніямъ, въ которыхъ я объяснила, что сама въ себя стрѣляла“, говоритъ потерпѣвшая, при ея допросѣ 26 ноября 1901 г. „Я была тогда очень слаба, думала о смерти и не желала, чтобы кто-либо страдалъ изъ-за моихъ показаній; въ настоящее
стимуляция.

время, когда я уже достаточно оправилась от болѣзни, я, *помня принятую мною присягу*, говорю правду и утверждаю, что стрѣлялъ въ меня Мурадъ, какъ о томъ и показывала на первоначальномъ допросѣ. Я ясно помню обстоятельства этого несчастья. *Расположеніе ранъ отъ выстрѣловъ исключаетъ возможность того, чтобы я сама въ себя стрѣляла*“. Затѣмъ потерпѣвшая разъясняетъ, что ей были извѣстны отношенія ея мужа къ обвиняемой Л., какъ извѣстно было и то, что въ отсутствіи потерпѣвшей Л. жила „въ квартирѣ мужа“ и что она „знала, что у мужа для свиданія съ Л. была тайная квартира“, а также, что у нея „съ мужемъ произошли непріятности изъ-за Л.“ Кромѣ этого заявила о получавшихся ею анонимныхъ письмахъ. Переходя къ событію преступленія, потерпѣвшая сообщила, что „15 сентября... я сидѣла въ спальнѣ и шила шелковую голубую рубаху. Мурадъ въ это время подтиралъ полъ въ спальнѣ; дверь балкона была открыта; была ли закрыта дверь въ коридоръ, не помню; я сначала шила на машинѣ, а затѣмъ, когда надо было запошить, то сѣла на кушетку. Мурадъ былъ отъ меня въ 3-хъ шагахъ, не далѣе; я сначала разговаривала съ нимъ относительно уборки комнаты, а затѣмъ, когда я, сидя на кушеткѣ, углубилась въ работу, которую держала на колѣняхъ, и перестала разговаривать съ Мурадомъ, внезапно раздался выстрѣлъ; у меня потемнѣло въ глазахъ, я почувствовала боль въ вискѣ, откинулась назадъ и ударилась головой объ стѣну, схватилась рукою за рану, изъ которой брызнула кровь; *едва успѣла я закрыть рану, какъ послѣдовалъ второй выстрѣлъ въ щеку, какъ-разъ возль руки, которой я прикрывала первую рану, образовалась другая рана и на руке, прикрывавшей первую рану, оказались слѣды пороха*, послѣ второго выстрѣла я открыла глаза и увидѣла Мурада, который вынималъ ключъ изъ двери гостиной... Поднявшись съ кушетки, я почувствовала сильную слабость, кровь лила изъ обѣихъ ранъ, все лицо у меня было въ крови; я не помню, какъ шла по комнатѣ, но, вышедши на балконъ, я немного ободрилась и начала кричать о помощи“.

Это показаніе потерпѣвшей дано судебному слѣдователю приблизительно два мѣсяца спустя (26 ноября 1901 г.) послѣ ея, повидимому, чистосердечнаго и по собственному побужденію даннаго сознанія покушенія ея *на самоубійство* (19 сент.), *подкрѣпленнаго условнымъ подтвержденіемъ ея же изъ-подъ присяги* (27 сент.). Это показаніе, въ которомъ она отказывается отъ своей виновности и вновь, спустя два мѣсяца, обвиняетъ Мурада, зна-

менательно тѣмъ, что оно дано *послѣ* заключенія экспертовъ, категорически признавшихъ виновность Мурада, а потерпѣвшую— за жертву насилія, — знаменательно и тѣмъ, что она показала свою *освѣдомленность* въ гипотезѣ экспертовъ-врачей, объясняющей происхождение у нея на кисти лѣвой руки незначительной копоти, измѣряемой „двумя сант. длины и однимъ сант. ширины“. Знаменательно тѣмъ, что она такъ подробно и реально объяснила слѣдователю происхождение этой копоти на рукѣ и показала мною подчеркнутыми словами и выраженіемъ: „расположеніе ранъ отъ выстрѣловъ исключаетъ возможность того, чтобы я сама въ себя стрѣляла“—свою *врачебную компетентность* во врачебной оцѣнкѣ ея огнестрѣльныхъ ранъ, недоступную для человѣка, не получившаго специально врачебнаго образованія. Показала и свою *подготовленность* реально объяснить судебному слѣдователю происхождение копоти на ея рукѣ такъ точно, какъ объяснила это же происхождение гипотеза экспертовъ, и этимъ полагала убѣдить его въ ея вѣроятности— гипотезѣ врачей больницы, среди которыхъ потерпѣвшая жила, лѣчилась, прислушивалась и приспособлялась...

Источникъ, откуда почерпнула потерпѣвшая освѣдомленность и врачебную компетентность, выясняется показаніемъ ординатора-свидѣтеля д-ра Кр., показаніемъ даннымъ имъ судебному слѣдователю *наканунѣ* передъ показаніемъ потерпѣвшей, а именно 25 ноября того же 1901 г., изъ котораго узнаемъ, что онъ не только съ д-ромъ П. предрѣшили 15 сентября виновность Мурада, не только готовили-устанавливали для экспертовъ *до* судебно-медицинскаго освидѣтельствующаго потерпѣвшей врачевныя данныя ея ранъ, не только они *до* заключенія экспертовъ были авторами - творцами гипотезы предрѣшеннаго ими же покушенія на убійство, но еще и лѣчилъ этотъ врачъ эту же самую потерпѣвшую, съ которою, слѣдовательно, находился въ общеніи и возможности на нее моральнаго вліянія и съ которой онъ оказался *совершенно солидаренъ въ показаніи слѣдователю* — показаніи, данномъ вслѣдъ за нимъ же (25 ноября д-ра Кр. и 26 ноября потерпѣвшей). Въ своемъ же показаніи д-ръ Кр., какъ врачъ, освѣтилъ слѣдователю вопросъ происхожденія копоти на кисти лѣвой руки потерпѣвшей, какъ дополняющей копоть „полукруглой формы“ у раны ея височно-скуловой области, объяснивъ и показавъ *такимъ же точно образомъ, какъ вслѣдъ за нимъ повторила слѣдователю потерпѣвшая*, какъ она „послѣ перваго выстрѣла... приложила руку къ щекѣ“ и какъ на ея

рукъ „образовалась пороховая копотъ“... Пациентка - потерпѣвшая не только повторила судебному слѣдователю на другой же день все то, что наканунѣ говорилъ лѣчившій ее врачъ-свидѣтель-ординаторъ - психологъ - наблюдатель и изслѣдователь больной и авторъ гипотезы, но *утрировала свою врачебную компетентность* фразою врачебнаго характера: „расположеніе ранъ отъ выстрѣловъ исключаетъ возможность того, чтобы я сама въ себя стрѣляла“,—показавъ этимъ свою *подготовленность къ показанію при участіи этого же врача...*

Мы позволяемъ себѣ по возможности полностью привести это показаніе д-ра Кр. *отъ 25 ноября 1901 г.*, имѣющее чрезвычайно важное значеніе, какъ выясняющее не только моральное вліяніе группы одной и той же больничныхъ врачей на потерпѣвшую и представителя предварительнаго судебного слѣдствія, но и проливающее свѣтъ на исторію происхожденія противорѣчащей элементарнымъ научнымъ даннымъ гипотезы д-ровъ-свидѣтелей П. и Кр. и экспертовъ-ординаторовъ врачей и выясняющее намъ причину искаженія научной истины, долженствовавшей быть вполне согласной съ судебною правдою. Вотъ это показаніе:

„15 сентября н. г. около 12 час. дня я вмѣстѣ съ П. врачомъ пріѣхалъ въ квартиру О. Н.“... для оказанія помощи... причемъ „потерпѣвшая объяснила, что въ нее стрѣлялъ лакей Мурадъ... Пришедшая въ то время сестра потерпѣвшей А. П., узнавъ, что Мурадъ стрѣлялъ въ О. Н., стала кричать, чтобы его увели, причемъ высказывалась, что Мурадъ чей-то сообщникъ, что его должно быть подкупили... Раны у потерпѣвшей были *перевязаны* и она того же дня была *отправлена* въ больницу, гдѣ при *изслѣдованіи зондомъ ранъ и направленіе таковыхъ было установлено, что въ данномъ случаѣ выстрѣлы произведены постороннею рукою*. Ожогъ у одной изъ ранъ былъ круглой формы, а у другой раны—ожогъ имѣлъ полукруглую форму по діаметру рѣзко ограниченную, что объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что *потерпѣвшая послѣ перваго выстрѣла приложила руку, на лучевой (?) поверхности которой и оказался слѣдъ пороховой копоты, дополняющій вышеописанный полукругъ*. Когда потерпѣвшая... по-ступила въ больницу, то въ павильонѣ, гдѣ она жила, сталъ ходить С., я видѣлъ его нѣсколько разъ, при чемъ однажды, встрѣтившись со мною, С. высказался такъ: „мы докажемъ, что здѣсь самоубійство и на это у меня есть *данная*“. Я *мчу* и въ настоящее время О. Н., изъ разговоровъ съ нею я *замѣтилъ*, что

она измѣнила свое первоначальное показаніе потому, что любитъ сильно свою дочь“.

Такимъ образомъ этимъ показаніемъ *самъ* д-ръ Кр. своими словами удостовѣрилъ и разоблачилъ замаскированную роль старшаго врача д-ра П. и самого себя, что они же *сами* явились инициаторами обвиненія въ покушеніи на убійство Мурада, *сами же* были подготовителями врачебныхъ данныхъ для ординаторовъ же экспертовъ, *сами же* авторами гипотезы покушенія на убійство, *сами же* все предрѣшили, *сами же* все и порѣшили, *сами же* потерпѣвшую лѣчили, *сами же* ее обману научили, способствуя ей симуляціи, и *сами же* были вдохновителями въ отрицательномъ смыслѣ представителя судебного слѣдствія, убѣждая его не вѣрить сознанію въ самоубійствѣ потерпѣвшей (19 сентября 1901 г.), такъ какъ это сознаніе, „какъ изъ разговоровъ замѣтилъ“ (?) д-ръ Кр., явилось слѣдствіемъ того, „что О. Н. любитъ сильно свою дочь“...

Возможно ли подвести подъ понятіе безсознательности, „нормальной неправды“ всѣ эти дѣянія этихъ двухъ свидѣтелей-врачей, что они были во власти больного своего чувства сомнѣнія и ложнаго самолюбія и что эти поступки ихъ вытекали не изъ сознанія безконтрольности ихъ дѣйствій въ своей же больницѣ, а изъ ихъ тенденціи и слабого развитія „чувства контроля объективной цѣнности психическихъ впечатлѣній и слабымъ сознаніемъ отвѣтственности передъ серьезностью происходящаго въ дѣйствительности?“ (*Д-ръ Гольдовскій*). Для этихъ врачей потребовалось нѣсколько часовъ для разрѣшенія того, на изученіе чего мною затрачено 3—4 мѣсяца времени, а судебному слѣдователю—почти три года. Это ли не ужасъ такого врачебнаго отношенія къ ближнему, которому угрожала каторга?!

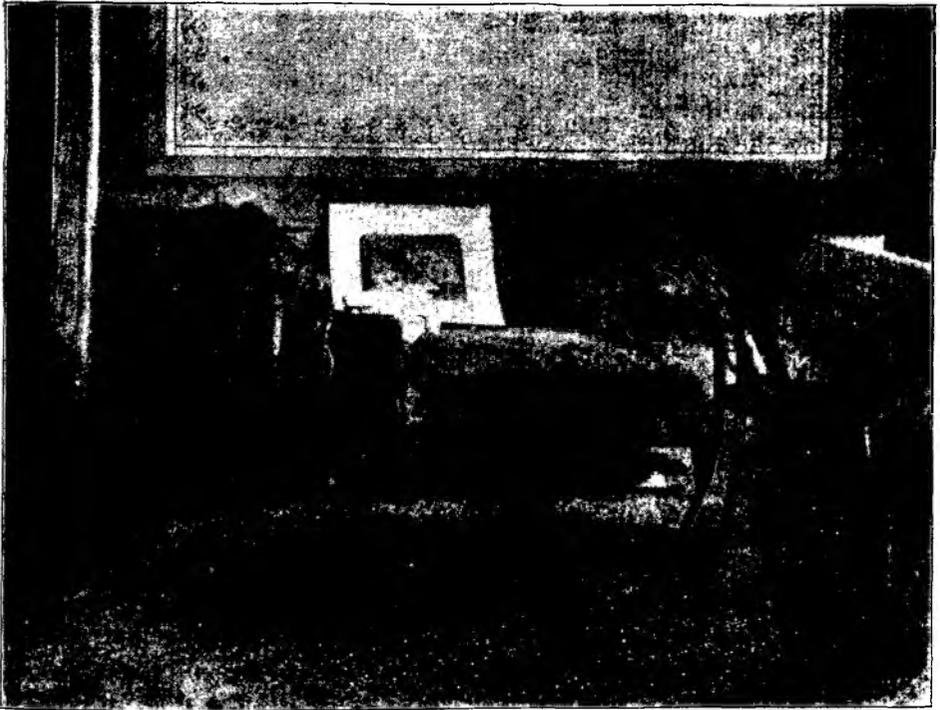
VIII.

Что потерпѣвшая лгала въ показаніяхъ своихъ о виновности и невиновности Мурада—это устанавливается съ несомнѣнною очевидностью модификаціею ея „сознаній“ и надо было лишь установить: гдѣ у нея ложь, а гдѣ правда?.. Для этого не надо было даже прибѣгать къ тѣмъ почти средне-вѣковымъ способамъ,

къ которымъ прибѣгнулъ судебный слѣдователь, допросивъ О. Н. послѣ ея видимаго чистосердечнаго сознанія въ покушеніи на самоубійство, при помощи „присяги“, когда потерпѣвшая все же условно подтвердила свое признаніе, заявивъ, что „пока утверждаю, что сама въ себя стрѣляла, но когда поправлюсь, то можетъ быть, измѣню свое показаніе“... „приду къ другому заключенію“. Если бы судебный слѣдователь вмѣсто всякаго подобнаго способа отнесся достаточно критически къ показаніямъ ординаторовъ больницы и ихъ пациентки—потерпѣвшей О. Н., даннымъ послѣ заключенія экспертовъ, то онъ, не будучи даже достаточно компетентнымъ въ врачебныхъ данныхъ, легко усмотрѣлъ бы двойственность и неправдоподобность, обнаруженныя потерпѣвшею не только въ ея противорѣчіяхъ въ сознаніи своей виновности и невиновности, но и въ другихъ вопросахъ—противорѣчія, лишеныя всякаго здраваго смысла. Можетъ ли, напри- мѣръ, выдержать какую-либо критику заявленіе ея, что она „едва успѣла закрыть рану, какъ послѣдовалъ второй выстрѣлъ... какъ-разъ возлѣ руки, которою прикрывала первую рану, образовалась вторая рана и на рукѣ... оказались слѣды пороха?.. Возможно ли допустить, чтобы потерпѣвшая въ ту трагическую для нея минуту, когда пустили ей въ лѣвый високъ двѣ пули одну за другою, а она не только не растерялась бы, но даже будто бы сосредоточила свое вниманіе на второстепенномъ обстоятельствѣ, выразившемся въ „слѣдахъ пороха“ на краѣ кисти лѣвой руки, измѣряющихся „двумя сантиметрами длины и однимъ ст. ширины“?.. Или не вызываетъ у кого-либо иронію и недовѣріе ея показаніе отъ 2-го января 1902 года о кровяныхъ брызгахъ, когда потерпѣвшая заявила судебному слѣдователю, что „...послѣ произведенныхъ Мурадомъ выстрѣловъ брызги крови изъ раны летѣли во все стороны?..“ И не странно ли этимъ путемъ по- полнять дефекты слѣдствія, когда не было установлено имъ: гдѣ находились артеріальныя брызги въ комнатѣ, въ которой произошло преступленіе, а гдѣ—веннаго происхожденія, обнаружившіяся, вслѣдствіе паденія на полъ массы крови съ высоты и разбрызгиванія части ея?..

Не обнаружилъ судебный слѣдователь критическаго анализа и въ объясненіяхъ потерпѣвшей о ея мѣстоположеніи въ то время, когда въ нее были произведены выстрѣлы, а между тѣмъ и въ этомъ вопросѣ потерпѣвшая обнаружила такую же медификацію въ показаніяхъ, какъ и въ вопросѣ виновности или невиновности Мурада. Въ послѣднемъ случаѣ она измѣняла свои показанія

четыре раза, а въ первомъ *три* количественно незначительная разница, но по существу настолько не правдоподобна, что рѣзко бросается каждому въ глаза. Въ день совершившагося преступленія она лично мнѣ заявила, что стрѣлялъ въ нее Мурадъ, когда она сидѣла „на стулѣ“, о чемъ я и заявилъ судебному слѣдователю. Заявила то же самое д-ру Ст., „что она шила на машинѣ“, когда стрѣлялъ въ нее „черкесь“. (Протоколъ 25 сентя-

Фот. А.

бря 1901 г.). То же самое подтвердила она пристава г. П., что „сидѣла около машины и шила“, когда стрѣлялъ въ нее Мурадъ (показаніе П. 22 сентября 1901 г.). Въ тотъ же день, послѣ моего ухода, потерпѣвшая уже заявила г. помощнику пристава Н., что въ нее стрѣляли, когда она сидѣла „на кушеткѣ“ и г. помощникъ пристава въ показаніи судебному слѣдователю отъ 3-го января 1903 г. заявилъ: „твердо помню, что потерпѣвшая О. К. объяснила, что въ тотъ моментъ, когда Мурадъ стрѣлялъ въ нее, она сидѣла на кушеткѣ посрединѣ ея, а Мурадъ зашелъ въ про-

межутокъ между кушеткой и окномъ (см. фотогр. А.) и изъ того мѣста стрѣлялъ въ нее. М-ме О. Н. сидѣла, по ея словамъ, лицомъ къ окну. Разстояніе между кушеткой и окномъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ, по словамъ О. Н., находился Мурадъ, когда стрѣлялъ въ нее, около аршина“... 18 февраля 1903 г. потерпѣвшая дополнительно показала, что она, во время стрѣльбы въ нее, „сидѣла на кушеткѣ нѣсколько бокомъ, такъ что лѣвая сторона лица... была обращена почти къ срединѣ комнаты, а спина—почти къ углу“ (см. фотогр. А). По мѣрѣ выясненія судебного слѣдователя вопроса о мѣстоположеніи потерпѣвшей, когда въ нее стрѣляли, она все болѣе и болѣе поворачивалась, видимо приспособлялась къ гипотезѣ экспертовъ, чтобы доказать возможность нанесенія ей усмотрѣнныхъ ранъ въ области лѣваго виска, но въ увлеченіи этого своего приспособленія потерпѣвшая и не замѣтила, какъ противорѣчила сама себѣ и какъ вмѣсто ея положенія „лицомъ къ окну“ оказались къ окну ея спина и затылокъ, а Мурадъ „стрѣлялъ въ нее“ уже не на разстояніи „около аршина“, какъ заявила О. Н. помощнику пристава, а уже на разстояніи „шагахъ въ трехъ“, какъ она же заявила 18 февраля 1903 года судебному слѣдователю. Кромѣ того О. Н. заявила, что „послѣ выстрѣла я откинулась назадъ и ударилась головою о стѣну“, и если она говорила правду, то какимъ же образомъ могли у нея обнаружиться мною усмотрѣнные 15 сентября и установленные экспертами „два параллельные пулевые каналы“ и подтвержденные проф. *Субботинымъ* 6 августа 1902 г., которые могли быть произведены двумя отдѣльными выстрѣлами только при неизмѣнномъ взаимоотношеніи направленія ствола револьвера и поверхности области раненія т.-е. при неподвижномъ положеніи раненой въ два раздѣльные момента выстрѣла?... Съ несомнѣнною очевидностью всѣ эти противорѣчія потерпѣвшей показываютъ неискренность ея, неправдоподобность и совершенную ея ложь обвиненія Мурада, какъ и свою симуляцію, поддерживаемую на протяженіи болѣе двухлѣтняго слѣдственнаго производства благопріятно слагавшимися для нея обстоятельствами... Въ дальнѣйшемъ потерпѣвшая доказываетъ, что она „не-лѣвша“, и предъявляетъ къ обвиняемому гражданскій искъ, запасаясь этимъ защитникомъ на судѣ.

Эта очевидность симуляціи потерпѣвшей О. Н. особенно ярко и реально подчеркивается наличностью установленнаго у нея на локтевомъ краѣ кисти ея лѣвой руки научнаго признака отдачи заряда произведеннаго ею выстрѣла въ упоръ, въ видѣ пороховой

копоти—въ данномъ случаѣ печати покушенія на самоубійство, о чемъ свидѣтельствуютъ имена научныхъ дѣятелей (профес. *Emmert, Hoffmann, Kasper, Косоротовъ, Нейдингъ, Оболонскій, Strassmann*), но который эксперты-врачи: д-ръ Калмыковъ и д-ръ Царуковъ въ своемъ заключеніи назвали „необъяснимымъ“, а на судѣ—„тѣнью“, ничего не говорящую и не имѣющую для нихъ никакого значенія.

IX.

Если потерпѣвшая обнаружила такую модификацію показаній о своей виновности и невиновности о мѣстоположеніи, во время выстрѣловъ, и разстоянія, на которомъ они произведены, на протяженіи такого сравнительно короткаго срока, измѣряемаго приблизительно нѣсколько болѣе, чѣмъ двумя мѣсяцами, то интересно знать, какъ же вель себя обвиняемый Мурадъ?..

Послѣ совершившагося преступленія Мурадъ заявилъ (16/ix 1901 г.), что онъ не признаетъ себя виновнымъ: „Когда барыня находилась одна въ своей спальнѣ, я вошелъ туда и спросилъ барыню, сидѣщую на кушеткѣ и ничего не дѣлавшую: нужно ли въ этой комнатѣ стирать полы? Барыня тогда стала плакать и говорить: тутъ лѣто жила стерва, пила съ бариномъ, на охоту ѣздила, пусть она тутъ стираетъ, а тебѣ она подарки давала... Здѣсь послѣ будешь стирать, иди въ коридоръ стирай. Я вышелъ. Тамъ же были у меня двѣ суконки... которыя схватила комнатная собака и унесла... въ спальню барыни, о чемъ барыня крикнула мнѣ... Минуть черезъ шесть я услышалъ два выстрѣла въ спальнѣ барыни. Я изъ коридора попробовалъ въ дверь барыни... оказалась запертою изнутри, я пошелъ въ обходъ черезъ гостиную... увидѣлъ, что чернымъ ходомъ идутъ люди... посторонніе люди, которые спросили, что тутъ такое?.. Я сказалъ—не знаю и пошелъ первымъ... къ спальнѣ барыни... я открылъ незапертую дверь и увидѣлъ барыню, стоявшую посрединѣ комнаты; лицо у нея окровавленное и кровь текла по одеждѣ... Я побѣжалъ за фельдшеромъ; тамъ я сказалъ о случившемся жандармскому вахмистру“ (на вокзалѣ).

Въ теченіе семи приблизительно мѣсяцевъ своего тюремнаго заключенія обвиняемый не измѣнялъ себѣ и отрицалъ свою виновность, заявляя, что „барыня сама себя стрѣляла“, но послѣ этого, когда и врачи-свидѣтели больницы такъ жестоко показали противъ него, и врачи-эксперты категорически высказались противъ него, и судебный слѣдователь проникся убѣжденіемъ о его виновности, а именно 17 апрѣля 1902 года, является къ слѣдователю дядя обвиняемаго Мурада, учитель Бей-С. З., который показалъ, что обвиняемый ему „извѣстенъ, какъ человекъ, не отличающійся твердостью характера и легко поддающійся постороннему вліянію, что ему извѣстно отъ отца“ обвиняемаго, что „ротмистръ“ Я. Н. и его любовница Л. подговаривали убить потерпѣвшую О. Н. ранѣе служившаго у нихъ... лакея А. Эти данныя приводятъ его, З., къ заключенію, что Мурадъ дѣйствительно покушался убить О. Н., но по подстрекательству другихъ лицъ...“ Къ этому заявленію Бей-С. З. добавилъ, какъ видно изъ протокола отъ 30 августа 1902 г., что на уговоры его обвиняемаго и просьбу его „для облегченія собственной вины чисто-сердечно сознаться“... „Мурадъ сначала не хотѣлъ сознаться, а затѣмъ сказалъ, что виноватъ, и заплакалъ“... 17-го же апрѣля 1902 года, послѣ посѣщенія Мурада въ тюрьмѣ дядею и *въ его присутствіи*, обвиняемый показалъ: когда О. Н. осталась одна въ комнатѣ, „я воспользовался этимъ случаемъ и произвелъ два выстрѣла въ барыню, когда она сидѣла на кушеткѣ... Стрѣлялъ я въ барыню въ високъ, шагахъ въ двухъ отъ нея, выстрѣлы я произвелъ одинъ вслѣдъ за другимъ“... При этомъ же подтверждаетъ, что учительница Л., находившаяся въ сожителствѣ съ ротмистромъ, подговаривала его убить за вознагражденіе и даетъ полное показаніе, клонящееся къ обвиненію себя и учительницы Л. и находящееся „въ полномъ соотвѣтствіи съ ранѣе добытыми данными“, какъ значится въ обвинительномъ актѣ.

Какъ ни великъ былъ нравственный авторитетъ дяди Бей-С. З. въ глазахъ обвиняемаго, убѣдившаго его „сознаться“, какъ ни заманчива свобода для заключеннаго въ тюрьмѣ въ теченіе семи мѣсяцевъ,—но все же вскорѣ же въ душѣ Мурада какъ будто бы обнаружился протестъ въ видѣ прошенія, что видно изъ показанія отъ 1-го августа 1902 года, въ которомъ онъ написалъ, что „сознался въ виду обѣщаній слѣдователя освободить меня за сознание...“

1-го августа 1902 года обвиняемый „дополнительно“ показалъ: „сознаніе въ томъ, что я два раза выстрѣлилъ въ О. Н. и сдѣ-

лалъ это по подстрекательству Маріи Л., сдѣлано мною по наученію нынѣ умершаго арестанта У., содержавшагося со мною въ тюрьмѣ...“ Этотъ арестантъ У. „еще въ декабрѣ 1901 года совѣтывалъ мнѣ принять вину на себя, сказать, что я стрѣлялъ по наученію учительницы Л. и ротмистра Я. Н.“ „По словамъ У., въ случаѣ сознанія, меня освободятъ, а остальныхъ арестуютъ...“ „17-го апрѣля сего года слѣдователь разрѣшилъ мнѣ свиданіе съ дядей моимъ“... „и я тогда заявилъ, что сознаюсь въ преступленіи, т.-е. что я стрѣлялъ два раза въ О. Н. по наученію“ учительницы Л... „Въ настоящее время я желаю остаться при первомъ своемъ показаніи и заявляю, что „въ О. Н. не стрѣлялъ, никто меня не подстрекалъ въ нее стрѣлять, и что на Л-ую“... *„я показала 17-го апрѣля ложно, и все показаніе, данное слѣдователю 17-го апрѣля, ложное, въ этомъ показаніи нѣтъ ни одного слова правды“.*

Мѣсяць спустя послѣ такого категорически высказаннаго протеста противъ самообвиненія и оговора учительницы Л., дядя обвиняемаго Бей-С. З. снова является (30 августа 1902 года) къ слѣдователю и ходатайствуетъ объ освобожденіи Мурада изъ тюремнаго заключенія и объ отдачѣ его „на поруки ему“, Бейу, имѣющему домъ, стоящій не менѣе 1500 руб.,—и Мурада, наконецъ, освобождаютъ „подъ расписку“ этого дяди въ суммѣ 1000 руб. отвѣтственности.

*На другой же день послѣ этого, моральное вліяніе дяди на обвиняемаго племянника выразилось тѣмъ, что обвиняемый—заявилъ: „я выстрѣлилъ два раза“ въ О. Н. и сдѣлалъ это „по наученію“ учительницы Л., подговорившей его убить О. Н., обѣщая ему заплатить за это 1000—1500 р. Подговаривала его Л. съ участіемъ какого-то жандарма Л., подготовлявшаго обвиняемаго къ совершенію преступленія. И опять-таки нисколько не выяснилъ способа нанесенія ранъ потерпѣвшей, который согласовался бы съ объективными данными обстановки комнаты и расположенія кровяныхъ артеріальныхъ брызгъ, а далъ показаніе, что стрѣлялъ на разстояніи двухъ приблизительно шаговъ, однимъ „выстрѣломъ вслѣдъ за другимъ“, подтверждая этою *физическою невозможностью* воспроизвести на подобномъ разстояніи „раны въ упоръ“, не говоря уже о другихъ противорѣчіяхъ, и этимъ доказываетъ ложность своего сознанія и невиновность учительницы Л., *въ теченіе всего болѣе двухлѣтняго слѣдственнаго производства отрицавшую свою виновность въ преступленіи.* Своимъ самообвиненіемъ Мурадъ таянулъ за собою въ пропасть врага и соперницу*

потерпѣвшей О. Н. и реабилитировать послѣднюю передъ судомъ, свою дочь и обществомъ—въ завѣдомо ложномъ обвиненіи невинныхъ людей.

Если въ основѣ симуляціи потерпѣвшей мотивомъ были чувство ревности и мести къ ея соперницѣ обвиняемой Л., то чѣмъ же возможно объяснить ложность показанія Мурада, на которомъ онъ послѣ пережитыхъ душевныхъ колебаній въ концѣ-концовъ остановился?.. Принявъ во вниманіе общественное и матеріальное положеніе потерпѣвшей О. Н., когда, по показанію свидѣтеля Ш., она получила отъ мужа 31.000 р. и ничтожное общественное и нищенское матеріальное положеніе 17-тилѣтняго „полудикаря“ обвиняемаго Мурада, когда противъ послѣдняго сплотились въ обвиненіи такія силы, какъ озлобленная потерпѣвшая О. Н., неосвѣдомленные въ элементарныхъ научныхъ данныхъ и ослѣпленные чувствомъ увлеченія врачи-свидѣтели, предрѣшившіе заранѣе виновность обвиняемаго и также ослѣпленные чувствами свидѣтели-эксперты больницы и, наконецъ, введенный въ заблужденіе этими врачами представитель судебного слѣдствія,—то каждый пойметъ всю страшную моральную и физическую (тюрьма) силу, противъ которой бороться за свою невинность неразвитому бѣдняку было почти невозможно. Эта страшная сила въ лицѣ указанныхъ элементовъ въ уголовномъ процессѣ способна сломать силу воли не только физически и нравственно несформировавшагося юноши-обвиняемаго, но и людей зрѣлаго возраста съ установившимся болѣе сильнымъ характеромъ, когда умъ и воля невиннаго въ преступленіи парализуются чувствомъ ужаса, а душа деморализуется чувствомъ отчаянія, способныхъ толкнуть человѣка и на самоубійство. Надо только вдуматься въ положеніе невинно-заподозрѣннаго подслѣдственнаго арестанта Мурада, что переживалъ онъ, томясь почти въ теченіе года тюремнымъ заключеніемъ, окруженный циничною и озлобленною средою арестантовъ и каторжниковъ, при зловонной и грязной тюремной обстановкѣ, при недостаточности питанія, жестокости незаслуженнаго обвиненія, при темной и грозной тучѣ нависшихъ надъ нимъ уликъ и томительной неизвѣстности будущаго?.. Если при всемъ этомъ обвиняемый не имѣлъ ни слова утѣшенія, ни участія, ни нравственной поддержки окружающихъ, то не одну, вѣроятно, бессонную ночь провелъ Мурадъ, неожиданно брошенный въ тюрьму, благодаря лишь самоиніцію въ непогрѣшимости своей д-ра П., высказавшаго легкомысленно на мѣсть преступленія мнѣніе о несомнѣнности покушенія на убійство,—

не одну бессонную ночь съ открытыми и полными ужаса глазами лежалъ Мурадъ, находясь быть можетъ на границѣ сумасшествия. Въ такомъ положеніи человекъ способенъ легко дойти до отчаянія, ища выхода изъ создавшагося положенія не только въ сознательной лжи и ложномъ самообвиненіи, въ надеждѣ на помилованіе или смягченіе наказанія, но и въ готовности посягнуть на свою собственную жизнь. Мы привели въ началѣ нашего настоящаго труда изъ судебной казуистики подобныя примѣры ложнаго сознанія изъ дѣйствительной жизни, о чемъ намъ удостовѣряютъ и такіе авторитеты, какъ *А. О. Кони*, а потому нельзя отрицать и недовѣрчиво относиться къ тому, что чувство отчаянія и страхъ незаслуженнаго наказанія въ числѣ внутреннихъ мотивовъ къ ложному сознанію могли руководить невинно-обвиняемаго Мурада.

Но, помимо сказаннаго, изученіе матеріала предварительнаго слѣдствія даетъ основаніе признать, что обвиняемый пришелъ къ сознанію необходимости искать спасеніе путемъ сознательной лжи не самостоятельно, а подѣ влияніемъ родныхъ и близкихъ ему людей.

Въ послѣднемъ убѣждаетъ критическій анализъ и юридическая оцѣнка психологіи поведенія обвиняемаго Мурада отъ начала его ареста, когда онъ отрицалъ свою виновность, находясь въ изолированномъ положеніи въ тюрьмѣ отъ внѣшняго влияния его родныхъ, въ теченіе семимѣсячнаго заключенія настаивая на томъ, что „барыня сама стрѣляла въ себя“; но съ первымъ же посѣщеніемъ его въ тюрьмѣ дядею и бывшимъ его сельскимъ учителемъ Бей-С. З., въ день 17 апрѣля 1902 г., Мурадъ „сознается“ въ покушеніи на убійство потерпѣвшей О. Н. и оговариваетъ обвиняемую учительницу въ томъ, что совершилъ это преступленіе по ея подговору и обѣщанію заплатить ему за это 1000 руб. Такому признанію своей виновности Мурада предшествовало свиданіе его съ дядею и уговоръ послѣдняго, указавшаго обвиняемому племяннику его безвыходное положеніе, выгоду его признанія себя виновнымъ и мотивъ снисхожденія къ нему судей и слѣдователя, а слѣдовательно и смягченіе наказанія, а быть можетъ и помилованіе. Послѣднее находитъ подтвержденіе въ показаніи самого дяди Бей-С. З., отъ 30 августа 1902 г., когда онъ заявилъ: „17 апрѣля 1902 г. съ разрѣшенія судебного слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ я имѣлъ свиданіе съ племянникомъ своимъ... я спросилъ его по поводу совершеннаго имъ преступленія, вполнѣ допуская возможность, что „онъ могъ со-

вершить это преступленіе, *но не самъ, а по наученію другихъ*, такъ такъ М. мнѣ извѣстенъ за человѣка *слабовольнаго, податливаго характера и могъ подпасть подъ чужое вліяніе...* высказавъ Мураду свои соображенія объ этомъ, просилъ его для облегченія собственной вины чистосердечно *сознаться...* Мурадъ сначала не хотѣлъ *сознаться, а затѣмъ* сказалъ, что виноватъ, и заплакалъ, я далъ ему время успокоиться, а затѣмъ *судебный слѣдователь при мнѣ началъ допрашивать его, Мурада*, предложивъ ему добровольно (?) рассказать по чистой совести (?)¹⁾... Этими словами Бея-С. З. не только подтверждается нами высказанное о немъ, но и устанавливается значеніе его моральнаго вліянія на своего племянника и ученика, оцѣненное настолько самимъ судебнымъ слѣдователемъ, что онъ даже *допрашивалъ 17 апрѣля 1902 г. „сознающагося“ обвиняемаго въ присутствіи этого же свидѣтеля-дяди*, вѣроятно, изъ опасенія, что съ отбѣздомъ его это моральное вліяніе исчезнетъ, и *обвиняемый* не пожелаетъ „сознаться“ въ томъ, что такъ было желательно этому замѣчательному судебному слѣдователю. Опасенія послѣдняго съ отбѣздомъ дяди-педагога немедленно же подтвердились, такъ какъ Мурадъ вскорѣ же подалъ заявленіе этому представителю правосудія, въ которомъ отказался отъ своего „сознанія“, назвавъ его ложнымъ, и указалъ на мотивъ этого ложнаго сознанія, что оно было *слѣдствіемъ обіщанія судебного слѣдователя освободить его изъ тюрьмы*. Этотъ афронтъ или неудача, вѣроятно, смутила обоихъ допрашивавшихъ Мурада: и судебного слѣдователя, и свидѣтеля Бея-С. З. настолько, что послѣдній вновь пріѣхалъ за сотни верстъ 27 апрѣля и, какъ видно изъ слѣдствія, началъ хлопотать о взятіи на-поруки Мурада и объ освобожденіи его изъ тюрьмы, а послѣдній три съ лишнимъ мѣсяца спустя послѣ своего „сознанія“, опротестованнаго затѣмъ и названнаго „ложнымъ“, не только не подтвердилъ этого сознанія, но вновь 1 августа назвалъ его „ложнымъ“, прибавивъ, что въ его показаніи „нѣтъ ни одного слова правды“. Мѣсяць спустя послѣ этого дядя Бей-С. З. вновь пріѣзжалъ 30 августа 1902 г. за сотни верстъ къ судебному слѣдователю, предварительно *взявъ* копію постановленія объ освобожденіи Мурада изъ тюрьмы на-поруки и удалился, вѣроятно, для предварительнаго свиданія съ обвиняемымъ и для торга съ нимъ обіщаніемъ свободы за „сознаніе“—свободы, судебный актъ на которую имѣлся уже въ рукахъ дяди-

¹⁾ Курсивъ и знаки моп.

педагога. Моральное вліяніе послѣдняго и обѣщанная свобода восторжествовали надъ томящимся около года въ тюрьмѣ невиннымъ юношею „полудикаремъ“, согласившимся окончательно купить свободу ложнымъ сознаниемъ чуждаго для него преступленія и оговоромъ обвиняемой Л., столь ненавистной для симулировавшей потерпѣвшей О. Н. и въ интересахъ которой, по существу самого дѣла, только и могъ Мурадъ оклеветать обвиняемую Л., что и сдѣлалъ онъ *на другой же день* посѣщенія судебного слѣдователя дядею, а именно 31 августа того же года.

Приведенными данными судебного слѣдствія съ точностью, можно сказать, часового механизма устанавливается, по времени приѣзда и отъѣзда дяди-учителя Бея-С. З., измѣненія „сознанія“ обвиняемаго въ отрицаніе его, какъ устанавливаются за сотни верстъ приѣзды и отъѣзды сельскаго учителя Бея-С. З. съ его матеріальною необезпеченностью и цензъ котораго опредѣлился, по даннымъ судебного слѣдствія, имуществомъ — домомъ, оцененнымъ въ 1000—1500 руб., поѣздки, требовавшія изрядныхъ расходовъ, которые должны же были окупаться. Эти поѣздки и сопряженные съ ними расходы невольно вызываютъ вопросъ: откуда, зачѣмъ и почему?.. Во всякомъ случаѣ онѣ указываютъ на заинтересованность Бея-С. З. въ сознаниі Мурада въ чуждомъ для него преступленіи — сознаниі, необходимомъ лишь для потерпѣвшей О. Н., которая этимъ полагала окончательно реабилитировать себя передъ своею единственною дочерью, представителемъ предварительнаго слѣдствія и общественнымъ мнѣніемъ, а оговоръ Мурада обвиняемой Л. давалъ удовлетвореніе чувству ея мести за все въ прошломъ, пережитомъ потерпѣвшею, когда ея семейная жизнь была разбита обвиняемою. Отсюда и установившаяся *тѣсная связь симуляцій съ ложнымъ сознаниемъ*, которую они тѣсно и дружно сплелись по пути дальнѣйшаго развитія предварительнаго слѣдствія до окончанія самого процесса на судѣ — связь, созданная не моральнымъ взаимоотношеніемъ, а чисто внѣшнимъ торгомъ.

Всякая чистосердечность сознанія Мурада исключается не только вышеизложеннымъ врачебнымъ изслѣдованіемъ и ходомъ психологіи его сознанія и критическимъ его анализомъ, но и опредѣленіемъ его юридическаго значенія словами криминалиста А. Ѳ. Кони, которыя позволяю себѣ въ выдержкахъ здѣсь привести: „Свидѣтельство подсудимаго является всегда безкорыстнымъ. Онъ можетъ быть подвигнутъ тѣми и другими событіями своей жизни, чтобы представить обстоятельства дѣла не въ на-

стоящемъ свѣтѣ. Онъ имѣетъ обыкновенно совершенно постороння цѣли отъ тѣхъ, которыми задается судъ. Поэтому идти за подсудимымъ по тому пути, по которому онъ ведетъ насъ своимъ сознаниемъ, было бы большою неосторожностью, даже въ виду собственныхъ интересовъ подсудимаго...“ Это сознание требуетъ всегда провѣрки обстоятельствами, добытыми независимо отъ разъясненій обвиняемаго, путемъ сопоставленія, взвѣшиванія и разсматриванія съ точки зрѣнія жизненной правды — и рядомъ предположеній приходитъ къ выводу, *что* должно произойти, и затѣмъ уже сравнить этотъ выводъ съ сознаниемъ подсудимаго¹⁾. Собственное сознание имѣетъ значеніе, если оно дано безъ принужденія, нравственнаго или физическаго, или если нельзя заподозрить, что признающійся сознательно, въ видѣ какихъ-либо великодушныхъ порывовъ, губить себя и приносить себя въ жертву, или, наоборотъ — торгуется съ судомъ и сознаниемъ въ меньшей винѣ старается купить о большей винѣ²⁾. Кромѣ сказаннаго, всякое свидѣтельское показаніе, по мнѣнію того же А. О. Кони, должно быть получено „въ такомъ видѣ и такой обстановкѣ, которая устраняла бы мысль о его поддѣлкѣ или о полученіи его вымогательствомъ“, какъ и при условіи отсутствія нравственнаго воздѣйствія и психическаго принужденія, что категорически воспрещаетъ и законъ (ст. 405 У. У. С.), и допросъ долженъ производиться „безъ всякой тѣни стремленія добиться того или другого результата“³⁾.

Всѣ эти дискредитирующія юридическія данныя чистосердечность „сознанія“ Мурада имѣются въ предварительномъ слѣдствіи, ибо кто можетъ отрицать, что предшествовавшее этому сознанію почти годичное тюремное заключеніе „полудикаря“ — юноши-обвиняемаго, немедленно освобожденнаго послѣ признанія имъ вины за собою, не имѣетъ вида и значенія физическаго принужденія?.. Кто можетъ отрицать, что заявленіе, отъ котораго хотя и отказался впоследствии Мурадъ, но тѣмъ не менѣе оно имѣется въ дѣлѣ, что судебный слѣдователь обѣщаль ему свободу за сознание, не имѣетъ вида торга и вымогательства?.. У кого не явится мысль о поддѣлкѣ и „психическомъ принужденіи“, имѣющей видъ „вымогательства“, когда мы читаемъ о

¹⁾ А. О. Кони. Обвинительныя рѣчи. С.П.Б. 1887 г., стр. 153—154.

²⁾ А. О. Кони. Обвинительныя рѣчи. С.П.Б. 1887 г., стр. 453—454.

³⁾ А. О. Кони. Свидѣтели на судѣ. Проблемы психологіи. Москва, в. I, ред.-изд. И. П. Холчевъ, стр. 109.

признаніи, данномъ со слезами Мурадомъ, его дядѣ, и о послѣдующемъ допросѣ слѣдователемъ обвиняемаго *совмѣстно* съ этимъ сомнительной нравственности учителемъ?.. У кого не составитъ мнѣнія о торгѣ и куплѣ за свободу „сознанія“ при чтеніи слѣдственнаго матеріала, когда выясняется обстоятельство, что, послѣ предшествовавшихъ признаній и отказовъ въ своей виновности, Мурадъ, наконецъ, окончательно принялъ на себя 31 августа 1902 года преступленіе *на другой же день послѣ врученнаго (30 августа 1902 г.) слѣдователемъ дяди Бюю-С. З. постановленія объ освобожденіи изъ тюрьмы обвиняемаго* въ то время, когда мѣсяць тому назадъ (1 августа 1902 г.) это принятое „сознаніе“ обвиняемый называлъ „ложнымъ“ и что въ немъ „нѣтъ ни одного слова правды“... Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ судебного слѣдователя и прокуратуры явно обнаруживается нарушеніе закона, который (ст. 405 У. У. С.) категорически воспрещаетъ нравственное и психическое принужденіе допрашиваемаго, допросъ котораго, по словамъ *А. Э. Кони*, долженъ производиться „безъ всякой тѣни стремленія добиться того или другого результата“.

Но добившись столь желательнаго „сознанія“ обвиняемаго этими приемами, судебный слѣдователь и въ дальнѣйшемъ пошелъ по ложному пути за подсудимымъ, отъ чего предупреждаетъ тотъ же представитель уголовного права, обращая вниманіе на „неосторожность“ идти за подсудимымъ для отысканія судебной истины, на постоянную „небезкорыстность“ свидѣтельства подсудимаго, на необходимость самостоятельнаго и независимаго отъ послѣдняго изслѣдованія истины и тщательной путемъ сопоставленій, „взвѣшиванія и разсматриванія съ точки зрѣнія жизненной правды“ провѣрки этого сознанія давать ему ту или другую нравственную и юридическую оцѣнку. Но въ данномъ случаѣ, потерявъ, вслѣдствіе вышеуказанныхъ судебно-врачебныхъ упущеній, возможность самостоятельно ориентироваться въ дѣлѣ изслѣдованія судебной правды, представитель предварительнаго слѣдствія сталъ слѣпымъ, какъ и въ отношеніи врачей больницы, юридическая порочность показаній которыхъ нами выше установлена, пошелъ за обвиняемымъ, представшимъ уже въ роли защитника чистосердечности своего „сознанія“ и лжеобличителя обвиняемой Л., за счетъ которой онъ только и могъ доказывать такому слѣдователю свою чистосердечность, не доказавъ которую онъ рисковалъ вновь быть заключеннымъ въ тюрьму, окончательно уже лишившись надежды на снисхожденіе суда и присяжныхъ, ибо стала бы клевета противъ обвиняемой Л. яв-
6
симмуляция.

ною, а слѣдовательно и жестоко наказанною безо всякой уже надежды на снисхожденіе и помилованіе.

Вогь въ это-то время находженія на свободѣ, на-порукахъ и наблюденія дяди Бея-С. З. Мурадъ и избралъ примитивный, доступный для него путь доказательства его чистосердечности — путь косвенныхъ уликъ и свидѣтельскихъ показаній, когда онъ приобрѣлъ и особенное довѣріе судебного слѣдователя, и когда появились письма съ „искаженнымъ почеркомъ“, удостовѣрившія будто бы его переписку съ обвиняемою Л., но не признанныя экспертами за ея письма, такъ какъ послѣдніе категорически заявили, что „сказать съ увѣренностью, что записка и конвертъ написаны Маріей Л. *нельзя*...“ Появилась неожиданно въ это же время въ союзѣ съ Мурадомъ и такая темная личность, какъ бывшій тюремный надзиратель К., который неожиданно появился, уже подъ конецъ заканчивавшагося слѣдствія 25 февраля 1903 г. и заявилъ судебному слѣдователю, что онъ послѣ освобожденія изъ тюрьмы обвиняемой Л. „вступилъ съ нею въ половую связь“, которая призналась ему въ своей виновности въ подговорѣ Мурада на убійство потерпѣвшей О. Н., которая ходила къ нему на свиданія на его квартиру, у которой этотъ „достовѣрный лжесвидѣтель“ вынималъ изъ кармана кофты уличающую обвиняемую переписку съ Мурадомъ и, по уполномочію которой, получалъ заказное письмо на ея имя отъ Мурада — переписка, удостовѣряемая только однимъ Мурадомъ и доставляемая аккуратно судебному слѣдователю. Но всѣ эти заявленія были только убѣдительны для одного судебного слѣдователя, несмотря на ихъ явно шантажный характеръ, такъ какъ никѣмъ и ничѣмъ они не подтверждены, ибо квартирныя хозяева К. подтвердили, что къ К. „часто ходила *какая-то* женщина въ шляпѣ и кофтѣ, но въ лицо они ее не рассмотрѣли и кто она такая *не знаютъ*“ (обвинит. актъ). Сама-же личность свидѣтеля К., подходящаго къ типу, по выраженію *А. О. Кони*, „достовѣрнаго лжесвидѣтеля“, охарактеризована свидѣтелями: помощникомъ пристава Б., свидѣтельницею В. и смотрительницею тюрьмы А., которые заявили на судѣ, что К. „былъ удаленъ за что-то нехорошее“, „что онъ приставалъ къ обвиняемой и требовалъ съ нея деньги... грозя въ противномъ случаѣ погубить ее“, что онъ являлся къ обвиняемой и „требовалъ 3000 руб., а то грозилъ представить какія-то письма“, на что обвиняемая Л. заявила: „уходите отсюда...“, что когда обвиняемая находилась въ тюрьмѣ, гдѣ въ то время служилъ К. тюремнымъ надзирателемъ, то послѣдній

преслѣдоваль обвиняемую ухаживаніями, при чемъ послѣдняя кричала: „уберите этого мерзавца“¹⁾. Представитель же обвиненія г. прокуроръ такъ охарактеризоваль этого свидѣтеля К.: „Къ показанію этого свидѣтеля я подхожу съ крайней осторожностью. Слишкомъ много грязи окружаетъ имя г-жи Л..., чтобы повѣрить еще тому, о чемъ такъ свободно говорилъ здѣсь К.“²⁾, явно обнаруживъ этими словами моральное безгливое къ этому свидѣтелю отношеніе и свое явное недовѣріе. Обстоятельство же полученія Мурадомъ письма и 25 р. отъ обвиняемой Л. свидѣтель Магометъ М. не „вполнѣ подтвердилъ“, какъ сказано въ обвинительномъ актѣ, а наоборотъ, какъ выяснилось изъ нашей справки съ показаніемъ этого свидѣтеля отъ 28 ноября 1903 года, *опровергнулъ*, ибо на предъявленное это неподписанное съ „искаженнымъ почеркомъ“ письмо и на вопросъ слѣдователя: „кто писалъ это письмо“—Магометъ М. категорически отвѣтилъ: „я не знаю“.

Невыясненными оказались слѣдствіемъ и игнорированные имъ важные вопросы, уличающіе обвиняемаго Мурада въ ложности его самообвиненія: какимъ образомъ онъ могъ, стрѣляя изъ револьвера на разстояніи „двухъ шаговъ“, обнаружить поразившую меня и обратившую вниманіе на себя *проф. Субботина* (показ. 6 авг. 1902 г.) мѣткость стрѣльбы, когда двѣ пули попали „почти въ одно и то же мѣсто“, а раненая сохраняла въ это время свое сознаніе?.. Какимъ образомъ Мурадъ могъ двумя раздѣльными выстрѣлами изъ револьвера „одинъ вслѣдъ за другимъ“ произвести двѣ раны въ области лѣваго виска потерпѣвшей, почти тождественныя и съ двумя параллельными пулевыми каналами, какъ установлено экспертами, произведенными, слѣдовательно, подъ однимъ и тѣмъ же угломъ и при условіи сохраненія сознанія потерпѣвшей, а слѣдовательно и чувства ея само-сохраненія?.. Какъ могъ Мурадъ на разстояніи одного, а тѣмъ болѣе двухъ шаговъ нанести двѣ раны съ почти одинаковыми радіусами 2—2,5 круга расположившихся и вѣдрившихся въ кожу порошинъ негорѣвшаго пороха, когда наши опыты съ выстрѣлами и наука установила для такихъ ранъ разстояніе выстрѣла, равное приблизительно 5 стм.?.. Какимъ образомъ можно объяснить параллелизмъ и направленіе „спаружи внутрь, сверху внизъ и сзади напередъ“ пулевыхъ каналовъ отъ про-

1) „Южнѣй Телеграфъ“ отъ 19 декабря 1904 г. Отчетъ судебного засѣданія.

2) Ibid. Отъ 21 декабря 1904 г.

изведенныхъ выстрѣловъ, сопоставивъ ихъ объясненіе съ объективными данными обстановки комнаты и съ артеріальными брызгами на стѣнѣ надъ кушеткою?.. И могъ ли создаться этотъ параллелизмъ пулевыхъ каналовъ, когда потерпѣвшая заявила, что послѣ перваго выстрѣла она „откинулась головою“ къ стѣнѣ, а слѣдовательно измѣнила соотношеніе при первомъ выстрѣлѣ поверхности раненой области и направленія выстрѣла?.. На всѣ эти вопросы Мурадъ *не могъ* отвѣтить, ибо онъ „*сознался*“ въ *физически невозможномъ дѣйствіи*.

Наконецъ, если при всемъ сказанномъ о „сознаніи“ Мурада пріймемъ еще во вниманіе наличность у потерпѣвшей О. Н. научнаго признака покушенія ея на самоубійство въ видѣ пороховой несмываемой копоти на локтевомъ краѣ ея лѣвой руки, свидѣтельствующей въ данномъ случаѣ о самоубійствѣ рядомъ научныхъ авторитетовъ (профес. *Emmert, Hoffmann, Kasper, Kocorotow, Нейдинъ, Оболонскій, Strassmann* и другіе), то очевидность ложности сознанія, какъ и доказанной нами симуляціи потерпѣвшей станутъ внѣ всякаго сомнѣнія.

Х.

На пятый день послѣ поступленія въ больницу, а именно 19 сентября 1901 г. потерпѣвшая, по собственному побужденію, до заключенія экспертовъ, чистосердечно, видимо, созналась въ своей виновности покушенія на самоубійство, указавъ, какъ на мотивъ, на безотчетную тоску; озаботилась на случай ея смерти передать „сундукъ со всемъ, что въ немъ есть... дочери“ и заявила, что „Мурадъ не стрѣлялъ“ и „ему не было основанія стрѣлять“. Искренность этого сознанія была заподозрѣна, и судебный слѣдователь не нашелъ иного способа провѣрить его чистосердечность, какъ только примѣнить допросъ изв-подъ присяги, не предупреждая потерпѣвшую объ этомъ, не испрашивая ея согласія, а помимо ея желанія и воли. Иначе говоря, примѣнилъ видъ навілія или религіозно-нравственнаго воздѣйствія, составляющаго видъ психическаго принужденія (*А. Э. Коши*), и этимъ самымъ напомнилъ намъ отдаленное время, „когда для полученія собствен-

наго сознанія... примѣнялась пытка и дѣло рѣшалось не совѣстью судьи, а физическою выносливостью подвергаемаго пыткѣ“¹⁾.

Что показаніе изъ-подъ присяги 27 сентября исходило изъ собственнаго побужденія потерпѣвшей, что она была далека отъ мысли приносить клятву или исповѣдываться передъ Евангеліемъ и Крестомъ,—это съ очевидностью устанавливается условностью ея показанія и словами: „Я пока утверждаю.. что сама въ себя стрѣляла, такъ мнѣ теперь кажется, можетъ быть я выздоровѣю и прійду тогда къ другому заключенію...“ Но помимо этого устанавливается не только нравственно-религіозное насиліе надъ несчастною, по нашему мнѣнію, нервно-больною (показ. д-ра Васильева) потерпѣвшею, но и введеніе ея въ заблужденіе слѣдователемъ. Устанавливается это ея отвѣтомъ на судѣ на вопросъ г. предсѣдателя: „Я думала сначала, что священникъ пришелъ напутствовать, и вотъ думала, что мнѣ уже такъ плохо, и я умру все равно, я для дочери рѣшила сказать неправду“²⁾. Этими словами: „я думала сначала“, т.-е. предполагала, потерпѣвшая подтверждаетъ, что она не знала, что она была введена судебнымъ слѣдователемъ въ заблужденіе, а самимъ фактомъ подобнаго насилія устанавливается нарушеніе закона представителемъ правосудія (ст. 405 У. У. С.), категорически воспрепятствующаго нравственное и психическое принужденіе допрашиваемаго и—завѣтъ А. О. Кони, что допросъ долженъ производиться „безъ всякой тѣни стремленія добиться того или другого результата“. Благодаря всѣмъ такимъ способамъ насилія и моральному вліянію врачей больницы, потерпѣвшая оставила путь раскаянія и вновь избрала путь обмана и клеветы на Мурада, давъ черезъ два мѣсяца показаніе (27 ноября), начинающееся словами: „помня принятую присягу“ и въ которомъ вновь обвиняетъ Мурада въ его покушеніи на убійство. Допустивъ въ этомъ допросѣ, черезъ два мѣсяца послѣ присяги, выраженіе: „помня принятую присягу“, судебный слѣдователь *заставилъ больную женщину дать два противоположныя показанія по внѣшнему виду изъ-подъ одной и той же присяги*, обнаруживъ этимъ не только насиліе экспериментатора надъ психикою потерпѣвшей, но и свою профанацію и насиліе надъ чувствомъ религіозности и самимъ религіознымъ обрядомъ.

¹⁾ А. О. Кони. Свидѣтели на судѣ. Проблемы психологіи. Москва. Вып. I, ред.-изд. И. Н. Холчевъ, стр. 106—107.

²⁾ „Южный Телеграфъ“. Отчетъ судебныхъ засѣданій отъ 21-го декабря 1904 года.

Юридическая оцѣнка, по мнѣнію *А. О. Кони*, нравственной чистоты всякаго свидѣтельскаго показанія и сознанія опредѣляется тѣмъ, чтобы они были получены „въ такомъ видѣ и такой обстановкѣ, которая устраняла бы мысль о его поддѣлкѣ или о полученіи его вымогательствомъ“, и съ этой точки зрѣнія полученные судебнымъ слѣдователемъ два „сознанія“ потерпѣвшей 27 сентября и 27 ноября какъ бы изъ-подъ одной и той же присяги, но, по своему внутреннему содержанию и по своей обстановкѣ ихъ полученія, діаметрально противоположныя, а потому совершенно дискредитируются, какъ полученные явнымъ вымогательствомъ, въ смыслѣ психическаго, на почвѣ религіознаго чувства, принужденія. 27 сентября эта несчастная потерпѣвшая больная, только что облегчившая 19 сентября отягченную свою совѣсть раскаяніемъ и сознаніемъ своей виновности, подвергается изъ-подъ присяги, къ которой она была совершенно неподготовлена, принужденному допросу, чѣмъ удостоверяется недовѣріе къ ея искренности слѣдователя и оскорбляется ея нравственное чувство: ее какъ бы принуждаютъ сказать желаему ю неправду—иначе подвергаютъ нравственной пыткѣ, вызывая ея невольный протестъ словами:... „мнѣ такъ тяжело отвѣчать на ваши вопросы, за что мнѣ такое наказаніе?..“ (Протоколъ 27 сентября 1901 г.).

Какъ въ отношеніи невиннаго Мурада, выпужденнаго вымогательствомъ дать ложное сознаніе, а затѣмъ доказывать, что его ложь—не ложь, а суцая правда, вслѣдствіе чего и обогатилось предвзятительное слѣдствіе письмами „съ искаженнымъ почеркомъ“ и „достоверными лжесвидѣтелями“, явившимися тѣми юридическими данными, на которыхъ ссылалась и опиралась прокуратура въ своемъ обвинительномъ актѣ, такъ и въ отношеніи потерпѣвшей *О. Н.*, стремившейся раскаяніемъ облегчить свою отягченную совѣсть, но соблазненной безотвѣтственностью своей симуляціи стать вновь на путь лжи, обмана и клеветы,—судебный слѣдователь примѣнилъ тотъ же методъ: принудилъ ее стать на ложный путь, а затѣмъ заставилъ доказывать, что она въ своемъ обвиненіи Мурада не лжетъ!.. Какимъ же образомъ она могла доказать, что она не лгала, когда на самомъ дѣлѣ лгала и клеветала?.. Она могла убѣдить этого представителя правосудія только желаемымъ для него сознаніемъ Мурада, что одновременно будто бы доказывало бы правильность пути слѣдствія, а также доказывало бы, что гипотеза врачей больницы не есть фикція, а суцая дѣйствительность, что дѣйствительно „въ нее стрѣляли съ цѣлью убить“ (скорбный листъ отъ 16 сентября 1901 г.) „сзади напередъ“

и какъ неосновательно полагала она и врачи — творцы этой гипотезы, что этимъ коварнымъ выстрѣломъ будто бы „сзади напередъ“ исключался вопросъ о покушеніи ея на самоубійство и неопровержимо будто бы устанавливался фактъ покушенія на убійство. Потребовался въ виду этого такой авторитетъ, которому невозможно было бы не вѣрить, и который подтвердилъ бы своимъ словомъ и именемъ, что дѣйствительно стрѣляли въ потерпѣвшую не въ перпендикулярномъ направленіи выстрѣла, а „сзади напередъ“.

Среди всѣхъ нашихъ извѣстныхъ хирурговъ выборъ палъ на проф. *Субботина*, у котораго когда-то былъ ассистентомъ д-ръ П., предрѣшившій виновность Мурада, въ отсутствіи экспертовъ (15 сент.) совместно съ д-мъ Кр. и въ отсутствіи судебного слѣдователя подготовившій описаніемъ и осмотромъ ранъ врачебныя данныя для гипотезы, самъ же создавшій на этихъ данныхъ невѣроятную гипотезу и самъ же, вѣроятно, указавшій своей пациенткѣ - симулянткѣ имя этого профессора, отъ котораго желательно было бы получить мнѣніе о направленіи выстрѣловъ и пулевыхъ каналовъ „сзади напередъ“. Къ этому бывшему учителю д-ра П. проф. *Субботину* и обратилась потерпѣвшая въ Пятигорскѣ и лѣчилась, а по окончаніи лѣченія явился къ нему судебный слѣдователь для допроса, при чемъ 6 августа 1902 г. проф. *Субботинъ* заявилъ, что потерпѣвшая О. Н. лѣчилась у него „съ 13 іюня и до конца іюля 1902 г.“, при чемъ онъ „*констатировалъ у нея* одну рану въ области скуловой части, проникающую въ Гайморовую полость. Рана эта была окружена инкрустациями пороха, кромѣ того у О. Н. имѣлся еще рубецъ въ височной области, овальной формы съ линейнымъ удлиненіемъ... Рубецъ этотъ неподвиженъ... Направленіе раны указываетъ на то, что пуля проникла въ глубину *въ перпендикулярномъ къ поверхности кожи направленіи. Такого же направленіе и нижней раны* (въ скуловой области), на что указываетъ *прямое проникновеніе* ея въ Гайморову область. Такого рода раны легче объяснить, что они произведены были выстрѣлами постороннею рукою. *При самоубійствѣ такія раны могли быть произведены послѣ предварительной подготовки къ выстрѣламъ. Кромѣ подготовки самоубійца долженъ былъ бы обладать большою силою воли для произведенія двухъ выстрѣловъ совершенно одинаковаго направленія и почти въ одно и то же мѣсто...*“ Надо себѣ представить огорченіе всей группы врачей больницы и покровительствуемой ими потерпѣвшей, когда они узнали это заключеніе ими же, вѣро-

ятно, указаннаго авторитета, подчеркнутыми мною словами котораго подтверждались мои личныя наблюденія и категорически опровергалось ими же установленное направленіе „сзади напередъ“ выстрѣловъ, да еще и допускалась возможность покушенія на самоубійство!.. Это же направленіе „сзади напередъ“ выстрѣловъ было опровергаемо и показаніями д-въ *Арсеньева* и *Моргулиса*, которые, принявъ во вниманіе распредѣленіе *въ видѣ круга* вѣд-дрившихся въ кожу порошинъ, дали заключеніе также, что выстрѣлы произведены были въ перпендикулярномъ направленіи (1-го февраля 1903 г.).

Направленіе пулевого канала, какъ извѣстно, не всегда соотвѣтствуетъ направленію выстрѣловъ и принимаетъ иногда разнообразное направленіе въ зависимости отъ угла вхожденія пули, отъ упругости костей тѣла, лежащихъ на пути ея и пр. (проф. *Hoffmann*, *Emmert* и др.), а потому и опредѣлять направленіе выстрѣловъ необходимо, руководствуясь клиническою картиною огнестрѣльныхъ ранъ *въ уторѣ*, а не пулевымъ каналомъ. Д-ра П. и Кр. сами же установили описаніемъ ранъ, что были „кругъ“ и „полукругъ порошинъ“, при чемъ послѣдній дополненіемъ, по ихъ мнѣнію, копоти или порошинъ на кисти лѣвой руки потерпѣвшей также превращался въ кругъ концентрически распредѣлившихся порошинъ вокругъ пулевой ранки, что доказываетъ, съ точки зрѣнія судебной медицины (проф. *Hoffmann* и др.), что выстрѣлы были произведены въ перпендикулярномъ направленіи. Но, несмотря на это, эксперты, да и вся эта сплоченная группа врачей больницы установили, что направленіе выстрѣловъ было: „снаружи, сзади и нѣсколько сверху внутрь, впередъ и нѣсколько внизъ“, при чемъ эксперты въ заключеніи высказались, что: „Въ данномъ случаѣ сила снарядовъ была настолько велика, а разстояніе выстрѣловъ такъ незначительно, что пули не рекошетировали, а обѣ прошли приблизительно въ одномъ и томъ же направленіи...“ Какъ же согласовать это косо „сзади напередъ“ направленіе ихъ пулевыхъ каналовъ съ правильнымъ мнѣніемъ, согласнымъ съ наукою, ихъ же авторитета и учителя д-ра П.—проф. *Субботина*, что выстрѣлы были произведены въ перпендикулярномъ направленіи и что „пуля проникла въ глубь въ перпендикулярномъ къ поверхности кожи направленіи?“ Какъ согласовать со словами: „Таково же направленіе и нижней раны (въ скуловой области), на что указываетъ прямое проникновеніе ея въ Гайморову полость?..“

Этимъ обоснованнымъ на клинической картинѣ распредѣленіемъ

порошинъ у раны и рубца и направленіемъ перпендикулярнымъ раны, опредѣлившемся зондированіемъ — мнѣніемъ проф. *Субботина* ясно показаль, что его ученикъ и бывшій ассистентъ и приватъ-доцентъ д-ръ П. былъ не правъ не только въ вопросѣ направленія выстрѣловъ, но что онъ со всѣми его ординаторами руководствовался не данными науки и желаніемъ способствовать выясненію судебной правды, а иными чувствами и побужденіями, ничего не имѣющими съ задачей и цѣлью правосудія. Ставъ на ложную почву, вся эта группа врачей представила собою оркестръ подъ управленіемъ одного дирижѣра, но оркестръ нестройный, и самъ себѣ противорѣчащій во врачебно-научныхъ данныхъ, что устанавливается, помимо сказаннаго, ихъ же заявленіемъ, что „выстрѣлъ былъ произведенъ не въ упоръ...“, а „на разстояніи не далѣе 1—1,5 метра и, вѣроятно, значительно ближе“, и здѣсь же эксперты шипутъ въ заключеніи, что „вокругъ обѣихъ ранъ О. Н. имѣются въ значительномъ количествѣ внѣдрившіяся въ кожу полусгорѣвшія зерна пороха“ и „волосы близъ височной раны слегка опалены...“, т.-е. удостовѣряютъ признаки ранъ, произведенныхъ выстрѣломъ въ упоръ, какъ учитъ судебная медицина. Всѣ эти противорѣчія объясняются насиліемъ надъ научно-установленными данными изъ желанія приспособить непригодное въ своей гипотезѣ, какъ научное къ не-научному, какъ естественное къ неестественному.

Казалось бы, вопросъ по отношенію проф. *Субботина* исчерпанъ, но—нѣтъ: потерпѣвшая вновь ѣдетъ къ нему въ Спб., гдѣ обращается въ клинику Военно-Медицинской Академіи, находившейся, если не ошибаюсь, въ вѣдѣніи того же проф. *Субботина*, гдѣ „были сдѣланы снимки при помощи рентгеновскихъ лучей...“ „для изслѣдованія ей засѣвшей у нея въ нижней челюсти пули...“, и съ этими снимками обращалась потерпѣвшая къ тому же проф. *Субботину*, а за нею вскорѣ же явился къ нему для допроса судебный слѣдователь 5 іюля 1903 г., которому этотъ же профессоръ показаль: „Я могу удостовѣрить“, говоритъ онъ, „что предъ-являемые мнѣ два снимка представляютъ собою правильное указаніе мѣстонахожденія пули... *Насколько помню*, пуля, о которой идетъ рѣчь, попала въ лѣвую сторону лица, въ височную кость, прошла подъ скуловою дугою... Направленіе выстрѣла было сверху внизъ, слѣва направо, сзади напередъ и слегка внутрь...“ повторилъ проф. *Субботинъ* почти точь-въ-точь, тѣми-же словами, но въ иномъ порядкѣ опредѣленіе своего ученика и экспертовъ послѣ того, когда семь мѣсяцевъ передъ этимъ этотъ же „авторитетъ“ удостовѣ-

рилъ совершенно обратное: „...направленіе раны указываетъ на то, что пуля прошла въ глубь въ перпендикулярномъ къ поверхности кожи направленіи. Таково же направленіе и нижней раны...“ Это мнѣніе проф. *Субботина* не только діаметрально противоположно первому, высказанному имъ по одному и тому же вопросу, но, смѣемъ заявить, что оно подрываетъ его научный и нравственный авторитетъ, ибо кто же оправдаетъ чловѣка науки, профессора кафедры хирургіи, имѣющаго два мнѣнія по одному и тому же вопросу и въ то время, когда отъ этого зависитъ судьба обвиняемыхъ?.. Судебная власть воспользовалась для обвинительнаго акта послѣднимъ мнѣніемъ, а о первомъ умолчала, какъ бы и о несуществовавшемъ... Профессоръ же *Павловъ*, къ которому также въ это время обращалась потерпѣвшая, отказался дать свое заключеніе судебному слѣдователю, заявивъ, что „не помнить...“ „больную, раненую лакеемъ...“ (іюль 1903 г.).

Въ обвинительномъ актѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ устапавливается существовавшая будто бы переписка между обвиняемою Л. и Мурадомъ и пересылка первою заказного „неподписаннаго“ и съ „искаженнымъ почеркомъ“ письма и денегъ 25 руб. обвиняемому, сказано: свидѣтель Магометъ М. „обстоятельство полученія Мурадомъ... письма и денегъ 25 руб.“ отъ обвиняемой Л. „вполнѣ подтвердилъ“, а между тѣмъ изъ нашей справки въ предварительномъ судебномъ слѣдствіи и изъ протокола показанія этого свидѣтеля Магомета М. отъ 29 ноября 1903 г. оказалось слѣдующее: „на имя „Мурада“ пришла почтовая повѣстка на заказное письмо. Мурадъ былъ немного нездоровъ и по его довѣренности поѣхалъ получать его братъ...“ „Когда онъ привезъ это письмо, я его взялъ, распечаталъ и въ письмѣ нашель завороченный въ бумагу въ родѣ папирсной двадцати-пятирублевый кредитный билетъ и письмо, никѣмъ не подписанное. Письмо это я далъ прочитатъ Мураду, при чемъ онъ сейчасъ же мнѣ сказалъ, что это письмо отъ Л...—й,“ обвиняемой. Предъявленное неподписанное письмо, писанное „искаженнымъ почеркомъ“, этотъ свидѣтель призналъ за то самое, а на вопросъ слѣдователя: „кто писалъ это письмо“, заявилъ: „я не знаю“. Такимъ образомъ „обстоятельство полученія Мурадомъ... письма и денегъ 25 р. отъ обвиняемой Л.“ этотъ свидѣтель Магометъ М. подтвердилъ, какъ только слышанное имъ объ этомъ отъ самого Мурада, а потому и подтвержденіе его должно относиться къ словамъ и дѣйствіямъ самого Мурада, а никоимъ образомъ не къ обвиняемой Л., по отношенію къ которой категорически отрицалъ своими словами

„я не знаю“ кто писалъ это письмо?.. Ясно для каждаго, что Магометъ М. словами: „я не знаю“—скорѣе отрицалъ участіе обвиняемой въ письмѣ къ Мураду, а не „вполнѣ подтвердилъ“.

Въ обвинительномъ же актѣ относительно экспертизы почерковъ письма, полученнаго Мурадомъ будто бы отъ обвиняемой Л., сказано: эксперты, „разсмотрѣвъ представленное „Мурадомъ письмо, нашли начертаніе отдѣльныхъ буквъ совершенно тождественнымъ съ рукописью Л., а другія буквы, написанными значительно искаженнымъ почеркомъ, такъ что они съ увѣренностью не могутъ сказать, что письмо и конвертъ написаны Л... — ою.“ Изъ протокола же этой экспертизы отъ 28 ноября 1903 г. видно, что „При подробномъ изученіи почерка Маріи Л. было обращено вниманіе на то, что ею неодинаково пишутся буквы одѣ и тѣ же... Сказать съ увѣренностью, что записка и конвертъ написаны Маріей Л... *нельзя*, но при общемъ взглядѣ на рукопись Л... и почерка, которымъ написаны записка и конвертъ, и сказанное особенно подтверждается тѣмъ, что буквы ж, р, к, м, д, б, х какъ въ рукописяхъ Л., такъ и на запискѣ написаны одинаково“. Возможно ли выраженіе: „особенно подтверждается“, при „общемъ взглядѣ“ и что „съ увѣренностью они *не могутъ сказать*“ — приравнивать выраженію обвинительнаго акта: „совершенно тождественное съ рукописью?..“ Обнаружилась явная тенденція къ преувеличиванію и сгущенію красокъ обвиненія.

Немудрено послѣ всего сказаннаго о методахъ изслѣдованія и обвиненія, если въ показаніи г. де-Камилли, принимавшаго участіе со мною и другими врачами въ опытахъ стрѣльбы, необходимыхъ для врачебнаго изслѣдованія, мы нашли показаніе этого, извѣстнаго по добросовѣстности человѣка, только въ томъ, что я его—простого оружейника „подготовлялъ къ экспертизѣ“ (врачебно-научной) и больше ничего?! Во всякомъ случаѣ, замалчиваніе его участія съ группою врачей въ опытахъ стрѣльбы мы никогда не отнесемъ къ его личной недобросовѣстности, какъ и замалчиваніе фотографа Л., у котораго я лично снимался въ позѣ стрѣляющагося въ лѣвый високъ и снялъ серію произведенныхъ опытовъ стрѣльбы, въ показаніи котораго мы нашли также лишь то, что я лично снимался въ позѣ самоубійцы и „просилъ уничтожить негативъ“, а объ остальныхъ снимкахъ—ни одного слова: ни о серіи сдѣланныхъ имъ снимковъ опытовъ стрѣльбы, ни о назначеніи ихъ для готовившейся къ печати статьи?!

Внутреннее достоинство каждаго научнаго, историческаго и

судебнаго изслѣдованія опредѣляется его основными данными и методами изслѣдованія, при чемъ неволью ими же обрисовывается передъ нами и нравственный обликъ самого автора изслѣдованія, и если мы примемъ во вниманіе все сказанное и выясненное объ образѣ дѣйствія представителя „по важнѣйшимъ дѣламъ“ судебнаго слѣдствія: лишеніе насъ права собственноручно изложить свидѣтельское показаніе, занесеніе въ протоколъ заявленную нами возможность доказать покушеніе на самоубійство, упущеніе объективныхъ данныхъ преступленія и лишеніе себя основы сознательнаго отношенія къ доказательствамъ, примѣненіе способовъ допроса, имѣвшихъ видъ вымогательства и насилія, нарушеніе этимъ закона (ст. 405 У. У. С.); если принять еще во вниманіе замалчиваніе прокуратурою въ обвинительномъ актѣ перваго (6 авг. 1902 г.) показанія проф. Субботина, тенденцію преувеличиванія значенія экспертизы писемъ и, наконецъ, измѣненіе смысла показанія свидѣтеля Магомета М.,—то станеть очевиднымъ, насколько обвинительный актъ, какъ трудъ изслѣдованія, теряетъ свое юридическое значеніе, что и было, по нашему мнѣнію, выражено вердиктомъ присяжныхъ, упрочившимъ въ насъ поколебленную вѣру въ наше правосудіе.

XI.

Судные дни: 18, 19, 20 и 21 декабря 1904 г. были послѣднимъ, полнымъ трагизма актомъ судебной ошибки, созданной отсутствіемъ основы сознательнаго отношенія судебнаго дѣятеля къ доказательствамъ, неосвѣдомленностью въ элементарныхъ данныхъ судебной медицины и ошибочностью экспертизы и несознательными ложными показаніями врачей-свидѣтелей Энской городской Николаевской больницы. Въ эти дни обвинительный актъ, въ которомъ судебная правда была представлена въ неестественномъ противорѣчьи съ научною истинною—отнынѣ историческій судебный актъ, какъ обоснованный на ошибочныхъ и ложныхъ показаніяхъ, на симуляціи и ложномъ сознаніи одного изъ подсудимыхъ,—предсталъ передъ судомъ присяжныхъ Новочеркаскаго Окружнаго суда подъ предсѣдательствомъ состоящаго нынѣ сенаторомъ уважаемаго г. А. Н. Кривцова и при участіи

членовъ суда: г. С. Н. Навроцкаго, г. Г. А. Строганова и прокурора г. Е. I. Штаркъ, при чемъ старшиною присяжныхъ заседателей былъ избранъ г. И. С. Степановъ.

На судъ явились 46 свидѣтелей и 10 экспертовъ. Не явилось 36 свидѣтелей, *не явился* и вызванный экспертомъ проф. Субботинъ.

Потерпѣвшая обвинительница О. Н. явилась на судъ съ *явною печатью самоубійцы* въ видѣ синевато-темной полоски „на локтевомъ краѣ кисти лѣвой руки“ вѣдрившихся въ кожу порошинъ негорѣвшаго пороха—этимъ научно-установленнымъ признакомъ „отдачи заряда произведеннаго выстрѣла въ упоръ“. Она явилась „трижды забронированною“, какъ выразился одинъ изъ уважаемыхъ врачей, имѣя за собою, помимо официальнаго представителя обвиненія, гражданскаго истца въ лицѣ прибывшаго изъ С.-Петербурга прис. пов. Федосьева и одного изъ популярныхъ присяжныхъ повѣренныхъ г. Новочеркасска г. Петровскаго, защищавшаго „сознавагося“ въ покушеніи на убійство подсудимаго Мурада и обосновавъ свою защиту на почвѣ „чистосердечности“ признанія подсудимаго и этимъ, слѣдовательно, косвенно защищавшаго одновременно и „чистосердечность признанія“ симулянтки потерпѣвшей О. Н., что она не покушалась на самоубійство, несмотря на явный признакъ на ея рукѣ самоубійцы, наукою установленный. Защитниками подсудимой Л. выступили прис. пов. изъ г. Ростова н/Д. В. К. Севастьяновъ и прис. пов. изъ г. Таганрога г. Золотаревъ.

Потребовалось только „полчаса“ времени, чтобы присяжные, послѣ трехдневнаго судебного разбора этого сенсационнаго уголовнаго процесса, создавагося въ теченіе почти трехъ лѣтъ указанными отжившими методами и представленнаго обвинительнымъ актомъ, вынесли хотя и противорѣчащій, но *оправдательный приговоръ*, которымъ „признавъ доказаннымъ фактъ покушенія на жизнь“ потерпѣвшей О. Н. „виновность въ томъ подсудимыхъ отвергли“¹⁾. Такимъ образомъ присяжные первую часть вердикта какъ бы признали обвиненіе подсудимыхъ—основательнымъ, гипотезу врачей-экспертовъ покушенія на убійство—доказанною, а признаніе обвиняемаго Мурада—чистосердечнымъ; вторую же часть вердикта признали обвиненіе — неосновательнымъ, ту же гипотезу врачей-экспертовъ—ошибочною, а признаніе обвиняемаго и обвиненіе потерпѣвшей—незаслуживающими довѣрія.

¹⁾ „Южный Телеграфъ“ отъ 21 декабря 1904 г.

Подобные оправдательные, но противорѣчащіе приговоры вызываютъ иногда нареканія общества на судъ присяжныхъ и особенно на нихъ ссылались при введеніи у насъ, въ Россіи, новаго устава и въ защиту стараго, отжившаго уголовного судопроизводства, когда сознаніе обвиняемаго или подсудимаго считалось „лучшимъ доказательствомъ всего свѣта“ и имѣло рѣшающее значеніе въ судебномъ приговорѣ. Вслѣдствіе такого взгляда допускались въ предварительномъ слѣдствіи недопустимыя въ настоящее время, но допущенныя въ нашемъ дѣлѣ психическія и нравственныя принужденія, производящія впечатлѣніе вымогательства сознанія допрашиваемаго и, по своему жестокосердію судебныхъ слѣдователей, напоминающія ту стадію переходнаго времени въ исторіи развитія уголовного процесса, когда рѣшеніе вопроса о винѣ и невинности отдавались на „Судъ Божій“, указывавшій виновнаго посредствомъ всевозможныхъ испытаній или *ордалий*, уступившее загѣмъ времени, когда система доказательствъ свелась къ показаніямъ и прежде всего къ собственному сознанію и оговору, вслѣдствіе чего дѣло рѣшалось скорѣе физическою выносливостью подвергаемаго пыткамъ, чѣмъ судейскою совѣстью (*А. О. Котли*). Съ введеніемъ новаго устава восторжествовалъ новый гуманнѣйшій взглядъ криминалистовъ, въ силу котораго сознаніе обвиняемаго или подсудимаго не составляло уже передъ судейскою совѣстью полного и безусловнаго доказательства виновности, а потому, предвидя возможность признаній на судѣ въ преступленіи, Законодатель не вмѣнилъ въ обязанность присяжныхъ обвинять такихъ сознающихся въ преступленіи, а предоставилъ имъ право совѣстливой оцѣнки ихъ дѣяній, открывъ этимъ возможность оцѣнки, какъ мотивовъ преступленій, такъ и широкой просторъ для критики сознающагося въ немъ.

Только этою возможностью оцѣнки и критики сознанія подсудимаго Мурада, какъ и дефектовъ обвинительнаго акта — критики, требовавшей не какого-либо спеціальнаго образованія или профессіи, а только здраваго смысла со стороны представителей общественной совѣсти, и возможно было объяснить этотъ ихъ противорѣчащій оправдательный приговоръ, внѣшнюю только формою удовлетворявшій авторовъ обвинительнаго акта и авторовъ лишенной всякой основы гипотезы обвиненія, но этою внѣшнею формою замаскировавшій внутренній смыслъ ихъ осужденія вердиктомъ присяжныхъ, явившимся выраженіемъ ихъ судейской совѣсти, какъ единственнаго критеріума присяжныхъ, среди которыхъ преобладали простые казаки, при посредствѣ котораго они

и могли отличить на судѣ истинное отъ ложнаго, правду отъ лжи и руководясь которымъ они вынесли этотъ хотя и противорѣчащій, но, по нашему мнѣнію, полный здраваго смысла и исполненный правды и милости приговоръ.

Мы не знаемъ тайны совѣщаній присяжныхъ, которая не должна переходить за предѣлы комнаты ихъ засѣданій; мы не можемъ проникнуть въ тайну внутренняго и сложнаго ихъ душевнаго процесса, путемъ котораго формировалось убѣжденіе совѣсти въ вопросѣ виновности или невиновности подсудимыхъ,—но путемъ личнаго наблюденія происходившаго передъ нами—свидѣтелями на судѣ, путемъ анализа и логики—можемъ дать отчетъ о моментахъ судебного разбирательства, особенно вліявшихъ на психику присяжныхъ и объ основной причинѣ, побудившей судебскую ихъ совѣсть вынести этотъ противорѣчившій оправдательный вердиктъ.

Отмѣтимъ только, но не станемъ останавливаться на обнаружившихся и обратившихъ на себя вниманіе присяжныхъ дефектахъ обвинительнаго акта: непривлеченіе въ качествѣ обвиняемаго, даже неявившагося на судебное разбирательство мужа потерпѣвшей жандармскаго ротмистра Я. П. Н., который будто бы „зналъ“ о подготовлявшемся убійствѣ его жены; непривлеченіе въ качествѣ подсудимаго, но фигурировавшаго на судѣ въ качествѣ свидѣтеля жандарма Л., который будто бы училъ стрѣлять обвиняемаго Мурада и подготовлялъ его этимъ къ убійству потерпѣвшей; невызовъ на судебное разбирательство свидѣтеля пом. пристава С., заявлявшаго о самоубійствѣ потерпѣвшей и что у него „имѣются доказательства на это“ (показ. д-ра Кр.); недостаточный осмотръ и оцѣнка данныхъ комнаты, въ которой совершенно преступленіе и, наконецъ, обнаружившійся на судѣ „подмѣнъ“ револьвера, какъ вещественнаго доказательства, удостоверяющій обвиняемымъ Мурадомъ и шестью свидѣтелями,—фактъ, невольно вызвавшій восклицаніе уважаемаго предсѣдателя: „феноменальное явленіе!..“ Мы позволимъ себѣ остановить вниманіе на обстоятельствахъ, особенно вліявшихъ на слагавшееся убѣжденіе присяжныхъ о виновности подсудимыхъ, а именно: на поведеніе „сознавашагося“ въ преступленіи обвиняемаго Мурада, на поведеніе на судѣ потерпѣвшей и на поведеніе врачей-экспертовъ-ординаторовъ той больницы, старшимъ врачомъ которой состоялъ д-ръ П., предпринимшій вопросъ о виновности подсудимаго и въ которой потерпѣвшая, какъ выяснилось изъ данныхъ предварительнаго слѣдствія, не только лѣчилась, но на которой

такъ отрицательно сказалось моральное вліяніе лѣчившихъ ее ординаторовъ-врачей этой же больницы.

Изъ приложеннаго отчета судебныхъ засѣданій видно, какъ бравировалъ на судѣ своимъ „сознаніемъ“ Мурадъ, приспособившись къ косвеннымъ юридическимъ уликамъ въ лицѣ нѣкоторыхъ свидѣтелей и „достоверныхъ лжесвидѣтелей“ К. и своего дяди Бея-С. З. и какъ этотъ „чистосердечно сознавшійся полудикарь“ запутался, когда коснулось дѣло согласовать его „сознаніе“ съ объективными и врачебно-научными данными, демонстративно засвидѣтельствовавъ свою ложь, давъ нелѣпое и несообразное объясненіе о разстояніяхъ произведенныхъ будто бы имъ выстрѣловъ на „70 и 36 стм.“, какъ оказалось по измѣренію на судѣ, при чемъ заявилъ еще, что потерпѣвшая послѣ перваго выстрѣла будто бы „встала“. Потерпѣвшая же, въ противорѣчіи прежнимъ показаніямъ, остановилась на заявленіи, что послѣ перваго выстрѣла, когда схватилась рукою за рану, то „потеряла сознаніе“, что опровергается предварительнымъ судебнымъ слѣдствіемъ, каковымъ установлено, что, въ день преступленія 15 сентября 1901 года, потерпѣвшая находилась въ полномъ сознаніи и въ теченіе этого дня его совершенно не теряла. Эта демонстративно обнаруженная *ложь на судѣ обвиняемымъ Мурадомъ и потерпѣвшею О. Н., помимо всего, имѣла рѣшающее значеніе для окончательнаго научно-обоснованнаго заключенія второй группы врачей-экспертовъ д-ровъ Ф. Я. Арсеньева и В. І. Лешкевича, признавшихъ покушеніе на самоубійство потерпѣвшей, а слѣдовательно ея симуляцію и ложное сознаніе обвиняемаго Мурада.*

Это приведенное въ отчетѣ судебныхъ засѣданій заключеніе экспертовъ защиты, обоснованное на выяснившихся на судѣ врачебныхъ данныхъ фигурировавшими на судѣ моими фотографическими снимками опытовъ стрѣльбы и клиническихъ картинъ расположенія порошинъ пороха въ зависимости отъ разстояній произведенныхъ выстрѣловъ, подкрѣпленными показаніями свидѣтелей-врачей, участвовавшихъ со мною въ этихъ опытахъ, выясненное обстоятельство произведеннаго выстрѣла не на 1—1,5 метра, а на 4—5 ст. и что это разстояніе произведеннаго выстрѣла въ 5 ст. легко создается отдачею заряда приставленнаго дула, но не сильно прижатого къ кожѣ револьвера вплотную въ упоръ къ мѣсту раненія, выясненное обстоятельство возможности прорыва газовъ, копоти и порошинъ при выстрѣлѣ въ упоръ черезъ щели барабанной части револьвера и возможность отпечатка

ихъ на подлежащей части руки къ этимъ щелямъ и установленная на судѣ наличность у потерпѣвшей порохинѣ пороха, вѣдлившихся въ локтевую часть лѣвой ея руки,—наличность этого научнаго признака произведеннаго ею выстрѣла въ упоръ (проф. *Emmert, Hoffmann, Kasper, Косоротовъ, Нейдингъ, Оболонскій, Strassmann*), руководствуясь которымъ, какъ показалъ д-ръ *Fisch* и проф. *Кузьминъ*, возможно установить самый способъ стрѣльбы покушавшагося на самоубійство и, руководствуясь которымъ, эксперты д-ра Арсеньевъ и Лешкевичъ признали, что потерпѣвшая, покушаясь на самоубійство, примѣнила *указанный мною способъ*, какъ онъ былъ изображенъ фигурировавшимъ на судѣ снимкомъ обвиняемой Л.—Всѣ эти легко уясняемыя научныя данныя, какъ и обоснованность на нихъ и на объективныхъ данныхъ комнаты, снимокъ которой также фигурировалъ на судѣ, экспертизы д-ра Арсеньева и д-ра Лешкевича — не могли пройти безслѣдно для присяжныхъ и не могли въ томъ или иномъ направленіи не вліять на ихъ психику и судейскую ихъ совѣсть въ обсужденіи вопроса виновности или невинности подсудимыхъ.

Мы знаемъ, насколько неправильно постановкою дѣла врачебной экспертизы у насъ—*въ провинціи*, гдѣ экспертами являются обыкновенно городовые и уѣздные врачи, эта экспертиза дискредитирована и насколько неблагоприятно сложился на нее взглядъ въ обществѣ; мы знаемъ установившійся взглядъ на нее у представителей уголовного права, причисляющихъ городскихъ и уѣздныхъ врачей скорѣе къ чиновникамъ, чѣмъ къ представителямъ врачебной науки и ея прогресса; мы знаемъ опубликованные случаи, показавшіе, насколько эти врачи, въ качествѣ представителей судебной медицины, не облегчаютъ, а затрудняютъ функцію суда, подрывая къ себѣ довѣріе настолько, — что высказывается мнѣніе, что въ нашей уголовной юстиціи врачебная экспертиза почти не имѣетъ значенія и во многихъ случаяхъ служить лишь вѣшнимъ дополненіемъ формальной, обрядовой стороны процесса безо всякой внутренней и дѣйствительной ея пользы (*Н. П. Тимоеевъ*)¹⁾. Мы знаемъ и мнѣніе *А. О. Кони* объ этихъ официальныхъ представителяхъ на судѣ въ провинціяхъ сложной науки судебной медицины, старающихся всегда „вдвинуть свое заключеніе въ узкія рамки устава судебной медицины, содержащагося въ XIII томѣ свода Законовъ“ и „отличающихся рѣшительностью выводовъ“ и упорствомъ дер-

1) *Н. П. Тимоеевъ*. Судъ присяжныхъ въ Россіи. Москва, 1881 г., стр. 206.
симуляция. 7

жаться разъ высказаннаго мнѣнія и нелюбовью подвергаться перекрестному допросу ¹⁾. Всѣ эти мнѣнія и данныя утраты всякаго авторитета провинціальной экспертизы передъ обществомъ не даютъ намъ права приписать рѣшающее значеніе на совѣсть присяжныхъ нашихъ научныхъ данныхъ, выяснившихся на судѣ, но никто не станетъ отрицать, что эти данныя, какъ и обоснованное на нихъ заключеніе экспертовъ д-ра Арсеньева и д-ра Лешкевича, еще болѣе подрывали довѣріе къ авторамъ невѣроятной гипотезы покушенія на убійство д-ра Калмыкова и д-ра Царукова, которые на предварительномъ слѣдствіи, по выраженію *А. О. Кони*, „осмотръ произвели правильно и удостовѣрили исполнѣ неправильно“, а на судѣ научный признакъ произведеннаго выстрѣла въ упоръ назвали „тѣнью“, незаслуживающей ихъ вниманія и передъ лицомъ сидящихъ на скамьѣ подсудимыхъ, которымъ угрожала каторга, упорно настаивали на легкой возможности покушавшагося на убійство и на естественность неестественнаго — предварительно пролѣзть черезъ находящееся передъ угломъ узкое пространство въ „30 ст.“ между угломъ стола и краемъ кушетки въ уголь, чтобы затѣмъ стрѣлять изъ него въ сидѣвшую на кушеткѣ потерпѣвшую, пренебрегая почему-то стрѣльбу въ правый ея високъ, обращенный къ простору комнаты, дававшему полную свободу преступной воли покушавшагося на жизнь потерпѣвшей (см. фот. А.).

Если мы не придаемъ рѣшающаго значенія въ рѣшеніи присяжныхъ вопроса доказанности факта покушенія на убійство научно и фактически обоснованной экспертизѣ д-ровъ Арсеньева и Лешкевича, то тѣмъ болѣе нельзя придать этого экспертизѣ д-ровъ Калмыкова и Царукова, не говоря уже о неосновательности ихъ экспертизы, но несомнѣнно утратившихъ на судѣ довѣріе къ себѣ присяжныхъ своимъ *поведеніемъ*, демонстративно засвидѣтельствовавъ передъ всѣми, что они и на судѣ, какъ и на предварительномъ слѣдствіи, руководствовались въ своемъ заключеніи не научными и объективными данными, а были во власти тѣхъ же чувствъ, какія нами выше выяснены, и засвидѣтельствовали передъ присяжными свое „слабое сознаніе отвѣтственности передъ серіозностью происходящаго въ дѣйствительности“ (*Гольдовскій*) ²⁾.

¹⁾ *А. О. Кони*. На жизненномъ пути. СПб., 1912 г., стр. 352.

²⁾ *О. Б. Гольдовскій*. Психологія свидѣтельскихъ показаній. Проблемы психологіи. Дождь и свидѣтельскія показанія. Москва, вып. I, ред.-изд. И. Н. Холчевъ. стр. 89—97.

Что ихъ поведеніе на судѣ подрывало довѣріе къ нимъ присяжныхъ и суда, доказываетъ характеристика, которая *отмѣчена органомъ печати* „Южный Телеграфъ“ — представителемъ общественнаго мнѣнія того же общества, изъ котораго черпались эти представители общественной совѣсти и судейскою совѣстью которыхъ разрѣшались вопросы, какъ доказанность покушенія на убійство, такъ и вопросъ о виновности въ немъ подсудимыхъ. Это поведеніе д-ровъ Калмыкова и Царукова отмѣчено и запечатлѣно слѣдующимъ образомъ: На вопросъ присяжнаго повѣреннаго Севастьянова, „Калмыковъ заявляетъ“, что онъ о ложности показанія Мурада „этого не говорилъ и сказать не можетъ“. „Но когда защитникъ задавалъ вопросы по частямъ въ программѣ объясненія Мурада, экспертъ на все отвѣтилъ: „нѣтъ“, и защитникъ совершенно основательно воскликнулъ: „что же есть тогда не ложно въ его показаніи?!“, а д-ръ Царуковъ, „давая желательные для защиты отвѣты по частнымъ вопросамъ... — никакъ не могъ рѣшиться высказать этого, и сколько защитникъ ни бился, съ полнымъ успѣхомъ подходя съ экспертомъ къ этому разрѣшенію, послѣдній всегда, какъ только приходилось сказать рѣшительное слово, или отрицалъ совершенно неожиданно все ранѣе признанное, или изображалъ непонимающаго вопроса...“ ¹⁾. Такимъ образомъ сказаннымъ устанавливается съ очевидностью, что признаніе факта покушенія на убійство вердиктомъ присяжныхъ было независимо отъ той и другой экспертизы врачей и что въ этомъ признаніи присяжныхъ руководило ихъ совѣстью иное обстоятельство и побужденіе, — обстоятельство, такъ сильно вліявшее на ихъ совѣсть, что они не могли его игнорировать и въ жертву котораго они рѣшились принести логику ихъ приговора.

Если бы присяжные, вынося свой противорѣчащій оправдательный приговоръ, исходили бы изъ факта доказанности или недоказанности преступленія и если бы они пришли бы къ убѣжденію, что этотъ фактъ дѣйствительно доказанъ, то, при чистотѣ судейской ихъ совѣсти и справедливости, они никогда не простерли бы свою милость до прошенія по отношенію обвиняемыхъ въ то время, когда одинъ изъ нихъ „сознался“ въ своей виновности, а несчастная по внѣшнему виду больная-потерпѣвшая съ неизвлеченною пулею изъ черепной полости стояла здѣсь же и требовала возмездія у присяжныхъ за посягательство изъ ко-

¹⁾ „Южный Телеграфъ“ отъ 20 декабря 1904 года.

рытнаго расчета на ея жизнь. Справедливость требовала, при убѣжденіи доказаннаго факта посягательства на ея жизнь, непрѣмѣннаго обвиненія, при чемъ милость присяжныхъ сказала бы въ смягченіи наказанія, но не въ прощеніи, ибо такой вердиктъ былъ бы нарушеніемъ принципа справедливости, а слѣдовательно и нравственной чистоты судейской совѣсти представителей общественнаго мнѣнія, чего никакъ невозможно допустить.

Передъ присяжными стояли двѣ жертвы, судьба которыхъ зависѣла отъ ихъ приговора: одна молодая обвиняемая Л., въ слезахъ ломая руки и съ отчаяніемъ на лицѣ, увлеченная мужемъ потерпѣвшей, за что такъ жестоко расплачивалась, но вошедшая въ домъ послѣдней и разбившая ея счастье семьи, а другая, потерпѣвшая, нервно-больная, нравственно и физически изломанная, также ожидала съ душевною тревогою приговора присяжныхъ, въ сознаніи своей отвѣтственности въ дальнѣйшемъ, если обвиняемые будутъ оправданы и присяжные признаютъ *не* доказаннымъ фактъ покушенія на убійство, а слѣдовательно признаютъ ея симуляцію и ложное сознаніе обвиняемаго Мурада. Не подлежитъ сомнѣнію, что присяжные обсуждали вопросъ о виновности обвиняемыхъ и доказанности преступленія, не упуская изъ виду и учитывая положеніе потерпѣвшей и ея отвѣтственности при признаніи ими *не* доказанности покушенія на убійство. Если бы они были бы убѣждены въ виновности подсудимыхъ и въ несомнѣнности покушенія ихъ на жизнь потерпѣвшей, то, признавъ послѣднее доказаннымъ, они не оправдали бы подсудимыхъ, но такъ какъ ихъ совѣсть склонялась въ пользу невиновности послѣднихъ и *отрицательно отнеслись къ сознанію Мурада и явленію потерпѣвшей*, что она жертва чужой злой воли, но при этомъ же она своимъ внѣшнимъ видомъ, разбитыми здоровьемъ и семейной ея жизни внушала къ себѣ невольное состраданіе судей, то изъ этого состраданія и исходило чувство милосердія къ ней у присяжныхъ, побудившее ихъ совѣсть, при признаніи подсудимыхъ невиновными въ покушеніи на убійство, самъ по себѣ фактъ покушенія признать *доказаннымъ, гарантируя этимъ отъ дальнѣйшей отвѣтственности какъ потерпѣвшую за ея ложное обвиненіе, такъ и клеветавшаго Мурада*, оказавъ этимъ признаніемъ факта покушенія на убійство имъ милость судейской совѣсти. Только этимъ *совмѣстнымъ обсужденіемъ участи подсудимыхъ и потерпѣвшей*, только признаніемъ ихъ совѣстью виновности потерпѣвшей и Мурада по отношенію обвиняемой Л. въ ихъ клеветѣ, только сознаніемъ, что все эти лица достаточно уже

перестрадали, только желаніемъ гарантировать ихъ отъ отвѣтственности передъ оклеветанною обвиняемою Л. въ будущемъ, только милостью къ клеветавшимъ—и возможно объяснить лишенный логики, противорѣчащій, но оправдательный приговоръ, исполненный, какъ мы сказали, здраваго смысла, милости и правды *ко вѣмъ этимъ тремъ лицамъ*. Правда была высказана обвиняемымъ, а милость—потерпѣвшей. Иного объясненія происхожденія этого лишеннаго логики оправдательнаго вердикта, какъ намъ кажется, невозможно дать. Мы думаемъ, что какъ коронный судъ, такъ и официальный представитель обвиненія г. прокуроръ, если не вынесли твердаго убѣжденія въ симуляціи потерпѣвшей и ложности сознанія Мурада, то во всякомъ случаѣ въ ихъ судейской совѣсти закралось *сомнѣніе* въ этомъ смыслѣ, ибо если бы они остались бы послѣ оправдательнаго вердикта присяжныхъ при убѣжденіи виновности подсудимыхъ, то при сознаніи на судѣ обвиняемаго Мурада въ преступленіи и при признаніи вердиктомъ присяжныхъ доказанности покушенія на убійство, какъ намъ кажется, непременно послѣдовала бы *кассация* приговора со стороны представителя обвиненія, каковая въ дѣйствительности *не была заявлена*.

Законченный нашъ трудъ изслѣдованія во всей доступной автору полнотѣ дѣла „о покушеніи на убійство жены жандармскаго ротмистра О. Н.“ и предлагаемый суду общественнаго мнѣнія съ приложеніемъ обвинительнаго акта извлеченій изъ судебныхъ засѣданій Новочеркасскаго Окружнаго суда, въ который это дѣло было передано изъ другого судебного округа и со всѣми рѣчами обвиненія и защиты въ томъ видѣ, какъ онѣ были опубликованы,—представляетъ выдающійся врачебно-научный, юридическій и общественный интересы. Сама жизнь этимъ въ высшей степени сложнымъ и запутаннымъ уголовнымъ процессомъ, въ интересахъ нашего современнаго правосудія, съ яркою и реальною очевидностью подтвердила полную основательность заявленія въ прессѣ необходимой осторожности отношенія къ показаніямъ свидѣтелей и даже отрицанія возможности обосновывать въ вопросѣ виновности или невиновности только на ихъ убѣжденіе, выражающееся въ судебномъ приговорѣ. Трудно было бы найти болѣе убѣдительный, изъ жизни взятый, примѣръ, наблюдавшійся нами на судѣ и обнаруженный нашимъ настоящимъ изслѣдованіемъ, когда цѣлая группа въ числѣ пяти человекъ, достойныхъ

по своему общественному положенію уваженія, почетныхъ по возрасту и интеллигентныхъ врачей такъ реально и демонстративно засвидѣтельствовала бы основательность и справедливость заявленій представителей экспериментальной психологіи, что „нормальная неправда“ или „несознательная ложность показаній“ свидѣтелей нерѣдко является слѣдствіемъ чувствъ и увлеченій, среди которыхъ „тенденція къ преувеличиванію, какъ источникъ искаженія воспоминаній, играетъ огромную роль“ (д-ръ *Гольдовскій*). Съ реальною очевидностью предсталъ передъ нами имѣющій огромное юридическое значеніе судебный фактъ, когда, подъ влияніемъ чувствъ увлеченія и тенденціи, вниманіе, сознаніе, разумная критика и воля утратили способность направлять цѣлую группу врачей на логическій путь мышленія и когда ихъ сознаніе утратило способность коррекціи.

Въ лѣтописяхъ судебной исторіи едва ли найдемъ подобный нашему уголовный процессъ, въ которомъ обвинительный актъ почти отъ начала и до конца былъ бы обоснованъ на сознательныхъ и несознательныхъ ложныхъ показаніяхъ, при игнорированіи объективныхъ данныхъ преступленія и при лишеніи твердой основы судебного дѣятеля сознательнаго его отношенія къ доказательствамъ, составляющаго существенную необходимость въ дѣлѣ отысканія судебной правды (д-ръ *Литовченко*). Только этимъ и односторонностью изслѣдованія нашего современнаго судебного предварительнаго слѣдствія возможно объяснить, что передъ судомъ присяжныхъ судебная истина предстала въ обвинительномъ актѣ въ столь искаженномъ видѣ, когда виновница преступленія фигурировала на судѣ въ роли обвинительницы, а невинныя жертвы ея клеветы сидѣли на скамьѣ подсудимыхъ передъ представителями общественной совѣсти, которые, пользуясь лишь своею совѣстью, житейскою опытностью и здравымъ смысломъ, сѣумѣли найти въ столь запутанномъ и сложномъ дѣлѣ судебную истину, засвидѣтельствовали своимъ вердиктомъ справедливость представителей мнѣнія, что гласный судъ присяжныхъ необходимо считать „наиболѣе близкимъ къ идеалу суда“ (проф. *Фойницкій*).

Выяснилось и все важное значеніе для судебныхъ дѣятелей завѣта *А. Э. Кони*, чтобы показаніе свидѣтелей получалось бы „въ такомъ видѣ и такой обстановкѣ, которая устраняла бы всякую мысль о его поддѣлкѣ и о полученіи его вымогательствомъ“. Неоспоримо нами установленное нарушеніе этого завѣта судебными дѣятелями и примѣненное ими насиліе надъ психикою об-

виняемого - юноши „полудикаря“ и больной - потерпѣвшей, находившейся при томъ же во власти чувства ревности, — даетъ намъ право вывода, что эти судебные дѣятели обосновали отчасти свое убѣжденіе о „чистосердечности“ сознаний на психической выносливости обвиняемого и потерпѣвшей, нарушая этимъ законъ (ст. 405. У. У. С.) и упустивъ изъ виду, что въ основѣ „чистосердечности“ всегда лежитъ, лишенное всякаго расчета на выгоду или удовлетвореніе чувства мести, — чувство искренности, исходящее изъ собственныхъ желанія и воли человѣка, а потому и враждебное всякому надъ его психикою насилію. Кромѣ того „чистосердечность“ и чувство искренности не могли исходить изъ чувства ревности, которая выражается, согласно ученію современной психологіи, стремленіемъ человѣка „къ устраненію противника“, а по мнѣнію представителя древней школы *Стинозы*, ревность слагается изъ двухъ чувствъ—„съ завистью ненависти къ любимому объекту“ ¹⁾.

Врачебно - экспериментальное изслѣдованіе по данному дѣлу, своевременно опубликованное нами въ журналѣ „Русскій Врачъ“ и частью приведенное въ настоящей статьѣ, съ реальною очевидностью показало неосвѣдомленность врачей-экспертовъ обвиненія въ элементарныхъ данныхъ судебной медицины объ огнестрѣльныхъ ранахъ и ихъ неподготовленность къ важной роли въ дѣлѣ правосудія. Въ цѣломъ рядѣ опубликованныхъ случаевъ, подрывающихъ довѣріе къ нашей *провинціальной* врачебной экспертизѣ, прибавился еще нашъ случай, подтверждающій основательность заявленій криминалистовъ объ утратѣ довѣрія къ ней настолько, что эта экспертиза, представляющаяся обыкновенно городскими и уѣздными врачами, во многихъ случаяхъ служитъ лишь внѣшнимъ дополненіемъ формальной, обрядовой стороны процесса безъ всякой внутренней и дѣйствительной ея пользы (*Н. П. Тимогеевъ*). Эти врачи, перегруженные всевозможными обязанностями и материально до нищенства необезпеченные, при современной дороговизнѣ жизни и осложнившихся условій борьбы за существованіе, являются обыкновенно официальными представителями на судѣ сложной науки судебной медицины, но лишены возможности посвятить себя исключительно ей и слѣдить за ея прогрессомъ, вызывая своею дѣятельностью нареканія общества и заявленія криминалистовъ о необходимости реформы провинціальной

¹⁾ Д-ръ *Фридманъ*. Психологія ревности. Перев. П. Кручинина. Москва, вып. I, 1913 г., стр. 12—40.

врачебной экспертизы, въ числѣ которыхъ *А. О. Кони* заявилъ, на 5-мъ съѣздѣ Общества Русскихъ Врачей, о необходимости учрежденія специальной должности судебного врача, поставивъ его „въ ясное и достойное положеніе, уничтоживъ отчужденіе между нимъ и судьями, давъ возможность эксперту смотрѣть на себя, какъ на друга и союзника судьбы въ трудномъ дѣлѣ отысканія истины въ процессѣ“ ¹⁾.

Н. А. Москалёвъ.

Москва, 14 февраля 1913 г.

¹⁾ Проф. *Ф. А. Патенко*. Опытъ руководства къ судебно-медицинскому анализу. Харьковъ, 1904 г., стр. 60.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ ¹⁾.

Съ 1894 г. въ городѣ Энскѣ проживалъ ротмистръ Я. П. Н., служившій въ то время начальникомъ Д—го отдѣленія В—го жандармскаго полицейскаго управленія ж. д. Семья его состояла изъ жены О. Н., дочери гимназистки Л. и сестры жены А. П. П. Въ 1896 г. съ этою семьею познакомилась, приглашенная для занятій съ Л. Н. гимназистка 7 класса энской женской гимназій М. Г. Л., по происхожденію энская мѣщанка, дочь содержателя народныхъ каруселей. По отзывамъ преподавательскаго персонала гимназій: классной дамы С., начальницы гимназій С. и учителя гимназій Я., — Л. была извѣстна за дѣвушку легкомысленную, невоспитанную, грубоватую, что и значилось въ ея кондуктномъ спискѣ. Посѣщая домъ Н., Л. близко познакомилась съ Я. Н., между ними завязались любовныя отношенія, въ которыя они вступили 26 ноября 1896 г., о чемъ свидѣтельствовала найденная впоследствии по обыску въ письменномъ столѣ Я. Н. фотографическая карточка Л. съ надписью: мы повѣнчаны 26 ноября 1896 г. Будучи въ 8 классѣ гимназій, Л. подарила Я. Н. свою фотографическую карточку съ надписью: моему дорогому мужу на воспоминаніе о Марусѣ въ синей формѣ 8 класса М. Н. Въ 1897 г. Л. окончила курсъ гимназій и поступила учительницею

¹⁾ Прилагаемый обвинительный актъ представляетъ почти точную копію его, предъявленную подеудимымъ, въ которой мы позволили себѣ лишь опустить мѣсто происшедшаго преступленія и—всѣ фамиліи замѣнить ихъ начальными буквами, за исключеніемъ себя, г. де-Камилли, какъ участника въ нашихъ опытахъ стрѣльбы, и всѣхъ гг. экспертовъ по настоящему дѣлу, названныхъ полностью. Этимъ мы не лишаемъ фактическаго значенія судебного акта, не затрагиваемъ чувство щепетильности отдѣльныхъ лицъ, а назвавъ полностью фамиліи экспертовъ-врачей Энской городской Николаевской больницы, открываемъ имъ путь потребовать отчетъ отъ автора настоящаго изслѣдованія, за добросовѣстность котораго принимаемъ отвѣтственность на себя.

Авторъ.

въ мужское училище. Продолжая связь съ N., она подарила ему свою фотографическую карточку съ надписью: моему милому мужу и другу Яяѣ отъ М. N. 1898 г. іюля 1 д. Въ 1898 г., еще не зная о связи мужа съ Л., О. П. N., просила ее не бывать у нихъ въ домѣ, такъ какъ Л. позволяла себѣ наговаривать передъ нею на мужа, будто послѣдній ухаживалъ за какою-то артисткою. Тогда Л. и N. для своихъ свиданій нанимали ландо у извозчика С. А. и ѣздили въ немъ кататься, но такъ какъ это обходилось дорого, то N. въ августѣ 1898 г. наняла для свиданій квартиру, съ платою по 3 руб. въ мѣсяцъ, находящуюся близъ городской межи. Въ эту квартиру былъ привезенъ умывальникъ, тазъ, зеркало и кушетка. Свиданія въ квартирѣ происходили обыкновенно по вечерамъ разъ 5—6 въ мѣсяцъ и продолжались въ теченіе 3 лѣтъ. Лѣтомъ за эту квартиру N. не платилъ, такъ какъ Л., пользуясь тѣмъ, что семья N. уѣзжала лѣтомъ на дачу, переселялась жить въ его квартиру. 1 сентября 1901 г. Л. сняла для свиданій другую квартиру за 5 руб. въ мѣсяцъ на Сѣнной ул., д. № 14, М. кумы жандармскаго унтеръ-офицера Л., указавшаго Л. на эту квартиру. Необходимость перемѣны квартиры объяснялась тѣмъ, что прежняя квартира находилась далеко отъ вокзала и, въ виду этого неудобства, N., находясь однажды на свиданіи, не могъ прибыть своевременно на мѣсто крушенія поѣзда. N. не скрывалъ своей связи съ Л. и говорилъ своему знакомому Ш., что онъ счастливъ съ Марусей, а Л., въ свою очередь, говорила, что она счастлива съ Яней. Состоя въ связи съ N., Л. въ то же время ухаживала за учителемъ П., вызывала его на свиданія, посылала ему свои фотографическія карточки, въ то время, когда онъ ее не просилъ объ этомъ, и вообще искала съ нимъ сближенія. Въ 1899 г. за Л. сватался офицеръ П., но узнавъ, что Л. устраиваетъ свиданія съ какими-то моряками, отказался. Рассказывая объ этомъ сватовствѣ А., Л. говорила, что отказала П., потому что сильно любить N. и при этомъ добавила: „не я буду, чтобы не быть женой N.“. Лѣтомъ 1901 г. по отъѣздѣ семьи N. на дачу Л. все лѣто прожила у N. въ его квартирѣ, находившейся въ то время на Дмитріевской ул. въ д. Д., № 59. Проживая у N., Л. держала себя какъ хозяйка дома, заказывала обѣды, дѣлала разныя распоряженія по хозяйству и ночевала съ N. въ кабинетѣ. Въ это время лакеемъ у N. состоялъ ингушъ Мурадъ М., поступившій къ нему въ услуженіе въ сентябрѣ 1900 г. по указанію бывшаго лакея N.—М. А. Л. держала себя довольно свободно съ М., такъ онъ постоянно находился въ комнатахъ, подолгу оста-

вался съ нею вдвоемъ, часто сидѣлъ съ нею на балконѣ и въ обществѣ его Л. распѣвала съ нимъ пѣсни. Переѣзжая домой передъ прїѣздомъ семьи Н., Л. подарила Мураду матерію на кафтанъ, а когда онъ принесъ ей отъ Н. дичь, то дала ему на-чай 5 руб. Жена Н. догадывалась объ отношеніяхъ мужа къ Л., такъ какъ Н. въ теченіе послѣднихъ 8 лѣтъ измѣнился къ женѣ, пересталъ ее любить, стѣснялся ея присутствіемъ, но жилъ съ нею, какъ съ женою, держалъ себя по отношенію къ ней рѣзко и пренебрежительно и кричалъ на нее. По возвращеніи съ дачи семьи осенью 1901 г. Н. сталъ по отношенію къ женѣ, какъ чужой, не хотѣлъ съ нею говорить и ссорился. О. Н. приписывала все это вліянію Л. и жаловалась С. и З., что Л., живя съ мужемъ, обобрала его, и у нихъ теперь нѣтъ денегъ. Обидно то, говорила Н. своему знакомому Ш., что знаешь, что должна очистить мѣсто для другой, и при этомъ высказывала свое намѣреніе уйти отъ мужа. Съ этою цѣлью О. Н. начала пріискивать для себя и дочери отдѣльную квартиру и хотѣла даже нанять таковую у К. Произошла замѣтная перемѣна и въ поведеніи Мурада, онъ замѣтно избаловался, началъ хорошо одѣваться, носить воротнички, держалъ себя по отношенію къ О. Н. грубо и нахально и позволялъ себѣ высказывать ей какое-то свое неудовольствіе. Осенью 1901 г. семья Н. возвратилась домой въ Энскъ съ дачи 5 сентября, а 15 сентября днемъ въ то время, когда О. Н. оставалась дома, было совершено Мурадомъ покушеніе на ея жизнь. Еще за недѣлю до этого случая была сдѣлана попытка оставить О. Н. дома одну, и 7 сентября 1901 г. часовъ въ 9 утра дочь Л. была вызвана по телефону неизвѣстно откуда отъ имени ея подруги М., явиться къ начальницѣ гимназіи С. къ 10 час. утра; между тѣмъ, какъ оказалось, С. къ себѣ дочери Л. Н. не требовала, и М. съ нею по этому поводу по телефону не говорила. Въ этотъ разъ дочь Н. Л. вышла изъ дому не одна, а съ матерью своею О. Н. Мужъ уходилъ ежедневно на службу съ утра. 14 сентября 1901 г. рано утромъ Я. Н. получилъ отъ начальника В—го жандармскаго полицейскаго управленія ж. д. К. телеграмму, предписывавшую ему явиться въ г. В. по дѣламъ службы. Въ этотъ день часовъ около 11 утра мужъ Н. и Л. имѣли свиданіе въ своей квартирѣ у М., при чемъ Н. передалъ Л. о томъ, что онъ уѣзжаетъ на нѣсколько дней въ В. Въ этотъ день около 5 час. вечера въ квартирѣ М. состоялось свиданіе Л. съ Мурадомъ, котораго туда приводилъ жандармъ Л. Вечеромъ того же дня Л. была у своей подруги Н. и была, по словамъ этой свидѣтельницы, грустна. Вообще

хорошо знакомые съ Л., какъ-то: Б., Н. и П. замѣчали въ настроеніи Л. значительную перемену съ первыхъ чиселъ сентября: Л. стала задумчива, мало разговаривала, грустила, настроеніе духа у нея было подавленное, такъ что П. и Б., считая, что у Л. есть какое-то горе, спрашивали ее о томъ. Л. однимъ отвѣчала, что у нея лихорадка, а другимъ, что у нея есть непріятности. Въ эту же ночь О. Н. слышала, какъ кто-то пробовалъ открыть запертую дверь ея спальни, ведущую въ коридоръ и находящуюся возлѣ комнаты Мурада и за нѣсколько комнатъ отъ спальни сестры и дочери. 15 сентября дочь Н. Л. вышла изъ дому около 11 час. утра вмѣстѣ съ своею подругой Л. съ тѣмъ, чтобы итти съ нею въ школу къ теткѣ А. П. П. О. Н. оставалась дома одна, она просила дочь зайти къ ихъ хорошей знакомой Б. и передать ей письмо. Въ этомъ письмѣ О. Н. просила Б. выйти къ 3 час. дня на Б. Садовую ул., чтобы зайти вмѣстѣ съ нею въ магазинъ. По уходѣ дочери и Л. къ О. Н. приходила ея кухарка Агриппина, послѣ ухода которой лакей Мурадъ затворилъ извнутри на ключъ дверь, ведущую изъ кухни въ комнаты. О. Н. находилась въ своей спальнѣ, имѣющей 3 двери: одну ведущую въ коридоръ, другую—въ гостиную и третью—на балконъ, выходящій на улицу. О. Н. сидѣла на стулѣ, стоявшемъ возлѣ стола, на которомъ находилась швейная машина, и шила на машинѣ голубую шелковую рубаху, а когда ей нужно было запошить, то сѣла на кушетку, стоявшую у стѣны недалеко отъ стола. Углубившись въ работу, О. Н. держала ее на колѣняхъ, на среднемъ пальцѣ правой руки у нея былъ надѣтъ наперстокъ. Въ то время въ спальню вошелъ Мурадъ и началъ вытирать су-конками полъ. Приблизившись къ О. Н., Мурадъ, неожиданно для нея, выстрѣлилъ въ нее изъ револьвера. Послѣ перваго выстрѣла О. Н. почувствовала боль въ лѣвомъ вискѣ, откинулась назадъ и ударилась головою о стѣну, схватилась рукою за рану и едва успѣла прикрыть ее, какъ послѣдовалъ второй выстрѣлъ въ щеку, возлѣ руки, которою она прикрывала первую рану. Дальше О. Н. видѣла, какъ Мурадъ подошелъ къ двери гостиной, вынулъ ключъ со стороны спальни, бросилъ револьверъ и быстро вышелъ, затворивъ за собою дверь. Вставъ съ кушетки О. Н. почувствовала сильную слабость, хотѣла выйти изъ спальни, но обѣ двери, ведущія одна въ коридоръ, а другая въ гостиную, оказались запертыми. О. Н., обливаясь кровью, вышла тогда на балконъ и стала кричать о помощи. Проходившіе по улицѣ Ш. и К., увидѣвъ стоявшую на балконѣ О. Н. съ окровавленнымъ лицомъ,

слышали ея крикъ: „спасите меня, ради Христа, въ меня стрѣляютъ“—и поспѣшили въ квартиру О. Н. Оказалось, что около двери, ведущей изъ кухни въ комнаты, стоитъ толпа народа и стучится, но дверей никто не отворяетъ. Простоявъ минутъ 5, стоявшая въ толпѣ Е. М. предлагала начать ломать дверь; въ это время дверь была открыта, и изъ нея вышелъ Мурадъ. На вопросъ, что случилось, Мурадъ отвѣтилъ: ничего тамъ нѣтъ, барыня стрѣлялась, и затѣмъ, вернувшись обратно, первый подошелъ къ двери спальни со стороны гостиной, открылъ ее и быстро направился къ выходу, не оказавъ никакой помощи своей госпожѣ. На вопросъ, куда онъ идетъ, Мурадъ отвѣтилъ: на вокзалъ за фельдшеромъ, а когда М. его остановила, замѣтивъ, что вѣдь есть телефонъ, то Мурадъ вырвался отъ нея и убѣжалъ безъ шапки. Въ спальню О. Н. первый вошелъ швейцаръ дома Ф. Г.; подойдя къ О. Н., стоявшей на балконѣ, онъ провелъ ее черезъ гостиную въ кабинетъ и усадилъ тамъ на диванѣ. О. Н. была въ полномъ сознаніи, всѣмъ присутствующимъ говорила, что въ нее выстрѣлили 2 раза изъ револьвера Мурадъ, а когда Мурадъ возвратился съ вокзала, то она, указывая на него, говорила: „возьмите его, онъ въ меня стрѣлялъ“; Мурадъ на это отвѣтилъ, „она сама стрѣлялась“. Прибывшій на мѣсто происшествія, немедленно по полученіи о томъ извѣстія, и удостовѣрившись предварительно черезъ врачей С. и К. въ томъ, что О. Н. находится въ полномъ сознаніи, судебный слѣдователь 2 уч. г. Энска допросилъ тотчасъ же потерпѣвшую, которая показала ему, что въ нее выстрѣлили изъ револьвера 2 раза Мурадъ въ то время, когда она сидѣла на кушеткѣ и шила рубаху, и показаніе это воспроизвела впоследствии въ тѣхъ подробностяхъ, которыя изложены выше. Лица, прибывшія на мѣсто происшествія: приставъ П., пом. пристава Н., хозяинъ дома Д. и др., видѣли, что на полу въ спальнѣ, посрединѣ ея, лежали 2 суконки, которыми Мурадъ натиралъ полъ; ключъ отъ запертой двери, ведущей въ коридоръ, находился въ кровяной лужѣ, а около двери гостиной лежалъ незапачканный въ кровь шестизарядный револьверъ системы бульдогъ. Ключъ отъ двери гостиной находился со стороны послѣдней. Свидѣтель К. видѣлъ, что на пальцѣ правой руки О. Н. былъ наперстокъ. Явившіеся для подачи О. Н. медицинской помощи врачи С., П. и К., освѣдомившись у потерпѣвшей о томъ, при какихъ обстоятельствахъ Мурадъ нанесъ ей раны, нашли О. Н. въ полномъ сознаніи, констатировали у нея двѣ огнестрѣльные раны, одну впереди лѣваго уха, а дру-

гую—ниже наружнаго угла лѣваго глаза, и сдѣлали потерпѣвшей нужныя перевязки. Въ то же время въ квартиру О. Н. явились хорошій знакомый ротмистра Я. Н. вольнопрактикующій врач Москалевъ и пом. пристава С., завѣдывающій въ то время сысконою частью въ г. Энескъ, и начали поселять сомнѣнiе въ существованiи въ данномъ случаѣ преступленiя. Первый изъ нихъ—Москалевъ обратился къ вахмистру Л. съ вопросомъ, допускаетъ ли онъ, что Мурадъ стрѣлялъ, а затѣмъ началъ убѣждать О. Н. показать правду. С. же ходилъ и говорилъ: „мы докажемъ, что здѣсь самоубійство, и на это у меня есть данныя“. Затѣмъ былъ распущенъ слухъ, какъ показываетъ врачъ Кр., тѣмъ же пом. пристава С. о томъ, будто О. Н. пьяна. Возмущенные этимъ слухомъ, врачи Кр., Ст. и фельдшеръ Б. сейчасъ же изслѣдовали рвотныя изверженiя потерпѣвшей и полость рта ея и установили ложность распускаемыхъ слуховъ; то же изслѣдованiе произвелъ судебный слѣдователь черезъ тѣхъ же врачей и установилъ, что потерпѣвшая О. Н. находится въ трезвомъ состоянiи. 19 сентября въ камеру судебного слѣдователя явился С. и сообщилъ, что сестра милосердiя, находящаяся при больной О. Н., просить его отъ имени послѣдней прибыть въ больницу. Судебный слѣдователь явился, потерпѣвшая О. Н. заявила ему, что въ настоящее время здоровье ея плохо, выздоровѣть она не надѣется и желаетъ заявить, что стрѣляла въ себя сама, но не знаетъ только, какою рукою и гдѣ лежалъ или висѣлъ револьверъ. 27 сентября потерпѣвшая О. Н. была приведена къ присягѣ и показала, что она пока утверждаетъ свое второе показанiе и ей, кажется, что она сама въ себя стрѣляла. Состоянiе здоровья О. Н. въ это время было опасное, и она говорила надзирательницѣ больницы Н., что голова у нея стала какая-то странная, и она не разбираетъ, стрѣлялъ ли въ нее Мурадъ или она въ себя стрѣляла. Мѣсяць спустя, а именно 26 ноября, когда здоровье потерпѣвшей О. Н. значительно улучшилось, она показала судебному слѣдователю, что просить его не придавать никакого значенiя тѣмъ показанiямъ, въ которыхъ она объясняла будто стрѣляла въ себя сама, что она измѣнила свое показанiе, опасаясь смерти и изъ желанiя, чтобы никто не страдалъ изъ-за ея показанiя, что она помнить принятую ею присягу и говорить правду, утверждая, что въ нее выстрѣлили Мурадъ два раза и при этомъ подробно рассказала вышеприведенныя обстоятельства, при которыхъ совершено было Мурадомъ это преступленiе. Впослѣдствiи было выяснено, что ни одна изъ сестеръ милосердiя больницы не пе-

редавала С. просьбы О. Н. видѣть слѣдователя и что производство дознанія на С. никто не возлагалъ. Лица, окружавшія потерпѣвшую О. Н. во время болѣзни ея и лично хорошо ее знающія: Ш., П., С., Я., А., Н. и врачъ Кр., объяснили, что отказъ отъ перваго показанія былъ сдѣланъ потерпѣвшею въ то время, когда она находилась въ опасности и она предполагала, что ей уже не жить, боялась очернить имя своего мужа, какъ отца горячо любимой ею дочери, подвергать ее непріятностямъ и пошатнуть служебное положеніе мужа, а въ случаѣ осужденія его, лишитъ дочь имущества, такъ какъ наслѣдство должно было перейти не къ дочери, а къ племянникамъ мужа. Вліяніе на отказъ отъ перваго показанія могъ имѣть, по показанію свидѣтельницы А., и самъ Я. Н., котораго всегда жена старалась выгородить изъ этого дѣла. По показанію сестры потерпѣвшей А. П. предполагалось, что, въ случаѣ отказа О. Н. отъ показанія, слѣдствіе сейчасъ же будетъ прекращено. При осмотрѣ судебнымъ слѣдователемъ мѣста происшествія оказалось, что кушетка, на которой сидѣла потерпѣвшая стоитъ у восточной стѣны спальни близъ юго-восточнаго угла ея и накрыта бѣлымъ парусиновымъ чехломъ. На одномъ концѣ ея лежитъ бѣлье, на верхнихъ штукахъ котораго имѣются капли крови. На чехлѣ кушетки у наружнаго края ея найдено продолговатое, а загѣмъ точечное кровавое пятно, у этого же края кушетки на стѣнѣ оказалась небольшая группа брызгъ крови, на полу возлѣ кушетки также оказалась большая группа кровавыхъ пятенъ, верхній изгибъ вѣнскаго стула, стоящаго передъ столомъ со швейною машиной, растерто окровавленъ, заднія ножки его обрызганы кровью. До двери, ведущей въ коридоръ по полу идутъ слѣды крови, а на ручкѣ этой двери и на самой двери около ручки имѣются растертая слѣды крови. Отсюда до двери балкона, а также по полу балкона и барьеру его тоже имѣются слѣды крови. Отъ двери балкона идутъ по полу слѣды кровавыхъ пятенъ до двери гостиной, ручка двери ея со стороны спальни тоже окровавлена. На полу близъ двери, ведущей въ коридоръ валяется окровавленная недошитая шелковая синяго цвѣта женская сорочка. Въ работѣ этой на голубой ниткѣ оказался отломокъ иглы съ ушкомъ, а возлѣ кушетки въ лужѣ крови найденъ второй отломокъ этой иглы съ остриемъ, тутъ же около кушетки лежитъ на полу окровавленный мотокъ голубыхъ нитокъ. Посрединѣ спальни лежатъ, недалеко одна отъ другой 2 сѣрыя суконныя тряпки со слѣдами крови на нихъ. Револьверъ, изъ котораго были произведены въ О. Н. симуляція.

выстрѣлы ко времени прибытія судебнаго слѣдователя, былъ взять съ пола и положенъ на комодъ. При осмотрѣ этого револьвера судебнымъ слѣдователемъ сначала при понятыхъ, а впоследствии черезъ экспертовъ: оружейнаго мастера Д. и окончившаго курсъ офицерской стрѣлковой школы есаула К., револьверъ оказался центральнаго боя двойнаго дѣйствія, системы бульдогъ съ 4 выстрѣленными патронами и 2 патронами съ выпущенными изъ нихъ пулями, механизмъ его оказался вполне исправнымъ, слѣдовъ крови на немъ не было, вынутые 4 патрона безо всякихъ знаковъ осѣчки. При производствѣ экспертами 2 выстрѣловъ изъ этого револьвера въ доску на разстояніи 5 шаговъ отъ цѣли, пули вошли въ глубь доски на $1\frac{1}{2}$ дюйма, размѣстившись одна отъ другой на разстояніи $1\frac{1}{2}$ вершковъ. Кобура отъ этого револьвера при осмотрѣ слѣдователемъ мѣста происшествія висѣла, по показанію пом. пристава Н. въ кабинетѣ ротмистра Я. Н. По словамъ Я. Н. револьверъ всегда висѣлъ въ кабурѣ въ его кабинетѣ и былъ заряженъ всѣми 6 патронами около 7 лѣтъ тому назадъ. При судебно-медицинскомъ освидѣтельствованіи потерпѣвшей О. Н., произведенномъ 19 сентября врачами Калмыковымъ и хирургомъ Царуковымъ, констатированы были 2 затопнированныя раны въ лѣвой височно-скуловой области. Первая рана находилась на уровнѣ лѣваго глаза въ разстояніи отъ наружнаго угла послѣдняго 6 сантиметровъ, вокругъ раны въ кожѣ замѣтны были черныя, вѣддрившіяся въ толщу ея крапинки въ видѣ равномѣрнаго круга, радіусомъ въ 2 сантиметра. Ниже наружнаго угла того же лѣваго глаза и на $\frac{1}{2}$ сантиметра сзади отъ перпендикулярной линіи, проведенной отъ указаннаго угла глаза, ниже этого послѣдняго на 2 сантиметра имѣлась вторая рана, вокругъ которой въ толщѣ кожи замѣчались вѣддренныя въ ней черныя мелкія крапинки, при чемъ участокъ кожи съ этими крапинками имѣлъ слѣдующую форму: спереди раны крапинки образовывали равномѣрный полукругъ съ радіусомъ въ $2\frac{1}{2}$ сантиметра, сзади же отъ раны граница крапинокъ прямая линія сверху внизъ въ разстояніи отъ раны $\frac{1}{2}$ сантиметра. Наружный слуховой проходъ лѣваго уха слегка былъ запачканъ засохшей кровью, на завиткѣ лѣвой ушной раковины, почти посрединѣ ея и на уровнѣ линіи, продолженной горизонтально отъ первой описанной раны, имѣлась поверхностная ссадиwa шириною въ сантиметръ. Ротъ больная открывала не вполне, жалуюсь на боль въ лѣвой сторонѣ лица. На лѣвой кисти руки по локтевому ея краю, почти по срединѣ пястья имѣется участокъ кожи

съ темными вѣддрившимися въ нее крапинками, продолговато-овальной формы длиною въ два сантиметра, а шириною—въ сантиметръ. Зондированіе ранъ при изслѣдованіи не производилось въ виду опасности для здоровья потерпѣвшей, но изъ скорбнаго листа видно, что при доставленіи О. Н. въ Николаевскую Энскую городскую больницу 16 сентября раны ея подвергались изслѣдованію, при чемъ зондъ, введенный въ отверстіе первой раны, прошелъ на разстояніи 7 сантиметровъ и уперся въ кость. Направленіе обоихъ каналовъ было сверху внизъ, сзади и снаружи внизъ, впередъ и внутрь. 22 сентября въ больницѣ былъ сдѣланъ подъ хлороформомъ продольный разрѣзъ на первой ранѣ О. Н. и изъ нея была извлечена пуля въ видѣ сплюснутаго ломаннаго тѣла, верхній край верхней челюсти оказался раздробленнымъ, а пуля сидѣла въ гаймуровой полости на внутренней пластинкѣ верхней челюсти. 7 октября подъ хлороформомъ былъ сдѣланъ разрѣзъ по второй ранѣ, но пулю извлечь не удалось. На основаніи этихъ данныхъ врачи Царуковъ и Калмыковъ пришли къ заключенію: 1) что обѣ раны причинены огнестрѣльнымъ орудіемъ—револьверомъ средней величины, извлеченная изъ одной раны пуля по размѣрамъ соответствуетъ револьверу, изъ котораго, по заявленію потерпѣвшей, въ нее стрѣляли, 2) направленіе выстрѣловъ было снаружи сзади и нѣсколько сверху, внутрь впередъ и нѣсколько внизъ, 3) выстрѣлы были произведены на разстояніи не далѣе 1—1½ метровъ, 4) раны относятся къ категоріи весьма тяжкихъ, угрожающихъ опасностью для жизни, 5) покушеніе на самоубійство въ данномъ случаѣ не могло имѣть мѣста, во-первыхъ потому, что при самоубійствѣ нужно было ожидать раненій въ правой сторонѣ лица, а въ лѣвой только при условіи, если бы О. Н. была лѣвша, на что указаній нѣтъ, во-вторыхъ потому, что при подобномъ случаѣ направленіе выстрѣловъ было бы снаружи внутрь и нѣсколько вверхъ, снаружи внутрь и нѣсколько сзади или внизъ, а не такъ, какъ въ данномъ случаѣ, въ-третьихъ, допуская стрѣлянне лѣвой рукой остается необъяснимымъ, какъ могъ пороховой уголь попасть на локтевой край лѣвой кисти руки. По мнѣнію врачей-экспертовъ лицо, намѣревавшееся убить О. Н. подошло къ ней, сидѣвшей наклонившись надъ шитьемъ, сзади близко и слѣва выстрѣлило разъ, пуля попала въ лѣвый високъ, при чемъ по пути слегка задѣла завитокъ лѣваго уха, на которомъ произвела ссадину, раненая пулею О. Н. инстинктивно отъ боли или для самозащиты приложила лѣвую руку къ ранѣ и сдѣлала небольшой поворотъ

головой влево, въ это мгновеніе раздался второй выстрѣлъ, пуля отъ котораго попала ниже наружнаго угла лѣваго глаза, а слѣдующія за пулей частицы пороха внѣдрились въ кожу вокругъ раны частью попадали на кисть лѣвой руки потерпѣвшей. Въ мартѣ 1903 г. потерпѣвшая О. Н. обращалась въ клинику военно-медицинской академіи къ проф. Субботину для извлеченія засѣвшей у нея въ нижней челюсти пули. Съ цѣлью опредѣленія положенія этой пули, былъ произведенъ снимокъ при помощи рентгеновскихъ лучей, при чемъ оказалось, что пуля попала въ лѣвую сторону лица, въ височную кость; прошла подъ скуловой дугой и засѣла внутри сочленоваго отростка нижней челюсти слѣва, повредивъ гаймурову камеру. Пуля находилась въ измѣненномъ состояніи, сплюснутою. Направленіе выстрѣла было сверху внизъ, слѣва направо и слегка внутрь. Операция произведена не была, вслѣдствіе отказа потерпѣвшей. По обыску произведенному судебнымъ слѣдователемъ въ квартирѣ заподосрѣванной Л. въ выдвижномъ ящикѣ горки ея, найдены были: запечатанный конвертъ съ надписью О. Н. отъ Г., 4 клочка бумаги съ надписью: продолжать, отказать, ждать и надѣяться убить ее, и клочокъ бумажки съ надписью: милая, милая Люди, если ты намѣрена. По вскрытіи конверта въ немъ оказался порошокъ завернутый въ бумажку и письмо за подписью: Г. Въ письмѣ этомъ Г. писала, что узнавъ о страданіи О. Н. кашлемъ, она совѣтуетъ ей принять посылаемый порошокъ отъ кашля, который дѣйствуетъ прекрасно и семья всегда спасалась отъ кашля благодаря этимъ порошкамъ. Письмо отъ имени Г., надпись на конвертѣ, въ которомъ оно было запечатано и всѣ вышеупомянутые клочки бумаги были признаны произведенною экспертизою черезъ учителей черченія и рисованія Шкитъко и Чиненова написанными Л. Провизоръ, Данцигеръ, видѣвшій этотъ порошокъ на другой день послѣ обыска, обнаружилъ въ немъ 2 стекловидныхъ кристаллика, напоминавшіе ему металлическій мышьякъ и кромѣ того 2 блески, напоминавшія препаратъ испанскихъ мухъ. При изслѣдованіи этого порошка сначала во врачебномъ отдѣленіи Екатеринославскаго Губернскаго Правленія, а затѣмъ въ судебно-медицинскомъ кабинетѣ Императорскаго Харьковскаго Университета, указанныхъ блесковъ и кристалликовъ не оказалось, при чемъ врачебное отдѣленіе не опредѣлило состава порошка, а судебно-медицинскій кабинетъ университета нашель въ немъ смѣсь краснаго фосфора съ семенемъ плауна. По заключенію, данному проф. Патенко и прозекторомъ. Бокаріусъ, фосфоръ вообще ядовитъ, но

въ частности красный не ядовитъ, однако это послѣднее обстоятельство извѣстно лишь химикамъ и техникамъ, плаунное сѣмя не ядовито. Въ аптекахъ по показанію эксперта провизора Даницгера могли выдать за ядъ красный фосфоръ входящій въ составъ спичечной массы, которая раньше была ядовита, такъ какъ приготавливалась изъ желтаго фосфора. Л. по незнанію могла придавать найденному у нея порошокъ значеніе яда, такъ какъ она не скрывала того, что у нея есть ядъ и въ апрѣлѣ 1901-го года указывая своей подругѣ Н. на горку говорила ей: тутъ есть и ядъ, который я стащила у брата Андрея. Андрей Л. былъ въ то время студентомъ Политехническаго института и привозилъ для опытовъ яды. Посылка О. Н. порошка отъ кашля въ сентябрѣ 1901-го года была совершенно умѣстна, потому что О. Н. страдала въ то время кашлемъ и 11 сентября ей было отпущено изъ аптеки Мильтана по рецепту врача С. 12 порошокъ отъ кашля. Г. же оказалась хорошою знакомою О. Н. и потому какъ показала О. Н., она всегда бы приняла этотъ порошокъ, а рукопись Г. ей не была извѣстна, такъ какъ онѣ никогда не переписывались. При осмотрѣ одежды Мурада, въ которой онъ находился въ день совершенія преступленія, а также при химико-микроскопическомъ изслѣдованіи пятенъ ея крови на ней не найдено. Но въ утро происшествія, при задержаніи Мурада, приставомъ П. обращено вниманіе на то, что на правой рукѣ Мурада находится темное пятнышко и онъ указалъ на него врачу С., послѣдній удосто-вѣрилъ, что дѣйствительно на тыльной поверхности кисти въ области большого и указательнаго пальцевъ правой руки Мурада находилось кровавое пятно овальной формы, величиною въ голу-биное яйцо, пятно было нѣсколько стертъ. При обыскѣ въ письменномъ столѣ ротмистра Н. найдены были 3 вышеупомянутыя фотографическія карточки Л., надписи на которыхъ были признаны экспертами по сличеніи почерковъ Шкитыко и Чинено-вымъ принадлежащими рукописи Л. По настоящему дѣлу судеб-нымъ слѣдователемъ были привлечены къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемыхъ Мурадъ М. въ покушеніи на убійство О. Н. а Ма-рія Л. въ подстрекательствѣ къ совершенію этого преступленія. Допрошенный въ качествѣ обвиняемаго 16 сентября 1901-го года Мурадъ сначала не призналъ себя виновнымъ, объяснивъ, что О. Н. стрѣляла въ себя сама въ то время, когда онъ находился въ коридорѣ, если же суконки его оказались на полу въ спаль-нѣ, то лишь потому, что ихъ туда затащила собака, затворялъ ли онъ дверь изъ кухни не помнитъ. 17 апрѣля 1902-го года су-

дебнымъ слѣдователемъ по важнѣйшимъ дѣламъ, у котораго въ то время находилось въ производствѣ это дѣло, былъ допрошенъ въ качествѣ свидѣтеля дядя обвиняемаго Мурада учитель Бей С. З., готовый показалъ, что Мурадъ ему извѣстенъ, какъ человекъ не отличающійся твердостью характера и легко поддающійся постороннему вліянію, что ему извѣстно отъ отца Мурада, что ротмистръ Н. и его любовница Л. подговаривали убить О. Н. ранѣе служившаго у нихъ до Мурада лакея А. и когда послѣдній отказался это сдѣлать и ушелъ отъ нихъ, то ротмистръ Н. выхлопоталъ А. мѣсто кондуктора, хотя тотъ на полученіе этого мѣста не имѣлъ права, что А. боится выдать Н. въ виду того, что обязанъ ему мѣстомъ. Эти данныя приводятъ его З. къ заключенію, что Мурадъ дѣйствительно покушался убить О. Н., но по подстрекательству другихъ лицъ, слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ которыхъ онъ былъ. Вторично допрошенный въ виду этихъ данныхъ Мурадъ призналъ себя виновнымъ въ покушеніи на убійство О. Н., при чемъ объяснилъ, что когда онъ 10 сентября 1900-го года поступилъ въ услуженіе къ ротмистру Н. послѣ слуги А., по рекомендаціи послѣдняго, то А. передавалъ ему, что у Н. есть любовница и что это обстоятельство слѣдуетъ скрывать. Н. жилъ съ женою нехорошо, часто ссорился съ нею и во время ссоръ бросалъ и ломалъ стулья и все это происходило изъ-за того, что барыня упрекала своего мужа въ связи съ Л. Когда Л. лѣтомъ 1901-го года переѣхала на квартиру Н., то распоряжалась дома какъ хозяйка, ѣздила съ Н. на охоту, училась стрѣлять, спала съ бариномъ въ кабинетѣ и Н. былъ очень веселъ. Переѣхавъ къ Н. Л. постоянно бранила передъ нимъ, Мурадомъ О. Н., говорила, что она злая, скупая и что если бы онъ убилъ ее, то она бы дала ему 1000 руб. и кромѣ того по протекціи Н. онъ поступилъ бы оберъ-кондукторомъ и не товарныхъ какъ А., а пассажирскихъ поѣздовъ. Съ этимъ предложеніемъ Л. обращалась къ нему въ теченіе 3 мѣсяцевъ, увеличивъ сумму вознагражденія до 1500 р. и при этомъ говорила, что если барыня будетъ убита, то будетъ этому радъ и баринъ, за котораго она, Л., за тѣмъ выйдетъ замужъ, что у Н. есть 60000 тысячъ руб. Когда же онъ, М., не соглашался, отговариваясь между прочимъ тѣмъ, что онъ не умѣетъ стрѣлять, то Л. говорила, что купить патроновъ и дала для этой цѣли деньги жандарму Л. Л. купилъ въ магазинѣ де-Камилли 50 штукъ патроновъ и ходилъ съ нимъ, Мурадомъ, за Донъ и за Темерникъ стрѣлять. Л. зналъ зачѣмъ онъ учится стрѣлять и говорилъ, что когда будетъ стрѣлять въ барыню, то

чтобы цѣлилъ въ сердце. Л. было обѣщано 300 руб. Л. говорила, что надо убить такъ, чтобы казалось, что О. Н. стрѣлялась сама и потому больше двухъ разъ стрѣлять нельзя. 13 и 14 сентября онъ имѣлъ свиданія съ Л. въ квартирѣ М., гдѣ Л. сообщила ему планъ убійства. Сначала предполагалось совершить убійство 14 сентября, если дома останется одна барыня, но въ этотъ день оставалась дома и дочь Н. Л., почему убійство было перенесено на 15 число. Л. предполагала вызвать дочь къ свидѣтельницамъ Л. о чемъ Л. писала Мураду и записку эту приносилъ къ нему вмѣстѣ съ пирожнымъ и 50 к. денегъ мальчикъ братъ обвиняемой Л. 15 сентября за дочерью Л. Н. зашла Л. и онѣ ушли. Войдя въ спальню онъ затворилъ на замокъ дверь, ведущую изъ спальни въ корридоръ. Стрѣлялъ онъ въ то время, когда потерпѣвшая сидѣла на кушеткѣ и шила рубашку, выстрѣлилъ два раза, бросилъ на полъ ключъ отъ двери коридора, а дверь изъ спальни въ гостиную затворилъ со стороны гостиной. Услышавъ, что на черный ходъ идутъ люди впустилъ ихъ, а самъ поспѣшилъ къ двери гостиной, отперъ ее и безъ шапки поѣхалъ на вокзалъ. Въ спальнѣ онъ долженъ былъ оставить записку написанную Л. о томъ, что барыня будто застрѣлилась сама и просить никого не винить въ ея смерти. Записка эта хранилась въ отдушникѣ печи въ передней, что было извѣстно Л. Содержась въ тюрьмѣ онъ получалъ отъ Л. записки съ просьбою не сознаваться. О томъ же просилъ его и жандармъ Л., посѣщая его въ тюрьмѣ. Л. говорила ему, что числа 7 или 8 сентября она вызывала Л. Н. къ начальницѣ гимназіи, чтобы оставить О. Н. дома одну. Говорила Л. и о томъ, что она подговаривала А. отравить барыню и покупала для этого ядъ, но А. отказался совершить это преступленіе. Это показаніе Мурада въ точности передалъ судебному слѣдователю со словъ М. З. Сознаніе Мурада находясь въ полномъ соотвѣтствіи съ ранѣ добытыми данными предварительнаго слѣдствія, нашло себѣ подтвержденіе еще и въ дальнѣйшемъ ходѣ слѣдствія, предпринятомъ для провѣрки показанія Мурада по сдѣланнымъ имъ указаніямъ. Такъ свидѣтель-жандармъ Л. подтвердилъ, что лѣтомъ 1901-го года онъ дѣйствительно 2 раза ходилъ съ Мурадомъ стрѣлять съ нимъ изъ револьвера одинъ разъ за Донъ, а другой разъ — за Темерникъ. Тоже удостовѣрилъ и другой свидѣтель-жандармъ Ш. показавъ, что лѣтомъ 1901-го года Мурадъ приходилъ съ револьверомъ на станцію и искалъ жандарма Л., чтобы идти съ нимъ стрѣлять. Л. не отрицалъ и того, что ему приходилось покупать патроны

у де-Камилли и помнить, что онъ купилъ лѣтомъ 1901-го года 50 штукъ патроновъ за 1 руб. 50 коп. но не для стрѣльбы съ Мурадомъ, а для ротмистра Б. Б. подтвердилъ это обстоятельство и даже представилъ коробку отъ патроновъ, но по предъявленіи этой коробки де-Камилли послѣдній объяснилъ, что унтеръ-офицеръ покупалъ у него патроны по 50 штукъ не только въ 1 руб. 50 коп., но и перваго сорта въ 2 руб. 50 коп., предъявленная ему коробка отъ патроновъ стоимостью 1 руб. 50 коп. Свидѣтели А. и В. М. подтвердили, что 14 сентября 1901-го года около 5 часовъ вечера въ квартирѣ у нихъ дѣйствительно происходило свиданіе Л. и Мурада, о чемъ послѣдніе говорили, имъ не извѣстно. Вѣрно и то, что Л. всегда имѣла возможность вызвать Л. дочь Н. по телефону отъ имени М., такъ какъ обвиняемая Л. часто пользовалась телефономъ Р., Е. и Б., а о знакомствѣ Л. Н. съ М. ей хорошо было извѣстно. Отдушникъ въ печи передней дѣйствительно имѣется, но въ немъ записки не оказалось, при этомъ было выяснено, что Л. знала гдѣ хранится записка, что печь эту топили двѣ зимы и кромѣ того производилась чистка трубъ. Осмотромъ дѣла Управление Владикавказской жел. дор. о кондукторѣ А. установлено, что онъ поступилъ на мѣсто кондуктора дѣйствительно по просьбѣ о томъ ротмистра Н., рекомендовавшаго А., какъ человѣка преданнаго и честнаго. Хотя А. отказался подтвердить то обстоятельство, что его подговаривали отравить О. Н. и что объ этомъ онъ говорилъ въ августѣ или сентябрѣ 1901 г. въ с. Борсукахъ при чемъ объяснилъ, что въ это время онъ былъ на службѣ въ поѣздахъ, но это показаніе А. во всемъ оказалось опровергнутымъ слѣдующими доказательствами: во-первыхъ, свидѣтельница Ц. удостовѣрила, что А. пользовался большимъ довѣріемъ ротмистра Н., во-вторыхъ, показаніями свидѣтелей: З., М., Т., Д., З. и Б. доказано, что осенью 1901 г., когда разнесся слухъ о томъ, что Мурадъ покушался убить свою хозяйку, то А., находясь въ то время въ с. Борсуковскомъ въ мечети, говорилъ при всѣхъ, что если такой слухъ носится, то это дѣйствительно такъ и случилось, такъ какъ они подговаривали и его дать ядъ хозяйкѣ, но онъ не согласился. Кто такіе они,—А. не объяснялъ и его никто объ этомъ и не спрашивалъ, но всѣ поняли, что онъ говорилъ о своемъ бывшемъ хозяинѣ ротмистрѣ Н. и его содержанкѣ. На вопросъ почему онъ не предупредилъ объ этомъ Мурада А. отвѣтилъ, что не предполагалъ, чтобы Мурадъ могъ согласиться совершить такое преступленіе и кромѣ того не хотѣлъ выдавать чужой се-

мейной тайны, въ-третьихъ, пребываніе А. въ августѣ 1901 года въ селеніи Барсуковскомъ, кромѣ удостовѣренія указанныхъ свидѣтелей, установлено еще показаніями свидѣтелей Б. С. и М. З., видѣвшихъ его въ то время въ сел. Барсуковскомъ, въ-четвертыхъ, изъ отношенія Управленія Владикавказской жел. дор. отъ 23 октября 1902 г. за № 121945 видно, что А. состоя кондукторомъ пользовался отпусками въ 1901 г. съ 30 августа по 3 сентября и бралъ бюллетени съ 27 по 30 августа, съ 5—11, съ 13—20 и 27 сентября по 1 октября, въ-пятыхъ, А. изъ желанія угодить ротмистру Н. вообще старался по настоящему дѣлу скрыть правду и 15 августа 1902 г. послѣ допроса его судебнымъ слѣдователемъ просилъ дядю Мурада Магомета М. посодѣйствовать повліять на Мурада, заставивъ его отказаться отъ признанія объясняя М., что въ случаѣ заявленія Мурада о томъ, что признаніе было у него вынуждено слѣдователемъ можно подать по совѣту Н. заявленіе объ этомъ прокурору и Мурата будетъ освобожденъ отъ показанія. А. совѣтовалъ Магомету М. поѣхать къ Н. и поговорить съ нимъ объ этомъ и передать ему объ этомъ письмо къ Н. по адресу на имя судебного слѣдователя Ч., проживающаго въ одномъ селеніи съ Н., а именно въ Армавирѣ. Письмо это не было послано по назначенію, а было представлено Бей-С. З. судебному слѣдователю производившему слѣдствіе. Въ письмѣ этомъ А. проситъ ротмистра Н. подать Магомету М. совѣтъ, какъ написать прокурору прошеніе и при этомъ приписываетъ, что онъ не забылъ того, что Н. далъ ему кусокъ хлѣба и готовъ для него губить свою душу. Письмо это было признано экспертами по сличенію почерковъ Ч. и Ш. написаннымъ А., въ-шестыхъ, свидѣтели Ч. и Х. не подтвердили ссылки на нихъ А. о томъ, что о дѣлѣ Мурада онъ будто узналъ отъ нихъ впервые и показали, что объ этомъ они нигдѣ и никогда съ А. не говорили. Допрошенная 16 сентября 1901 г. сначала въ качествѣ свидѣтельницы съ соблюденіемъ 722 ст. У. У. С. Марія Л. показала, что она знакома съ семьєю ротмистра Н. 7 лѣтъ, проживала ли она лѣтомъ 1901 г. въ квартирѣ Н. отвѣчать не желаетъ. Что касается найденнаго у нея письма съ порошкомъ отъ Г., то письмо это ей принесъ въ сентябрѣ 1900 г. неизвѣстный ей мальчикъ и просилъ передать его Н., что было написано въ этомъ письмѣ и что въ немъ находилось ей не было извѣстно, конвертъ съ письмомъ она бросила на горку и забыла о немъ, 4 клочка бумаги съ надписями: продолжать, ждать и надѣяться убить ее—написаны ею, но когда и съ какою цѣлью она не знаетъ. Клочокъ бумаги:

милая, милая Люди, написаны не ею, къмъ ей не извѣстно и какъ онъ попалъ къ ней въ ящикъ она не знаетъ. Допрошенная затѣмъ въ качествѣ обвиняемой въ подстрекательствѣ Мурада къ убійству О. Н. Л. не признала себя виновною, объяснивъ, что она, подтверждая данное ею показаніе не отрицаетъ того, что въ теченіе послѣднихъ 5 лѣтъ состояла въ интимныхъ отношеніяхъ съ Н. Мурада она видѣла въ послѣдній разъ въ первыхъ числахъ сентября 1901 г., когда онъ приносилъ ей отъ Н. дичь. Н. она никогда не говорила того, что у нея есть ядъ и у брата Андрея яда никогда не брала. Мурадъ былъ очень злой, онъ могъ стрѣлять въ О. Н. по злобѣ или же въ раздраженіи. Если прислуга Н. иногда слышала крики, то эти крики были отъ болей, которыми страдала Н., что извѣстно врачу Л. Свидѣтель М. Ц. и Д. могутъ удостовѣрить, что супруги Н. жили хорошо, а врачи Москалевъ и В. могутъ доказать: во-первыхъ, что Н. стрѣляла въ себя сама, а во-вторыхъ, что при первоначальномъ допросѣ Н. находилась въ состояніи аффекта. Москалевъ кромѣ того можетъ указать болѣе компетентныхъ лицъ, которыя согласятся съ его выводами. 14 іюля 1902 г. когда врачебное отдѣленіе не нашло въ порошокѣ при письмѣ отъ имени Г. сильно-дѣйствующихъ веществъ, Л. пожелала измѣнить свое показаніе, объяснивъ, что письмо это дѣйствительно она писала, что порошокъ составленъ ею изъ доверова порошка и еще какого-то состава, что письмо и порошокъ она готовила послать О. Н. съ цѣлью посмѣяться надъ ней послать лѣкарство отъ кашля въ то время, когда О. Н. кашлемъ не страдала, письмо это и порошокъ она раздумала послать. Января 1903 г. Л. подала прошеніе въ которомъ указывая на то, что такія раненія, какія получены О. Н., можно получить и при покушеніи на самоубійство, если самоубійца стрѣляла въ себя лѣвою рукою, просила допросить новыхъ экспертовъ-врачей Моргулиса и Арсеньева и оружейнаго мастера де-Камилли и при этомъ приложила свой фотографическій снимокъ, на которомъ она изображена стрѣляющею въ себя изъ револьвера лѣвою рукою. Допрошенные по просьбѣ Л. эксперты и свидѣтели ничего существеннаго для дѣла не внесли, при чемъ свидѣтели показали: М. Ц., что онъ зналъ семью Н. въ 1891 г. до переѣзда ея въ Энескъ и тогда отношенія между супругами были нормальны, бывалъ онъ и послѣ въ Энескъ, но никакихъ ссоръ между супругами не видѣлъ. Д., что онъ бывалъ у Н. только по приглашенію и видѣлъ полную гармонию въ ихъ семьѣ и о связи Н. съ Л. узналъ лишь послѣ покушенія Мурада на жизнь О. Н. Самъ

Н. не скрывалъ передъ нимъ того, что онъ не сомнѣвается въ томъ, что покушеніе на убійство его жены сдѣлалъ Мурадъ, но только не знаетъ по какому поводу. Врачъ Лешкевичъ удостовѣрилъ, что онъ дѣйствительно лѣчилъ Н. отъ болѣи гастралгическаго характера, Н. могла стонать, но стоны эти ничего не имѣютъ общаго съ обыкновеннымъ крикомъ во время ссоръ и потому, какъ не тождественныя, не могутъ быть смѣшиваемыи. Врачъ Васильевъ показалъ, что О. Н. произвела на него впечатлѣніе женщины истеричной, но оказалось, что Васильевъ видѣлъ О. Н. всего только два раза и то на вечерахъ, а не въ день дачи Н. своего первоначальнаго показанія, кромѣ того лица, близко знающія О. Н. въ теченіе лѣтъ 10-ти и болѣе, какъ-то: А., П. и др. удостовѣрили, что она женщина нормальная. Врачъ Москалевъ далъ показаніе лишь о брызгахъ крови, а именно о томъ, что онъ видѣлъ брызги крови на стѣнѣ около купетки и на спинкѣ купетки. Первая группа пятенъ установлена протоколомъ осмотра, а вторая нѣтъ, и Москалевъ, давая показаніе 5 октября 1901 г. о ней не упоминалъ, а заявилъ лишь 1 годъ и 3 мѣсяца спустя 16 января 1903 г. Кромѣ того было установлено, что оба врача-эксперты Арсеневъ и Моргулисъ были выставлены Л. по указанію Москалева и что фотографическій снимокъ, представленный Л. съ изображеніемъ ея стрѣлявшею изъ револьвера въ лѣвый високъ, исполненъ фотографомъ Л. по образцу фотографическаго снимка съ такимъ же изображеніемъ Москалева, при чемъ слѣдствіе установило, что снимокъ свой Москалевъ сдѣлалъ въ фотографіи Л. въ 2-хъ экземплярахъ и потребовалъ при немъ уничтожить негативъ, говоря, что онъ не желаетъ, чтобы кто-нибудь видѣлъ его снявшимся въ этой позѣ. Негативъ былъ уничтоженъ. Врачи-эксперты Моргулисъ и Арсеневъ по предъявленіи имъ всѣхъ данныхъ слѣдствія пришли къ мнѣнію: 1-й изъ нихъ Моргулисъ, что выстрѣлы въ О. Н. были произведены постороннимъ лицомъ, а 2-й изъ нихъ Арсеневъ, что онъ можетъ предполагать и покушеніе на самоубійство. Оружейный мастеръ де-Камилли не могъ быть допрошенъ въ качествѣ эксперта, потому что ранѣе ходатайства Л. былъ допрошенъ въ качествѣ свидѣтеля, при чемъ показалъ, что его Москалевъ подготавливалъ къ дачѣ экспертизы по настоящему дѣлу и по его просьбѣ онъ стрѣлялъ въ цѣль и пули ложились на разстояніи $\frac{1}{2}$ вершка одна отъ другой. При окончаніи слѣдствія къ судебному слѣдователю по важнѣйшимъ дѣламъ поступило 25 февраля 1903 г. заявленіе отъ бывшаго тюремнаго надзирателя Энской окружной тюрьмы К. о томъ, что Л.

сознавалась ему въ подстрекательствѣ къ убійству О. Н. Допрошенный въ виду этого заявленія К. показалъ, что въ октябрѣ 1902 г. онъ оставилъ службу тюремнаго надзирателя. Проживая въ г. Энскѣ онъ часто встрѣчался съ Л., которую хорошо зналъ еще когда она при немъ содержалась въ тюрьмѣ, сблизившись съ Л. когда она была уже на свободѣ, онъ вступилъ съ нею въ половую связь. Во время свиданій съ нею, Л. говорила ему, что вступила въ связь съ Н., будучи еще гимназисткой, сильно любила его и что ей совѣстно и тяжело было остаться въ положеніи любовницы, такъ какъ приходилось устраивать тайныя свиданія и она домогалась того, чтобы стать законною женою Я. Н., для этой цѣли она уговаривала Мурада убить О. Н., но Мурадъ не соглашался, а когда она пообѣщала ему 1000 руб., то согласился. Мурада училъ стрѣлять Л. Говоря объ этомъ Л., добавила: „учили мы дурака стрѣлять, но не научили“. 8 января 1903 г. въ карманѣ кофты Л., явившейся къ нему на свиданіе онъ нашелъ записку, написанную карандашомъ, и затѣмъ по просьбѣ Л. получилъ съ почты письмо до востребованія съ надписью Василию Петровичу Ускову за 10—15 и 20, написанные Мурадомъ. Записку и письмо К. представилъ судебному слѣдователю. По осмотрѣ записки такая оказалась слѣдующаго содержанія: Марія Георгіевна, деньги 80 руб. я получилъ, наставленіе тоже, будьте покойны, я не выдамъ Васъ и себя, не забудьте меня. Въ конвертѣ со штемпелемъ почтовый вагонъ 10 декабря 1902 года оказалось письмо отъ 9 декабря 1902 г., въ которомъ Мурадъ сообщаетъ Л., что получилъ отъ нея 70 руб., что слѣдователю онъ показывалъ, что ее, Л., совсѣмъ не знаетъ, жалуется на то, что отецъ его ругаетъ за то, что черезъ него весь домъ пропалъ, пишетъ, что живетъ отдѣльно отъ отца и долженъ 120 руб. и при этомъ приписываетъ, будь спокойна Марія и не забудь меня, буду ждать отъ Вашей милости, никто мнѣ не поможетъ кромѣ Васъ, Маруся немножко сармакъ, адресъ Вы знаете отъ Мурада М. К. объяснилъ, что Л. искала сблизенія съ нимъ потому, что желала получить это письмо, которое на почтѣ ей не выдавали, кромѣ того она говорила, что ей нужно для этой цѣли человѣчка, но для какой цѣли не сказала. Квартирные хозяева К. Иванъ и Александра С. подтвердили, что къ К. дѣйствительно часто ходила какая-то женщина въ шляпѣ и кофтѣ, но въ лицо они ее не рассмотрѣли и кто она такая не знаютъ. Произведенною экспертизою по сличенію почерковъ черезъ экспертовъ Шкитыко и Чиненова установлено, что какъ записка карандашомъ, такъ и

письмо съ конвертомъ, представленныя К., дѣйствительно написаны Мурадомъ М. По предъявленіи Мураду указанной записки и письма съ конвертомъ, онъ подтвердилъ, что эта записка, письмо и конвертъ дѣйствительно написаны имъ и при этомъ объяснилъ, что вскорѣ послѣ освобожденія изъ тюрьмы его, къ нему въ мѣстечкѣ Н. подошелъ неизвѣстный ему человекъ, спрашивалъ о его дѣлѣ и когда Мурадъ на вопросъ того человека, будетъ ли онъ въ сознаніи, отвѣтилъ: не буду, то далъ ему 70 руб. говоря, что деньги эти отъ Л. и просилъ дать расписку въ полученіи ихъ, которую онъ и написалъ записавъ ошибочно вмѣсто 70 р. 80. Тотъ же человекъ просилъ его написать письмо Л. на имя Василія Ускова и выставить 10, 15 и 20, что Мурадъ и исполнилъ, извѣстивъ Л. о полученіи имъ 70 руб. Слово сармакъ на тюремномъ языкѣ значить деньги. Мурадъ на допросѣ кромѣ того еще объяснилъ, что по освобожденіи его изъ тюрьмы онъ получилъ отъ Л. заказное письмо, въ которомъ была вложена 25 р. кредитная бумажка, письмо это Мурадъ представилъ судебному слѣдователю, изъ осмотра письма выяснилось, что оно отправлено заказною корреспонденціей изъ Энска 19 марта 1902 г. слѣдующаго содержанія: бѣдный Мурадъ, мнѣ тебя очень жаль, что ты напрасно пострадалъ. Злой и проклятый шайтанъ - Давидка тебя погубилъ, но ты не робѣй, стой на одномъ, а сармакъ очень хорошъ я буду писать, а ты молчи, не отвѣчай, Богъ шайтана накажетъ, а ты джигитъ. Мурадъ объяснилъ, что словомъ шайтанъ - Давидка, онъ и Л. условно называли О. Н. Эксперты: Глѣбовъ, Анастасьевъ и Васильевъ, разсмотрѣвъ представленное Мурадомъ письмо, нашли начертаніе отдѣльныхъ буквъ совершенно тождественнымъ съ рукописью Л., а другія буквы—написанными значительно искаженнымъ почеркомъ, такъ что они съ увѣренностью не могутъ сказать, что письмо и конвертъ написаны Л. Свидѣтель Магометъ М. обстоятельство полученія Мурадомъ письма и 25 руб. отъ Л. вполне подтвердилъ. При предъявленіи обвиняемой Л. слѣдствія, она никакихъ заявленій по поводу показанія К. и Мурада и предъвѣленнымъ ими писемъ и записокъ сдѣлать не пожелала. Сдѣланный Мурадомъ оговоръ унтеръ-офицера Л. произведеннымъ слѣдствіемъ не подтвердился. На основаніи изложеннаго житель селенія Б., Терской области, Мурадъ З. М., 17 л. и мѣщанка г. Энска, Марія Л., 23 л. обвиняются: Мурадъ въ томъ, что 15 сентября 1901 г. въ г. Энскѣ, задумавъ заранѣе лишить жизни О. Н., жену ротмистра Я. Н., у котораго въ то время онъ находился въ услуженіи, выстрѣлилъ въ нее 2 раза изъ револь-

вера, причинивъ ей 2. угрожающія опасностью, жизни раны въ лѣвую височно-скуловую область, но преднамѣреннаго не достигъ по обстоятельствамъ отъ него не зависѣвшимъ, такъ какъ означенныя раны оказались несмертельными. Л. въ томъ, что не принимая непосредственнаго участія въ нанесеніи 15 сентября 1901 г. Мурадомъ М. своей госпожѣ О. Н., съ цѣлью лишенія ея жизни 2 огнестрѣльныхъ ранъ, угрожающихъ опасностью для жизни ранъ въ лѣвую височно-скуловую область, просьбами и обѣщаніемъ выгодъ склонила Мурада на совершеніе этого преступленія. Преступныя дѣянія эти предусмотрѣны: въ отношеніи Мурада 9 и 1 ч. 1461 ст. Ул. о Нак., а въ отношеніи Л. 13 и 1 ч. 1451 ст. Ул. о Нак. Вслѣдствіе сего и на основаніи 201 ст. У. У. С. житель селенія Б. Мурадъ Э. М. и энская мѣщ. Марія Л. подлежатъ суду Таганрогскаго Окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Извлеченія изъ отчета газеты „Южный Телеграфъ“ о судебныхъ засѣданіяхъ Новочеркасскаго Окружнаго Суда.

Мы не имѣемъ стенографическаго отчета судебного засѣданія по дѣлу изслѣдуемаго нами „покупенія на убійство жены жандармскаго ротмистра О. Н.“, разбиравшагося въ теченіе нѣсколькихъ дней въ декабрѣ 1904-го года. въ Новочеркасскомъ Окружномъ судѣ, но имѣемъ сохранившіеся №№ газеты „Южный Телеграфъ“ съ отчетами о ходѣ судебныхъ засѣданій¹⁾, которые хотя и не представляютъ точнаго и полнаго изложенія, но все же даютъ достаточное отраженіе дѣйствительности происходившаго на судѣ, а потому и не лишены извѣстнаго фактическаго значенія. Преслѣдуя задачу—доказать несостоятельность гипотезы врачей-экспертовъ, какъ основы обвинительнаго акта и противопоставить всѣмъ косвеннымъ юридическимъ доказательствамъ виновности обвиняемыхъ—данныя объективнаго и врачебно-научнаго изслѣдованія, говоряція лишь въ пользу того, что потерпѣвшая сама виновница произведенныхъ въ нее выстрѣловъ, мы позволяемъ себѣ использовать имѣющійся матеріалъ о судебномъ разбирательствѣ этого дѣла съ нѣкоторыми ограниченіями и выпусками, нисколько не нарушая этимъ общій ходъ и характеръ засѣданій, а облегчая лишь этимъ свой трудъ. Опуская показанія нѣкоторыхъ свидѣтелей и упрощая этимъ нашу работу, мы этимъ отбрасываемъ излишній балластъ нагроможденной массы косвенныхъ уликъ и облегчаемъ себѣ задачу выяснить обнаружившіеся на судѣ дефекты судебного слѣдствія и обстоятельства, которыя должны были вліять на слагавшееся убѣжденіе представителей общественной совѣсти о виновности или невинности обвиняемыхъ, изъ которыхъ одна—учительница Л. въ слезахъ, ужасѣ и отчаяніи протестовала противъ обвиненія, заявляя о своей невинности, а другой—обвиняемый Мурадъ бравировалъ и импонировалъ на судѣ своимъ, какъ выразился его краснорѣчивый за-

¹⁾ „Южный Телеграфъ“ №№ отъ 18, 19, 20 и 21 декабря 1904 г.

щитникъ, „чистосердечнымъ сознаниемъ“ въ своей виновности, заявляя, что онъ жертва соблазна и подкупа со стороны обвиняемой.

На вопросъ г. председателя о виновности обвиняемый Мурадъ „призналъ себя виновнымъ и объяснилъ что, въ 1900-мъ году ему прислалъ письмо А., „прежде служившій лакеемъ у жандармскаго ротмистра Я. Н. мужа потерпѣвшей, — „который вызвалъ его въ городъ..., гдѣ и помѣстилъ въ услуженіе“. „При этомъ онъ говорилъ, что у Я. Н. есть любовница и велѣлъ это обстоятельство держать въ секретѣ. Въ маѣ жена ротмистра О. Н. уѣхала на дачу, а въ квартиру Н. переѣхала Л., которая подговаривала его убить барыню, говорила, что она злая и скверная. Такъ она приставала мѣсяца три. Сначала онъ отказывался, говорилъ, что по ихъ закону нельзя убивать женщину и потомъ, когда это не дѣйствовало, сказалъ, что не умѣетъ стрѣлять. Тогда Л. по телефону вызвала жандарма Л. и сказала, чтобы онъ научилъ его стрѣлять, дала при этомъ деньги на патроны и револьверъ.

Обвиняемая Л. велѣла это дѣло сдѣлать 10 сентября, но я не сдѣлалъ. 7 или 8 сентября, она говорила, что въ этотъ день дочь потерпѣвшей вызоветъ по телефону и дѣйствительно вызвала, но дочь ушла не сама и потому этого не случилось. Если бы барыня не ушла съ дочерью, а осталась одна, то это случилось бы тогда. Пошли туда, тамъ сидѣли, пили чай и обвиняемая Л. сказала: „сегодня подполковникъ уѣхалъ, завтра нужно это дѣло исполнить“.

Затѣмъ обвиняемый Мурадъ даетъ объясненіе картину преступленія, во всемъ сходную съ изложеннымъ въ обвинительномъ актѣ.

Обвиняемая Л. виновною себя не признала.

Защитн. Севастьяновъ ходатайствуетъ о восстановленіи той обстановки, которая была въ комнатѣ, послужившей мѣстомъ преступленія. Прокуроръ заявилъ, что не имѣя ничего противъ этого ходатайства въ его идеѣ, онъ, однако, видитъ, что на практикѣ оно является неисполнимымъ и не только бесполезнымъ, но даже вреднымъ, ибо малѣйшая неточность въ разстояніи, малѣйшая неправильность породятъ ошибочное представленіе.

Окружный судъ ходатайство не уважилъ.

.....
Первой допрашивается свидѣтельница *потерпѣвшая О. Н.*, показаніе которой сводится къ слѣдующему: „11 сентября часовъ

въ 11 утра, она сидѣла въ своей комнатѣ и работала на швейной машинѣ, а затѣмъ, когда нужно было шить руками, пересѣла на кушетку. Она такъ низко наклонилась къ работѣ, что не видѣла, какъ Мурадъ подошелъ и выстрѣлилъ. Послѣ выстрѣловъ, которые произошли такъ, какъ описано это въ обвинительномъ актѣ, она видѣла, какъ Мурадъ вынулъ ключъ, вошелъ въ гостиную, а ключъ бросилъ. Она вышла на балконъ и стала звать на помощь. На зовъ прибѣжали люди, взяли ее, увели въ кабинетъ и тамъ уложили“.

Предсѣдатель. „Вы всегда давали такія показанія или быть-можетъ измѣнили ихъ?..“

Свидѣтельница. „Первое мое показаніе такое. Но затѣмъ, когда мнѣ было такъ плохо, что ни я, ни доктора, ни окружающіе не думали, что я переживу, я, чтобы избавить дочь отъ хлопотъ и тасканія по судамъ, которой и безъ того тяжело, сказала, что стрѣляла въ себя сама, думая, что тогда слѣдствіе прекратится“.

Прокуроръ. „Какъ вы теперь себя чувствуете, плохо?..“

Свидѣтельница. „Да, я не могу спать на лѣвомъ боку, чувствую иногда сильную боль въ головѣ. Мнѣ врачи говорили, что до тѣхъ поръ, пока пуля не будетъ вынута, мнѣ все равно будетъ плохо“.

Прокуроръ. „Вы вотъ сказали, что передъ допросомъ васъ слѣдователемъ въ больницѣ, когда вы измѣнили свое показаніе, пришелъ священникъ. Вы тогда поняли, что онъ пришелъ для привода къ присягѣ, или думали, что онъ явился напутствовать?..“

Свидѣтельница. „Я думала сначала, что онъ пришелъ напутствовать и вотъ, думала, что мнѣ уже такъ плохо и я умру все равно, я для дочери рѣшила сказать неправду“.

Прокуроръ. „Какъ вы сидѣли на кушеткѣ, къ срединѣ комнаты, спиной или бокомъ?..“

Свидѣтельница. „Бокомъ“.

Прокуроръ. „Такъ что Мурадъ могъ подойти къ вамъ сзади?..“

Свидѣтельница. „Да, но какъ онъ подошелъ, я не знаю“.

.....
.....
Гражд. истецъ. „Вы знаете д-ра Москалева?..“

Свидѣтельница. „Знакома“.

Гражд. истецъ. „Съ вашимъ мужемъ онъ другъ?..“

симуляція.

Свидѣтельница. „Особенной дружбы не замѣчала, бывають у насъ, бывають съ мужемъ на охотѣ“.

Гражд. истецъ. „Кто высказалъ въ то время подозрѣніе, что вы пьяны?..“

Свидѣтельница. „Не знаю, но мнѣ передавали, что и эту наглую ложь кто-то говорилъ“.

Гражд. истецъ. „Кто же по вашему мнѣнію подговорилъ М. совершить преступленіе?..“

Свидѣтельница. „Кромѣ обвиняемой Л. никто не заинтересованъ въ этомъ“.

.....
Гражд. истецъ. „Когда въ васъ стрѣлялъ Мурадъ, у васъ въ рукахъ былъ наперстокъ и иголка?..“

Свидѣтельница. „Да“.

.....
На вопросы защитника Севастьянова свидѣтельница возстала, вливая, что она сидѣла на кушеткѣ ближе къ краю, бокомъ, т.-е. почти спиной къ срединѣ комнаты, откуда шель Мурадъ. Затѣмъ подтверждаетъ уже извѣстныя изъ обвинительнаго акта обстоятельства: какъ произведены были выстрѣлы и пр. На вопросъ защитниковъ Л. о самоубійствѣ заявляетъ, что она во-первыхъ слишкомъ любила свою дочь и во-вторыхъ, что она женщина религіозная и потому не могла допустить самоубійства“.

.....
Свидѣтель д-ръ П. „Онъ прибылъ на квартиру О. Н. и засталъ тамъ потерпѣвшую, съ окутанной головой въ первой комнатѣ. Тамъ былъ д-ръ С. и Москалевъ. Въ спальнѣ онъ видѣлъ слѣды крови на кушеткѣ, около нея. Раны онъ не изслѣдовалъ, ограничившись повязками и отправилъ потерпѣвшую въ больницу. О. Н. настаивала, чтобы скорѣе привели дочь, боялась умереть. Кто-то изъ докторовъ высказалъ предположеніе, что выстрѣлы она сдѣлала сама, она, услышавъ это, отвѣтила: „что они врутъ, Мурадъ въ меня стрѣлялъ“. Около второй раны былъ неполный кругъ впѣдрившихся порошинокъ, но если приложить къ первой ранѣ лѣвую руку, то какъ-разъ получается кругъ полный и на лѣвой рукѣ О. Н. оказалась остальная часть недостающаго около раны круга пороховыхъ крупинокъ“.

Присяжн. пов. Федосеевъ. „Не говорилъ ли д-ръ С., отъ кого исходитъ версія о самоубійствѣ?..“

Свидѣтель. „Разговоръ былъ о томъ, что полиція склоняется къ этому мнѣнію“.

Присяжн. пов. Севастьяновъ. „Линія пороховыхъ крупинокъ на рукѣ явилась правильной?..“

Свидѣтель. „Правильность линіи меня и навела на мѣсль, что рукой была закрыта первая рана.“

Присяжн. пов. Севастьяновъ. „Скоро пришла О. Н. въ сознание?..“

Свидѣтель. „Она и не теряла сознания“.

На вопросъ эксперта Царукова свидѣтель добавляетъ, что кромѣ этого у потерпѣвшей была ссадина на ухѣ.

Д-ръ Ст. „15 сентября онъ сидѣлъ у себя въ квартирѣ, находящейся близко отъ квартиры О. Н. Окна въ ней были открыты и онъ услышалъ: „спасите, убиваютъ“. Потомъ его пригласили подать помощь. Онъ видѣлъ, что изъ ранъ и изъ носа было сильное кровотеченіе и занялся останавливаніемъ крови, кромѣ того приказалъ послать за хирургами. Пришелъ д-ръ Москалевъ. Когда онъ, свидѣтель, спросилъ у О. Н., что случилось съ нею, то она сказала, что въ нее стрѣлялъ Мурадъ. Мурада въ это время не было, онъ ушелъ. Я еще сказалъ, какъ же его отпустили, вѣдь онъ можетъ уйти; это же говорила и потерпѣвшая. Потомъ когда Мурадъ возвратился, О. Н., увидя его, сказала: вотъ онъ, онъ стрѣлялъ“.

Присяжн. пов. Федосѣевъ. „При васъ не было высказано предположеніе, что О. Н. сама стрѣляла?..“

Свидѣтель. „Меня вообще удивили дѣйствія полиціи. Ей прямо указывалось, что стрѣлялъ Мурадъ, но его даже не задержали и начали дѣлать предположенія. Потомъ входитъ А. (жандармск. офицеръ) и говоритъ: вотъ несчастъ; это, безъ сомнѣнія, она сама стрѣляла. Я удивился и выразилъ это удивленіе ему, говорилъ, какъ можно, не зная дѣла, дѣлать такія заключенія. Когда пріѣхала сестра и узнала о случившемся, то она сказала: я знаю, кому нужна была смерть сестры“.

— „Не были ли вы возмущены распускаемыми слухами, что потерпѣвшая О. Н. пьяна?..“

— „Да. Поэтому мы обнюхивали ея дыханіе, но запаха спирта не нашли“.

— „Когда заявила О. Н., что въ нее стрѣлялъ Мурадъ, она была въ сознаніи?..“

— „Въ полномъ сознаніи, но была слаба. Сильно много крови она потеряла“.

Присяжн. пов. Севастьяновъ. „Мурадъ въ это время волновался?..“

— „Да, онъ былъ блѣдень, дрожалъ“.

Свидѣтель д-ръ Кр. „Онъ прибылъ вмѣстѣ съ д-мъ П. на квартиру О. Н. и подавалъ первую помощь, а затѣмъ отправилъ больную въ больницу, гдѣ она находилась подѣ его наблюденіемъ. О. Н. сказала, что въ нее стрѣлялъ ингушъ. Затѣмъ показаніе его совершенно сходится съ показаніемъ свидѣтеля д-ра П. Свидѣтель заявляетъ, что лично онъ пришелъ къ заключенію, что раны нанесены были постороннимъ лицомъ“.

Предсѣдатель. „Скажите, была тамъ полиція?..“

— „Да“.

— „Кто?..“

— „Приставъ П., помощникъ пристава Н.“

— „А С. не было?..“

— „Былъ“.

— „Что это за субъектъ?..“

— „Не знаю, онъ былъ помощникомъ пристава“.

— „Не говорилъ ли онъ о томъ, что О. Н. пьяна и что онъ докажетъ, что здѣсь самоубійство?..“

— „Говорилъ“.

.....
Свидѣтель Д. (домовладѣлецъ, у котораго квартировала потерпѣвшая) показалъ то же самое, что и другіе свидѣтели въ отношеніи изображенія картины происшествія, при чемъ добавилъ, „что онъ съ д-ромъ Ст. осмотрѣли костюмъ Мурада, который былъ одѣтъ въ красный азіатскій пиджакъ, на которомъ, какъ равно и на рубахѣ, ничего не было. Мурадъ былъ спокоенъ. Мы удивлялись этому и послали его къ раненой. Онъ также спокойно вошелъ. Ему въ лицо потерпѣвшая сказала, что онъ ее застрѣлилъ. Состояніе у Мурада было угнетенное, но онъ не волновался и не сказалъ въ отвѣтъ на это ничего. На вопросъ присяжн. пов. Федосѣева, въ какой комнатѣ и когда осматривали съ Москалевымъ руки Мурада, свидѣтель отвѣчаетъ, что въ залѣ, послѣ возвращенія Мурада съ вокзала“.

Свидѣтель Б. фельдшеръ. „Ко мнѣ пріѣхалъ Мурадъ и заявилъ, что барыня застрѣлилась. Забравъ перевязочные матеріалы, я поспѣшилъ къ ней. Когда я пріѣхалъ и спросилъ ее въ чемъ дѣло, то она отвѣтила, что въ нее—стрѣлялъ Мурадъ.....“

.....
Старшина присяжныхъ засѣдателей интересуется, почему послѣ этого, какъ Мурадъ выстрѣлилъ, онъ бросился бѣжать на вокзалъ.

Мурадъ. „Мнѣ говорила обвиняемая Л.: когда убьешь, немного

погоди и поиди къ фельдшеру. Побѣжавши безъ шапки, будешь плакать, рвать одежду. Но я этого не сдѣлалъ, а только безъ шапки побѣжалъ“.

Свидѣтель П. „Показалъ то же, что и др. очевидцы картины, когда О. Н. взывала о помощи съ балкона. Но свидѣтель добавилъ, что его звалъ къ себѣ С. (пом. пристава) и говорилъ, что, по его мнѣнію, здѣсь не покушеніе на убійство, а самоубійство, спрашивалъ по этому поводу его, свидѣтеля, мнѣніе. На вопросъ присяжн. пов. Севастьянова свидѣтель отвѣчаетъ, что въ кухнѣ какая-то посторонняя женщина говорила, что Мурадъ не могъ стрѣлять, такъ какъ онъ мылъ полы и высказывалось предположеніе, что застрѣлилась О. Н. сама“.

Свидѣтель Л., бывшій жандармъ, а нынѣ кондукторъ. „Мурадъ прибѣжалъ на вокзалъ безъ шапки, растроенный и сказалъ, что барыня застрѣлилась, и я пошелъ на квартиру, а когда О. Н. отвезли въ больницу, то я остался ночевать“.

Прокуроръ. „Вы доктора Москалева знаете?.. Онъ часто бывалъ у ротмистра Н.?..“

— „Да, они часто ѣздили на охоту“.

При дальнѣйшемъ допросѣ свидѣтеля Л., когда онъ заявилъ, что дѣйствительно ходилъ съ Мурадомъ, который „ввязался“ за нимъ, чтобы пострѣлять револьверомъ по приказанію ротмистра, отрицая, что обвиняемая Л. просила его научить стрѣлять, чтобы подготовить Мурада къ убійству О. Н., подсудимый Мурадъ неожиданно спрашиваетъ:

— „Онъ присягу принималъ?..“

Предсѣдатель. „Да“.

— „А онъ должно говорить, — заявляетъ подсудимый. — Онъ все знаетъ, онъ говорилъ, что нужно стрѣлять барыню въ сердце, а Л. (подсудимая) говорила въ високъ“.

Свидѣтель Л. „Гдѣ у тебя совѣсть?..“

Мурадъ. „Я призналъ себя виновнымъ и врать не буду“.

Свидѣтель Л. „Лопни глаза мои, четверо дѣтей имѣю, чтобъ я не увидѣлъ ихъ, коли это правда“.

Предсѣдатель. „А М — ва тоже неправду говорить, что вы были 14 сентября вмѣстѣ съ Мурадомъ въ квартирѣ?..“

— „Неправду“.

Свидѣтель Лен. „П. говорилъ мнѣ, что Л. подсудимая гово-

рила, что во что бы ни стало добьется стать женою ротмистра Я. Н.“

Свидѣтельница Б—ая. „Я зашла на другой день въ больницу къ О. Н., когда сдѣлана уже перевязка. Тогда она ничего не говорила, а когда выздоровѣла, то говорила, что стрѣлялъ Мурадъ. На вопросъ прокурора: не говорила ли О. Н. вскорѣ послѣ операціи: „не будемъ говорить объ этомъ, я такъ много думала, что прихожу къ заключенію, что стрѣляла въ себя сама“, — свидѣтельница отвѣчаетъ утвердительно. Чтобы стрѣляла О. Н. въ себя сама, свидѣтельница, знаящая потерпѣвшую 15 лѣтъ, не допускаетъ. Она знаетъ ее за женщину въ высшей степени кроткую и религіозную... Удостоверяется, что на предварительномъ слѣдствіи свидѣтельница показала, что О. Н. ѣздила въ Харьковъ для лѣченія (отъ женской болѣзни)“.

.....
Свидѣтель П. „Была ли перемѣна въ настроеніи Л. въ сентябрѣ мѣсяцѣ, я не знаю, мнѣ казалось, что она была грустна, когда ходила по залу съ завѣдующимъ училищемъ. Своею любовью ко мнѣ Л. не навязывалась, я относился къ ней, какъ ко всякой интеллигентной женщинѣ, съ уваженіемъ. Въ виду возникшаго противорѣчія въ показаніяхъ оглашается показаніе, данное на предварительномъ слѣдствіи, въ которомъ онъ показывалъ, что Л. старалась съ нимъ сойтись поближе и присылала даже письмо, въ которомъ говорилось о томъ, что ей необходимо переговорить со свидѣтелемъ наединѣ. Онъ письмо изорвалъ и не отвѣчалъ. Я вынесъ впечатлѣніе, что Л. искала со мною сближенія. Потомъ онъ получилъ отъ Л. двѣ фотографическія карточки, которыя имъ были возвращены. Все, что не сходится съ даннымъ сейчасъ показаніемъ, свидѣтель отвергаетъ. Свидѣтель подтверждаетъ, что онъ никогда не говорилъ слѣдователю о томъ, что Л. искала сближенія съ нимъ и вообще она искала сближенія съ мужчинами“.

Объявляется содержаніе письма Л. къ П., въ которомъ она пишетъ, не надоѣдаетъ ли она своими письмами и посѣщеніями.

По ходатайству защитника Севастьянова устанавливается, что письмо это послано не было и отобрано судебнымъ слѣдователемъ въ квартирѣ обвиняемой Л.

Свидѣт. Бей-С. З. (дядя Мурада). „Я зналъ Мурада съ дѣтства. Онъ былъ кроткаго, податливаго характера, легко поддавался чужому вліянію. Когда М. былъ арестованъ въ Т., я по-

ѣхалъ туда и, добившись свиданія съ нимъ, уговорилъ его сказать правду. Онъ заплакалъ, разрыдался и разсказалъ всю правду. Слѣдователь его успокоилъ и потомъ по-порядку М. разсказалъ всю картину. Свидѣтель передаетъ содержаніе показанія, какое далъ уже Мурадъ. Свидѣтель говоритъ, что М. была дана полная программа дѣйствія и онъ ни на шагъ не отступилъ отъ программы: два раза выстрѣлилъ, какъ было ему приказано, дабы убійство имѣло видъ самоубійства, и бросилъ револьверъ. Въ тюрьмѣ М. получала отъ Л. записки, въ которыхъ она велѣла не сознаваться. Когда ротмистръ... увѣзжалъ 14 сентября, то, позвавъ Мурада сказалъ ему: „ты сдѣлай то, что тебѣ прикажетъ Л. Въ дѣлѣ принималъ участіе какой-то Л., который также принималъ участіе въ подговариваніи М. къ преступленію. На вопросы защитника Петровскаго свидѣтель отвѣчаетъ, что Л., кромѣ общаго мѣста, денегъ, находилась съ нимъ въ сожительствѣ. Л. враждебно относилась къ женѣ ротмистра О. Н., которая для Мурада, по его словамъ, замѣняла ему мать. Рѣшился стрѣлять въ нее, только благодаря увѣщеванію Л., которая обольстила его, угощала, кормила, окружала роскошью. Мурадъ въ деревнѣ стрѣлять не могъ и его училъ стрѣлять, по приказанію Л., жандармъ Л.“

Присяжн. пов. Севастьяновъ. „Вашъ племянникъ, вы говорите, съ вами былъ откровененъ?..“

Свидѣтель. „Да“.

— „Почему же онъ два года отъ васъ скрывалъ про свою связь?..“

— „Не знаю“.

— „Вы любите этого мальчика?.. Вы всѣ мѣры приняли къ тому, чтобы сдѣлать для суда яснымъ, что онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ“.

— „Да“.

— „Скажите, васъ не удивило и чѣмъ онъ объяснилъ, что онъ любя О. Н., какъ мать, нападаетъ на нее?..“

— „Вліяніемъ постороннимъ“.

— „Значитъ онъ могъ сегодня любить и ласкать, а завтра, по наущенію, поднять на нее руки?..“

— „Нѣтъ“.

Защитн. Золотаревъ. „Скажите, свидѣтель, если Мурадъ не признавался въ преступленіи, то почему же вы уговаривали его сознаться. Вы, значитъ, были увѣрены, что онъ сдѣлалъ это?..“

— „Я убѣжденъ былъ, что тутъ постороннее вліяніе“.

Затѣмъ для освѣщенія нѣкоторыхъ обстоятельствъ по постановленію суда публика удалена.

.....
Свидѣт. С-ва. „До этого событія въ сентябрѣ мѣсяцѣ, съ Л. случилась какая-то переменѣна. Она грустила, перестала быть веселой, не шутила, какъ обыкновенно. Какъ-то мы шли изъ училища и Л. говорила, что у брата своего она взяла ядъ и, можетъ-быть, легкомысленно заявила, что если ей будетъ плохо, то она отравится. Л. была увлекающаяся, бойкая, но добрая и отзывчивая. Семья Л. большая, душъ 12 дѣтей. Сначала я знала, что они жили въ лачужкѣ, а потомъ выстроили домъ. У нихъ два подворья, при чемъ въ одномъ почти цѣлый кварталъ. Братья и сестры получили образованіе. О томъ, что нѣсколько близкія отношенія существовали у Л. съ ротмистромъ Я. Н., поговаривали еще когда были въ гимназіи. Получала Л. когда была учительницей 400 руб. Она, кажется отдавала деньги матери, даже будто бы мать у нея отбирала деньги. Что касается нахождения у нея вещей, которыя бы обратили на себя вниманіе и выходили за предѣлы бюджета учительницъ, то у нея была одна брошь, стоящая рублей 100“.

Бей-С. З. выражаетъ желаніе дополнить показаніе.

Защитн. Севастьяновъ обращаетъ вниманіе присяжныхъ заседателей на то обстоятельство, что это показаніе З. даетъ по собственному желанію“.

Въ своемъ показаніи свидѣтель говоритъ о письмѣ, которое адресовано было судебному слѣдователю, а содержало въ себѣ обращеніе къ благодѣтелю, благодѣтелемъ же былъ ротмистръ Я. Н. Письмо это передалъ мнѣ двоюродный братъ Мурада Х. М., которому передалъ А., рукою котораго и написано письмо.

Защитн. Севастьяновъ. „Скажите, значитъ, вы себя считали въ правѣ прочитатъ себѣ письмо. Значитъ, вы преподаете ученикамъ, что если они получаютъ чужое письмо, то оно предварительно должно ими быть прочитано?..“

Предсѣдатель находитъ вопросъ къ дѣлу не относящимся.

Присяжн. пов. Севастьяновъ. „Скажите, вы это случайно къ вамъ попавшее письмо передали по адресу?..“

— „Нѣтъ“.

— „Вы его присвоили?“

— „Нѣтъ. Я въ немъ, въ Х. М., усомнился. Я думалъ, какъ бы это письмо не было во вредъ М. Сначала предполагалось отправить по почтѣ, но М. предложилъ его отвезти“.

Защ. пр. пов. Севастьяновъ. „Значить, вы приняли на себя обязанности почты только не въ пользу адресата и использовали письмо по своему усмотрѣнію“.

Свидѣтель. „Можетъ-быть, я поступилъ не особенно тактично, но въ интересахъ этого страдальца я рѣшилъ поступить такъ. О. Н. я не зналъ. Первый разъ видѣлъ ее здѣсь, когда дѣло было отложено, и во второй разъ—сейчасъ“.

Оглашается актъ осмотра письма. Въ письмѣ обращается А. „къ барыну“, котораго просить написать прошеніе къ прокурору.

.....
Свидѣт. К. б. тюремный надзиратель даетъ показаніе при закрытыхъ дверяхъ.

Свидѣт. А. „Когда я служилъ у ротмистра Я. Н., то туда приходила молодая барышня, гимназистка, такъ продолжалось два лѣта, а на третье—она переселилась на квартиру. Звали барышню Марія. Я писалъ ротмистру... одно письмо, въ которомъ говорилъ, что то, что я будто произносилъ въ мечети относительно покушенія на О. Н., неправда. Писалъ ли въ письмѣ я объ отказѣ Мурада отъ показанія—не помню. Отецъ Мурада просилъ написать ротмистру, чтобы онъ помогъ ему на проѣздъ. Письмо передалъ Магомету М., а адресъ написалъ судебному слѣдователю. Потому это, что я зналъ, что Я. Н. въ хорошихъ отношеніяхъ со слѣдователемъ въ Армавирѣ... Правильно ли сознаніе Мурада—я рѣшительно ничего не знаю. Написалъ письмо по просьбѣ родителей Мурада... О томъ, что случилось покушеніе, я узналъ на ст. Баладжары. Родственники говорили, что Мурада заставили безвинно сознаться и писали письмо Я. Н., чтобы онъ помогъ на проѣздъ. Бей-С. З. человекъ бѣдный. Получали ли они отъ кого на проѣздъ деньги—я не знаю. Живетъ Бей С. З. ничего себѣ, имѣетъ домъ, который изъ туземныхъ приличій не выходитъ. Живетъ на жалованье, которое небольшое... такъ-себѣ, школа... между туземцами собрались устроить, чтобы образовать, чтобъ воровства не было. Предложеніе отравить О. Н. никто никогда не дѣлалъ. Барышня пряталась отъ меня, когда приходилось подавать обѣдъ... Въ Барнукахъ я не былъ и въ мечети ничего не говорилъ“.

Свидѣт. Шеп. „Постоянно, если ротмистръ Я. Н. уѣзжалъ, то непременно я или кто-нибудь изъ жандармовъ дежурилъ ночь, а утромъ смѣнялъ другой. Былъ случай, что я, Мурадъ и барышня Л. сидѣли на балконѣ и я напѣвалъ по просьбѣ Мурада русскую пѣсню. Практическую стрѣльбу производилъ въ присут-

ствіи начальства и выданные намъ 18 патроновъ мы разстрѣлять не могли. Барышня Л., въ то время, когда я пѣлъ, находилась въ залѣ. Что Мурадъ находился въ связи съ Л., мнѣ сообщилъ это слѣдователь, который сказалъ, что Л. состоитъ въ связи съ Мурадомъ и провѣрялъ черезъ меня это“. (Это обстоятельство др. пов. *Севастьяновъ* просить занести въ протоколъ).

Предсѣдатель. „Вы неправду сказали прокурору“.

Присяжн. пов. Севастьяновъ. „Что значитъ неправду. Онъ показываетъ не согласно съ тѣмъ, что записано въ судебномъ слѣдствіи“.

Предсѣдатель (къ присяжн. пов. Севастьянову). „Я прошу васъ сидѣть и молчать, пока я окончу говорить. (Шеп—ву) Такъ вотъ вы сказали неправду прокурору, такъ какъ на судебномъ слѣдствіи объ отношеніи Л. къ Мураду и говорили иное. Вы можете сказать, что или забыли, или говорили тогда неправду, а теперь правду“.

Свидѣт. де-Камилли. „Докторъ Москалевъ доказывалъ мнѣ, что въ случаѣ съ О. Н. было не убійство, а самоубійство. Почему онъ это дѣлалъ, я не знаю. Стрѣльбу Москалевъ разъ производилъ со мной вдвоемъ, а во второй разъ еще нѣсколько врачей. тамъ были: проф. Зѣнецъ, д-ръ Кнаутъ и др. Стрѣльба эта была, такъ сказать, опытами, подтверждающими мысль Москалева, который предлагалъ слѣдователю выяснитъ свои соображенія, показать даже фотографію, но слѣдователь отказался. На вопросъ защитника Севастьянова свидѣтель говорить, что д-ръ Москалевъ пользуется глубокимъ уваженіемъ, имѣетъ громадное состояніе и заподозрѣть его въ заинтересованности нельзя“.

Прочитывается показаніе свидѣт. Л. фотографа относительно снимка д-ра Москалева, которое уже приведено въ обвинительномъ актѣ.

Орд. проф. военно-медицинской академіи Субботинъ, показаніе котораго оглашено, показалъ, что такого рода раны могутъ быть нанесены постороннею рукою легче.

Свидѣт. д-ръ Москалевъ показалъ приблизительно то, что уже извѣстно изъ первой части настоящей статьи, указавъ, что „я заинтересовавшись этимъ дѣломъ... захотѣлъ провѣрить и сталъ дѣлать опыты... при чемъ убѣдился, что разбрасываніе совершенно правильное только на разстояніи 5 сант. На вопросъ предсѣдателя о спеціальности заявилъ, что... сифилидологъ, фотографировался потому, что хотѣлъ печатать по этому вопросу научную статью. Въ опытахъ участвовали проф. Зѣнецъ, д-ра Ха-

налаи и Кнауть... Если револьверъ приставить вплотную, то газы пройдутъ черезъ барабанъ и непременно отпечатаются на рукѣ. То обстоятельство, что Л. снялась такъ же какъ я, объясняется очень просто. Мнѣ казалось безнравственнымъ замалчивать то, что стало мнѣ извѣстнымъ, я все сказалъ Л. и предложилъ ей сняться и представить фотографію судебному слѣдователю. Брызги крови были на стѣнѣ надъ кушеткою...“

Послѣ показанія мною, по предложенію г. предсѣдателя, былъ демонстрированъ на судѣ съ имѣющимся при дѣлѣ револьверомъ способъ фиксированія револьвера у лѣваго виска лѣвою рукою и способъ стрѣльбы правою рукою, когда прорывающіеся пороховые газы черезъ щель барабана могутъ отпечататься въ видѣ пороховой копоти и порошинъ на томъ самомъ мѣстѣ кисти лѣвой руки, которыя обнаружены у потерпѣвшей О. Н.

Свидѣт. бывш. проф. Зынецъ. „Показалъ то же, что и Москалевъ, относительно разбрасыванія порошинокъ. Затѣмъ свидѣтель говоритъ о томъ, что ему передавалъ д-ръ Москалевъ относительно осмотра потерпѣвшей О. Н. и акта, составленнаго по этому поводу. По словамъ Москалева, осмотръ былъ сдѣланъ небрежно, благодаря чему утеряны все тѣ данныя, какія могли послужить къ извѣстнымъ заключеніямъ. Онъ, свидѣтель, былъ съ этимъ согласенъ. На вопросъ гражданскаго истца, не объяснялъ ли д-ръ Москалевъ, приглашая его быть участникомъ опытовъ съ выстрѣлами, причины этихъ опытовъ, научныя ли это были причины или чисто практическія,—свидѣтель отвѣчаетъ, что всякое открытіе науки приносить извѣстныя практическія послѣдствія. Въ данномъ случаѣ онъ говорилъ объ этой исторіи и сказалъ, что онъ убѣжденъ, что здѣсь ошибка, и потому хочетъ опровергнуть обвиненіе на почвѣ научно-экспериментальной и съ этой цѣлью произвести опыты“.

Свидѣт. д-ра фонъ-Кнауть и Халанай. „Показываютъ о томъ же разбрасываніи пороховыхъ крупинокъ“.

Свидѣт. д-ръ Луинъ заявилъ, что „не помнитъ ничего, вслѣдствіе чего ему предоставлено право, для возстановленія въ памяти, составленный по поводу произведенныхъ опытовъ стрѣльбы протоколъ. На вопросы защитника Севастьянова д-ръ Луинъ, по прочтеніи протокола, почувствовалъ себя дурно, отъ духоты въ переполненной публикою залѣ, не могъ... отвѣчать и впалъ въ глубокой обморокъ“.

Свидѣт. помощн. приставъ Б. „По дѣлу о покушеніи на убійство... я ничего не знаю. Но весной или лѣтомъ 1903 г. ко мнѣ

обратился сотрудникъ одной изъ мѣстныхъ газетъ В. съ просьбою подѣйствовать на нѣкоего К. бывшаго тюремнаго надзирателя, который пристаётъ къ Л., требуетъ отъ нея денегъ, грозя въ противномъ случаѣ погубить ее. Л. потомъ заходила сама въ полицейское управленіе, первая, растроенная и заявила, что К. знакомъ съ писцомъ у судебного слѣдователя, отъ котораго получала справки и узнавала о ходѣ дѣла и грозилъ утопить ее, требуя денегъ. На вопросъ защиты, за что удаленъ К. изъ тюрьмы съ должности смотрителя, свидѣтель заявляетъ, что точно не знаетъ, но за что-то нехорошее. Это онъ знаетъ отъ администраціи тюрьмы“.

Защитникъ Золотаревъ (къ свидѣт. К.). „Долго продолжались ваши свиданія съ Л.?“

— „Мѣсяца четыре“.

— „Безпрерывно?..“

— „Нѣтъ, я уѣзжалъ, по мѣсяцу жилъ дома, а потомъ пріѣзжалъ. Встрѣчались по вечерамъ, часовъ въ 9—10, раза по два въ недѣлю. Когда я давалъ показаніе судебному слѣдователю, то мои свиданія съ Л. уже кончились“.

Свидѣт. М—ко. „По выходѣ изъ тюрьмы Л. почти каждый день бывала у меня или я у нея. Чтобы она была знакома съ какимъ-то К.—я не знаю. Она мнѣ также не жаловалась на приставанія какого-либо человѣка, требующаго съ нея деньги. На вопросъ прокурора свидѣтельница говоритъ, что Л. могла уходить на часъ-полтора безъ моего вѣдома. Почему мнѣ замѣтно, что Л. нигдѣ не бывала, это—потому, что по выходѣ изъ тюрьмы Л. вела закрытый образъ жизни. Чтобы въ 9—10 час. вечера Л. не было дома, не случалось, что я могу категорически подтвердить“.

.....
Свидѣт. В—ва. „Я жила у Л. Разъ вечеромъ приходитъ К. пьяный и говоритъ мнѣ, что я прійду въ 11 час. вечера и приказывалъ, чтобы я открыла ему дверь, иначе говорилъ и ты тамъ будешь, гдѣ была она. Но въ этотъ разъ не пришелъ. Затѣмъ приходилъ во второй разъ и спрашивалъ: Марія Г. дома?... я отвѣтила дома.—Позови!—я позвала, Марія Г. вышла въ коридоръ, гдѣ К. требовалъ отъ нея 3000 руб., а то грозилъ представить какія-то письма. Марія Г. сказала: уходите отсюда. Онъ ушелъ“.

.....
Свидѣт. А—ва, смотрительница тюрьмы. „На дворъ во время прогулокъ къ Л. подходилъ постоянно К. По вечерамъ, иногда

Л. кричала: уберите этого мерзавца. Это К. со двора бросалъ въ окно къ К. акацію, камешки. К. ухаживалъ за Л. и надъ нимъ всё смѣялись по этому поводу“.

Присяжн. пов. Севастьяновъ. „Въ тюрьмѣ, скажите, обидно бываетъ, когда какой-нибудь смотритель, да еще въ родѣ К., начнетъ ухаживать?..“

— „Да, обидно“.

— „Такъ что нѣтъ ничего удивительнаго, что Л. обращалась къ вамъ: уберите этого мерзавца?..“

— „Да“.

— „А вотъ еще, не просила она повара обварить кипяткомъ этого мерзавца?..“

— „Да, она говорила, что сама оболъетъ. Я просила начальство не присылать ко мнѣ въ коридоръ надзирателя К.“

— „Вы слышали, что Л. будучи принята въ тюрьму повѣсилась?..“

— „Да, это было до меня. Но мнѣ говорили, что её сняли съ петли“.

— „Значитъ, вы утверждаете, что слышали отъ надзирателя К. о томъ, что Л. повѣсилась и была снята съ петли?..“

Предсѣдатель. „Позвольте, это она все сказала. Зачѣмъ повторяться. Это для усиленія впечатлѣнія что ли?.. Всѣ слышали уже это“.

Присяжн. пов. Севастьяновъ. „Ну, въ своихъ вопросахъ всё мы немножко повторяемся“.

.....
Для опредѣленія разстоянія, на которомъ были произведены выстрѣлы, былъ приглашенъ Мурадъ—обвиняемый, который показалъ: первый выстрѣлъ вотъ такъ, а второй я сдѣлалъ ближе, когда она встала.

Экспертъ Царуковъ опредѣлилъ разстояніе 1-го въ 70 сант., 2-го въ полметра.

Присяжн. пов. Севастьяновъ. „Я обращаю вниманіе гг. присяжныхъ засѣдателей на то чрезвычайно важное торжественное обстоятельство. Убийца, признавшійся въ томъ, что онъ стрѣлялъ въ потерпѣвшую О. Н., говорить, что послѣ перваго выстрѣла О. Н. и встала. Это чрезвычайно важное обстоятельство въ этомъ темномъ запутанномъ дѣлѣ. Это обстоятельство открываетъ для меня многое, что было здѣсь неяснаго“.

Экспертъ оружейный мастеръ Д. заявилъ, „что если револьверъ приставленъ близко, то пороховая копоть съ задняго конца

барабана непременно получится на рукѣ сверху. Если держать револьверъ такимъ образомъ, какъ показываетъ свидетель Москалевъ, т.-е. двумя руками, зажавъ лѣвой рукой револьверъ въ мѣстѣ барабана, то копоть и вытѣряемая порошина при разрывѣ патрона появляется на рукѣ на ладони и нижней части. Соответствуетъ ли пуля револьверу—сказать нельзя, такъ какъ она расплюснута. Револьверъ не подходитъ къ кобурѣ“.

Въ этотъ день судебного разбирательства произошелъ знаменательный въ судебной исторіи инцидентъ. По заявленію присяжн. пов. *Севастьянова* имѣющійся, какъ вещественное доказательство, при дѣлѣ револьверъ былъ предъявленъ обвиняемому Мураду съ вопросомъ г. предсѣдателя: „тотъ ли этотъ револьверъ, изъ котораго стрѣлялъ Мурадъ, покушаясь на жизнь потерпѣвшей О. Н., или же нѣтъ“, и обвиняемый заявилъ суду, что предъявленный ему револьверъ—„не тотъ!..“

Послѣ подтвержденія шестью свидѣтелями этого обстоятельства, что револьверъ, имѣющійся при дѣлѣ, оказался какимъ-то образомъ подмѣненнымъ, г. *предсѣдатель* невольно воскликнулъ: „феноменальное явленіе!..“, а свидѣтель оружейный мастеръ *де-Камилли* заявилъ, что ему въ маѣ мѣсяцѣ, при допросѣ у судебного слѣдователя, предъявлялся револьверъ системы Констабуляри, а этотъ револьверъ „бульдогъ“ почти новый..

Какъ прокуроръ такъ и защитники обвиняемаго и Л. находили возможнымъ продолжать дѣло при выяснившемся этомъ обстоятельстве, при чемъ послѣдніе также нашли „возможнымъ слушать дѣло при этихъ новыхъ выяснившихся дефектахъ судебного слѣдствія, такихъ крупныхъ, какъ замѣна одного револьвера другимъ.“ Присяжные засѣдатели также высказались за продолженіе дѣла.

.....
Свидѣт. потерпѣвшая О. Н. На вопросъ предсѣдателя, откинулась ли она послѣ выстрѣла или что сдѣлала, заявляетъ, что она потеряла сознание и уже не помнила, что было. Очнулась только въ больницѣ.

Присяжн. пов. Севастьяновъ. „Значитъ, вы отказываетесь отъ своего перваго показанія о томъ, что послѣ перваго выстрѣла вы откинулись на спинку кушетки, схватились рукою за рану и въ то время раздался второй выстрѣлъ?“

Потерпѣвшая О. Н. „Нѣтъ, я и теперь говорю. Но я когда схватилась за рану, то потеряла сознание и смутно видѣла, что Мурадъ уходилъ и бросилъ ключъ, очнулась я уже на балконѣ“.

На вопрос *Севастьянова* эксперт-оружейник Д. заявляет, „что порошинки не могут вѣдраться далѣе 6 сант.; конечно, могут нестись и на 15 сант., но онѣ не будутъ вѣдраться, на 70 же сант. ни одинъ револьверъ не даетъ вѣдренія“.

Экспертъ д-ръ Царуковъ. „Скажите, вы, говоря о вѣдреніи, имѣете въ виду стрѣльбу въ доску?..“

Экспертъ Д. „Да“.

Присяжн. пов. Севастьяновъ. „Тогда скажите, самое долетаніе порошинокъ можетъ быть на такое разстояніе?..“

— „Нѣтъ, не можетъ“...

— „Скажите, если первую рану прикрыть рукою и стрѣлять сзади, то что ближе будетъ — рана или рука, и если выстрѣлъ будетъ направленъ сзади, то что получится на рукѣ?..“

— „На рукѣ получится сильный ожогъ и большое вѣдреніе порошинокъ, если будетъ близко; если далеко — то этого не будетъ“.

— „Но если далеко, тогда и вѣдреніе порошинокъ не будетъ?..“

— „Конечно“.

Присяжн. пов. Севастьяновъ. „Я прошу гг. экспертовъ-врачей освидѣтельствовать лѣвую руку потерпѣвшей О. Н.“

Предсѣдатель предлагаетъ г. эксперту изложить свое *significum vitae*. Экспертъ заявляетъ, что онъ уже 20 лѣтъ занимается оружейнымъ дѣломъ и имѣетъ большой опытъ.

.....

Послѣ прочтенія показанія неявившагося на судъ ротмистра Я. Н. старшина присяжныхъ засѣдателей сдѣлалъ такое заявленіе:

„Въ дѣлѣ фигурируетъ нѣкто С. Онъ первый явился въ квартиру Н., говорилъ: „мы докажемъ, что здѣсь самоубійство“, явился къ больной О. Н. въ больницу и, однако, не привлеченъ къ судебному слѣдствію въ качествѣ свидѣтеля“.

Предсѣдатель. „По этому поводу я съ вами вмѣстѣ могу выразить только удивленіе“.

Старшина. „Такъ же почему здѣсь не фигурируетъ Н., который, какъ выяснилось, говорилъ Мураду: „ты все сдѣлай, что прикажетъ барышня“. Мы просимъ спросить подсудимаго, говорилъ ли ему это Н.?“

Мурадъ. „Онъ сказалъ: „ты сдѣлай все, что скажетъ тебѣ Маруся“.

Замѣтчикъ Петровскій просить задать подсудимому вопросъ, какъ понималъ онъ это приказаніе.

Мурадъ на этотъ вопросъ отвѣчаетъ, что понималъ онъ такъ, что *Н.* зналъ объ этомъ дѣлѣ.

По осмотрѣ потерпѣвшей эксперты-врачи дали слѣдующія заключенія:

Д-ръ Калмыковъ: по описаніи слѣдовъ ранъ, остающихся до сихъ поръ болѣзненными, заявляетъ, что общее состояніе здоровья *О. Н.* неудовлетворительно и она даже не можетъ ходить безъ посторонней помощи.

Д-ръ Царуковъ заявилъ то же самое, но добавилъ, что кромѣ слѣдовъ отъ ранъ въ видѣ всосавшихся рубцовъ имѣется на лѣвой рукѣ едва замѣтная при сильномъ всматриваніи при сильномъ свѣтѣ и при сравненіи руки съ другою рукою *тьнь*, сказать о которой что-либо опредѣленное нельзя. На лѣвой ушной раковинѣ слѣдовъ вкрапливанія нѣтъ.

Д-ра Арсеньевъ и Лешкевичъ подтвердили то же самое.

Д-ръ Калмыковъ на вопросъ присяжн. пов. Севастьянова отвѣчаетъ, что *если бы они не знали* о существованіи у *О. Н.* вкрапливанія порошинокъ на лѣвой рукѣ, *то на эту „тьнь“ и не обратили бы вниманія.* ¹⁾ „Во всякомъ случаѣ,—закончилъ экспертъ,—это не имѣетъ ничего общаго съ тѣми вкрапливаніями, которыя имѣются около ранъ“.

Затѣмъ наступаетъ очередь экспертизы по вопросамъ, клонящимся къ тому, самоубійство ли въ данномъ случаѣ имѣется налицо и на скамьѣ подсудимыхъ сидитъ невинная или преступница?

Д-ръ Калмыковъ, ссылаясь на авторитетъ проф. Оболенскаго, говоритъ, что вѣдреніе пороховыхъ осколковъ можетъ быть и при выстрѣлѣ съ разстоянія 80 сент., при этомъ при выстрѣлѣ съ разстоянія съ 3 с. кругъ разбрасыванія порошинокъ будетъ 3 с., съ 11 — 6 с., съ 22 с. 8 — 12 с. и съ 92 с. получится едва замѣтный поясокъ въ 18 сент. *Д-ръ* же *Страстманъ* удостовѣряетъ, что опаленіе происходитъ при выстрѣлѣ съ разстоянія въ 10 с. и вѣдреніе съ 4 с., при чемъ говоритъ, что меньшій размеръ револьвера даетъ большія вѣдренія, наблюдаемая даже съ 79 сент. Какъ много лѣтъ занимающійся судебной медициной по должности, *д-ръ Калмыковъ*, на практикѣ, убѣдился, что женщины при самоубійствѣ весьма рѣдко обращаются къ револьверу. У нихъ — петля и ядъ. Затѣмъ самоубійца, рѣшившійся покон-

¹⁾ Курсивъ автора.

чить, стрѣляетъ въ такое мѣсто, которое, такъ сказать, гарантируетъ успѣшность его намѣренія, обезпечиваетъ приближеніе къ желаемому концу. Такими мѣстами являются високъ, ротъ, лобъ, область сердца, животъ. Но если допустить, что потерпѣвшая О. Н. стрѣлялась и выбрала именно такой неестественный способъ, какой изображенъ на фотографіи Л., т.-е. зажавъ револьверъ въ лѣвой рукѣ и неестественно изогнувъ ее, спустила курокъ правой, то тогда направленіе выстрѣла могло быть перпендикулярно, нѣсколько спереди назадъ, снизу вверхъ, но не сзади напередъ и не сверху внизъ. Кромѣ того убійца, дѣйствующій навѣрняка, приставитъ револьверъ вплотную, а не будетъ его отставлять хотя бы на незначительное разстояніе, но тогда весь зарядъ и вся копотъ и пороховые остатки вошли бы въ каналъ, не давъ никакого внѣдренія ихъ по сторонамъ раны. Здѣсь же каналъ былъ совершенно чистъ.

Но если даже допустить, что она стрѣлялась на разстояніи, и даже тѣмъ способомъ, какой изображенъ на фотографіи, то дуло револьвера будетъ приходиться впереди уха, какимъ же образомъ крупинки попадутъ на ухо? Совокупность этихъ данныхъ приводитъ эксперта къ заключенію, что выстрѣлы были произведены посторонней рукой и что въ данномъ случаѣ имѣется дѣло не съ самоубійствомъ, а съ покушеніемъ на убійство.

Экспертъ добавляетъ, что попаданіе въ одно мѣсто нѣсколькихъ выстрѣловъ не обуславливаетъ умѣнья хорошо стрѣлять и что случайно даже совсѣмъ неумѣющіе стрѣлять и впервые прибѣгающіе къ револьверу попадаютъ въ одно мѣсто даже по движущейся цѣли. Экспертъ, зная расположеніе обстановки комнаты, гдѣ совершено преступленіе, *допускаетъ возможность производства выстрѣловъ если убійца былъ нѣсколько сзади между стѣной и кушеткой* ¹⁾. Выстрѣлъ былъ на близкомъ разстояніи (15 сант.), и объясненію подсудимаго съ указаніемъ того разстоянія, съ какого онъ стрѣлялъ въ О. Н. (70 и 30 сант.), придавать особенную вѣру нельзя, только закоренѣлый преступникъ можетъ явственно помнить: когда, на какомъ разстояніи и при какихъ обстоятельствахъ онъ совершилъ выстрѣлы. То же самое нужно сказать и относительно заявленія потерпѣвшей: сильныя, опеломляющія болевья опущенія не могли дать возможности помнить всѣ тѣ движенія, какія она въ это время сдѣлала.

¹⁾ Курсивъ автора. См. фот. комнаты, въ которой кушетка стояла вплотную у стѣны.
симуляція.

На вопросъ присяжн. пов. Севастьянова экспертъ заявляетъ что выстрѣль могъ быть произведенъ не далѣе 15 сант.

Присяжн. пов. Севастьяновъ. Размѣръ импригнаціи является показателемъ разстоянія выстрѣла. Имѣется импригнація 2—2 съ п. сант. слѣдовательно, по-вашему, выстрѣль произведенъ на разстояніи 3 сант.?

Экспертъ. Да.

Присяжн. пов. Севастьяновъ. Скажите пожалуйста, что говорить Шауэнштейнъ объ обязанностяхъ врача при констатированіи ожога на рукѣ при убійствѣ?

Экспертъ. Въ такихъ случаяхъ рекомендуется обращать вниманіе на самого потерпѣвшаго.

Присяжн. пов. Севастьяновъ. Подтверждаете ли вы выводъ Шауэнштейна о томъ, что неудачные самоубійцы взваливаютъ вину на другого?

Экспертъ. Я не отрицаю, но такихъ случаевъ не припомню.

На вопросъ присяжн. пов. Севастьянова экспертъ отвѣчаетъ, что опаленіе волосъ на разстояніи 70 сант., а именно стрѣльбу въ стоящую О. Н. онъ признаетъ невѣроятнымъ.

Присяжн. пов. Севастьяновъ. Находите ли вы ложнымъ показаніе Мурада?

Предсѣдатель останавливаетъ, а Калмыковъ заявляетъ, что этого не говорилъ и сказать не можетъ. „Но когда защитникъ, задавая вопросы по частямъ въ программѣ объясненій Мурада, экспертъ на всѣ отвѣтилъ: нѣтъ, и защитникъ совершенно сознательно воскликнулъ: „что же есть тогда неложнаго въ его показаніи?!“

Присяжн. пов. Севастьяновъ. Для того, чтобы произвести выстрѣлы въ сторону, обращенную въ уголь, единственный входъ въ которую составляло разстояніе въ 30 сант., то допускаетъ ли экспертъ возможность для Мурада, сократиться до такой степени, чтобы пробраться сквозь такое разстояніе?

Предсѣдатель. Не 30 сант. Экспертъ говоритъ больше.

Присяжн. пов. Севастьяновъ. Изъ акта осмотра видно, что имѣлось единственное свободное разстояніе между стуломъ и кушеткой въ 30 сант.

Предсѣдатель. Г. Калмыковъ говоритъ, что онъ видѣлъ большее разстояніе.

Присяжн. пов. Севастьяновъ. Экспертъ долженъ знать только то, что онъ здѣсь слышалъ.

Предсѣдатель. Нѣтъ, онъ долженъ знать и то, что онъ видѣлъ.

Присяжн. пов. Севастьяновъ. Тогда я прошу освободить д-ра Калмыкова отъ экспертизы, ибо обязанности эксперта и свидѣтеля не могутъ быть совмѣстимы.

Предсѣдатель находить, что Калмыковъ можетъ говорить о томъ, что онъ видѣлъ, будучи пригласенъ въ качествѣ эксперта.

Присяжн. пов. Севастьяновъ. Тогда я прошу занести въ протоколъ, что эксперту предоставлено право ссылаться на то, чего нѣтъ въ судебномъ слѣдствіи.

Предсѣдатель. Запишите въ протоколъ, что этого не было и что г. присяжный повѣренный говорить это отъ себя.

Экспертъ Царуковъ во всемъ присоединяется къ заявленію д-ра Калмыкова, при чемъ заявляетъ, что внѣдреніе пороховыхъ остатковъ у второй раны похоже больше на опаль, что и было основаніемъ къ постройкѣ оной гипотезы, что О. Н., закрывъ первую рану рукой, недостающую часть сегмента круга внѣдрившихся крупинокъ восприняла въ руку; „но давая желательные для защиты отвѣты по частнымъ вопросамъ, ведущимъ къ тому, что если выстрѣлъ дѣлается не въ упоръ, а нѣсколько вкось, то отпечатокъ копоти и внѣдреніе крупинокъ получится не круглое, а съ усѣченнымъ впереди сегментомъ круга или овальнымъ,—никакъ не могъ рѣшиться высказать этого, и сколько защитникъ ни бился, съ полнымъ успѣхомъ подходя съ экспертомъ къ этому разрѣшенію, послѣдній всегда, какъ только приходилось сказать рѣшительное слово—или отрицалъ совершенно неожиданно все ранѣ признанное или изображалъ непонимающаго вопроса“. Благодаря этому, защитнику приходилось биться безъ результата около 2 часовъ, повторяться и въ концѣ-концовъ вызвать слѣдующее замѣчаніе присяжныхъ засѣдателей, обращенное къ предсѣдателю:

— Мы три дня здѣсь сидимъ, утомлены, а защита повторяется въ своихъ вопросахъ и затягиваетъ судебное слѣдствіе.

— Это къ вамъ относится, — обращается г. Севастьяновъ къ предсѣдателю, — ибо я не повторяюсь и если бы повторялся, то вы бы меня остановили.

Экспертъ Царуковъ закончилъ сообщеніемъ, что характернымъ показателемъ близости выстрѣла является не внѣдреніе, а опаль.

Эксперты Арсеньевъ и Лешкевичъ „не допуская возможности при томъ расположеніи обстановки, какая была въ комнатѣ N., зайти со стороны, обращенной къ углу, имѣли въ виду внѣдрив-

шіяся порошинки въ $2\frac{1}{2}$ —3 сант., что показываетъ, что выстрѣлы были произведены на разстояніи 3—4 сант. Мурадъ же показываетъ 70 и 36 сант., при какомъ разстояніи не могло быть ни внѣдренія, ни тѣмъ болѣе замѣченнаго опаленія волосъ, а также допуская возможность производства выстрѣла по тому способу, какой изображенъ на фотографіи, представленной Л. при выстрѣлѣ по которому съ близкаго разстоянія, вслѣдствіе отдачи, съ задней стороны барабана получается напоръ газовъ съ крупинками, которыя могутъ внѣдриться въ той именно части руки, гдѣ и у О. Н.,—пришли къ заключенію, что *здесь имѣемъ дѣло съ самоубійствомъ*“.

Одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей интересуется узнать то обстоятельство, что ротмистръ Н., уѣзжая приказывалъ Мураду исполнить приказаніе Л., которое клонилось къ совершенію убійства жены Н., является ли новымъ обстоятельствомъ въ дѣлѣ или уже было извѣстно ранѣе?

Предсѣдатель поясняетъ, что такое заявленіе Мурадъ впервые сдѣлалъ своему дядѣ З. уже по выходѣ изъ тюрьмы и послѣ того, какъ З. былъ уже допрошенъ.

Защитникъ Петровскій проситъ задать подсудимому Мураду вопросы: получалъ ли онъ отъ Л. какіе-либо подарки? На этотъ вопросъ Мурадъ отвѣчаетъ, что кромѣ 5 руб., полученныхъ въ то время, когда приносилъ дичь, онъ получилъ еще на бешметъ, ситцу на рубашки и одинъ разъ, 3 сентября, пирожное и 50 коп. денегъ, которые ему принесъ мальчикъ вмѣстѣ съ запиской, въ которой сказано было, что нужно совершить „это дѣло“, т.е. убить О. Н. на-дняхъ. Это было тогда, когда О. Н. возвратилась изъ деревни.

Одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей проситъ выяснить то обстоятельство, сохранена ли была по крайней мѣрѣ въ цѣлости та обстановка, при которой совершено преступленіе, если осмотръ не былъ сдѣланъ сейчасъ же, а только черезъ 9 дней?

Предсѣдатель, отвѣчавшій послѣ на почти такой же вопросъ старшины присяжныхъ засѣдателей, что квартира была опечатана и такимъ образомъ въ ней никто не могъ хозяйничать, „даетъ черезчуръ тенденціозное объясненіе, клонящееся къ тому, что обстановка, бывшая при совершеніи преступленія или несчастья, не могла быть сохранена, такъ какъ тамъ, до прибытія полиціи и другихъ властей, находились люди“.

На это старшина присяжныхъ засѣдателей довольно настой-

чиво заявилъ: „да была ли опечатана квартира съ 15 по 21 сентября, когда былъ сдѣланъ подробный осмотръ?“

Предсѣдатель. Была.

Старшина. Ну вотъ это только и нужно.

Затѣмъ по просьбѣ сторонъ, предлагаются нѣкоторые вопросы свидѣтелямъ, предъявляются вещественныя доказательства, читаются акты осмотра и прочія слѣдственныя бумаги.

По дополненіи судебного слѣдствія необходимыми, по мнѣнію сторонъ, данными, въ 10 ч. 35 м. вечера 20 декабря судебное слѣдствіе объявлено было законченнымъ и переходъ къ преніямъ сторонъ отложенъ на слѣдующій день, 21 декабря.

Рѣчи сторонъ. 1)

Рѣчь прокурора.

„Гг. присяжные засѣдатели! Въ данномъ дѣлѣ какъ и во всякомъ другомъ имѣются объективныя доказательства. Такимъ доказательствомъ прежде всего является револьверъ. Одинъ изъ свидѣтелей заявилъ, что этотъ револьверъ не тотъ, который ему предъявлялся на предварительномъ слѣдствіи: это—бульдогъ, а тотъ—другой системы, хотя по калибру и по величинѣ патроновъ онъ совершенно одинаковъ. Возникъ вопросъ, можно ли при такомъ положеніи продолжать слушать дѣло? Но и сторонами и вами самими фактъ этотъ признанъ не имѣющимъ существеннаго значенія, тѣмъ болѣе, что экспертизой установлено, что револьверъ былъ такой же системы и калибра. И это обстоятельство вовсе не говоритъ за то, что тотъ револьверъ былъ негоднымъ, и приписывать ему то, что покушеніе не достигло цѣли, нельзя. Свидѣтель де-Камилли говорилъ, что у того револьвера только дуло было длиннѣе. Но эта разница настолько не существенна и говоритъ во всякомъ случаѣ не въ пользу того, что то орудіе было негодно, ибо, какъ удостовѣрилъ экспертъ, револьверъ, даже меньшій по калибру, но съ болѣе короткимъ дуломъ, производитъ наиболѣе сильный выстрѣлъ. Наконецъ самый вопросъ, тотъ ли это револьверъ или не тотъ—не рѣшенъ окончательно. Показаніе по этому поводу свидѣтеля де-Камилли возбуждаетъ сомнѣніе. Въ протоколѣ его допроса у судебного слѣдователя говорится, что ему предъявленъ былъ „бульдогъ“: это было въ апрѣлѣ; теперь онъ говоритъ, что во второй разъ въ

1) Всѣ рѣчи обвиненія и защиты изложены нами безъ сокращенія и приведены въ томъ видѣ, какъ были напечатаны въ газетѣ „Южный Телеграфъ“.

маѣ, ему былъ предъявленъ констобуляри; тутъ опять имѣется „бульдоговъ“. Другое обстоятельство, породившее сомнѣніе—невывозъ С., который находился въ мѣстѣ происшествія съ самаго начала, у котораго, по его словамъ, имѣлись какія-то доказательства того, что въ данномъ случаѣ имѣло мѣсто самоубійство. Я не могу сказать, почему онъ не вызванъ, такъ какъ это было въ округѣ другого суда. Но если бы показаніе его было существеннымъ, если бы онъ въ самомъ дѣлѣ имѣлъ доказательство того, что здѣсь самоубійство, то его вызвала бы Л. или ея защитники. Но этого нѣтъ и поэтому у него нѣтъ, значитъ, этихъ доказательствъ. Перехожу къ самому главному сомнѣнію: это—невывозъ въ судъ другихъ лицъ, подозрѣніе въ причастности которыхъ къ преступленію возникаетъ не у васъ однихъ. Эти подозрѣнія были на разсмотрѣніи и судебной палаты, но признаки этой причастности признаны недостаточными и потому, слѣдовательно, не было оснований кромѣ подозрѣній, по которымъ однимъ нельзя привлечь къ суду. Я могу сказать, что если бы послѣ разрѣшенія вопроса о виновности или невиновности наличныхъ подсудимыхъ открылась причастность другихъ лицъ, они отъ суда не уйдутъ, поэтому вамъ нужно разрѣшить вопросъ только о наличныхъ подсудимыхъ, нисколько не стѣсняясь этимъ обстоятельствомъ. Остановившаяся на доказательствахъ, г. прокуроръ указываетъ на то, что объясненіе потерпѣвшей О. Н., данное ею непосредственно вслѣдъ за происшедшимъ событіемъ и поддерживаемое ею здѣсь на судѣ, совершенно отвѣчаетъ признанію Мурада. Выяснивъ затѣмъ мотивы преступленія, руководимые преступниками, и причастность къ дѣлу Л., онъ говоритъ, что это признаніе Мурада опасно для Л. и она старается доказать, что здѣсь не было убійства, а было самоубійство. Констатируя фактъ, что экспертиза пришла въ діаметрально-противоположнымъ выводамъ, обвинитель говоритъ, что врачъ Калмыковъ явился сюда по обязанности службы, не заинтересованный исходомъ дѣла. Не останавливаясь на мелочахъ, говоритъ далѣе обвинитель, я предоставляю разобратъ въ экспертизѣ вамъ и скажу только, что къ выводамъ первой группы присоединился профессоръ Субботинъ. Вторая группа вызвана по просьбѣ Л. и отъ нихъ я не могу отдѣлить вызывавшагося свидѣтелемъ доктора Москалева, который еще на квартирѣ Н. такъ легко и скоро рѣшилъ, что здѣсь самоубійство, а не убійство. Онъ затѣмъ составилъ научный трудъ, но насколько трудъ этотъ вѣскій, нужно знать, какими пользовался онъ матеріалами. Насколько же внимательно относился онъ къ из-

ученію обстановки, судите изъ того, что онъ не замѣтилъ сначала второй раны и узналъ о ней только тогда, когда ему объ этомъ сказалъ г. Ставскій. Но кромѣ этого легкомысленнаго, а не обдуманнаго и аккуратнаго отношенія для меня является страннымъ что горячее участіе въ дѣлѣ д-ра Москалева. Онъ это участіе объясняетъ теоретическимъ, но снимокъ его въ позѣ возможнаго выстрѣла, при чемъ желаніе уничтожить негативъ и другія данныя меня невольно заставляютъ обратить вниманіе на тѣ показанія свидѣтелей, которыя говорятъ о пріятельскихъ отношеніяхъ его къ Н. Этимъ и объясняется его увлеченіе, которое для меня является несомнѣннымъ. Наконецъ, во второй группѣ экспертовъ находится врачъ Л., служащій на Владикавказской желѣзной дорогѣ, гдѣ служить и Н. Указавъ затѣмъ на ту неестественность, которая рисуется экспертами второй группы, обвинитель остановился на томъ поведеніи потерпѣвшей О. Н. до случая, во время и послѣ происшествія. О. Н. собиралась уходить изъ дома, о чемъ писала Г., шила рубашку, что доказываетъ находившійся у нея на рукѣ наперстокъ и сломанная игла, наконецъ г. обвинитель не допускаетъ картины самоубійства при постороннемъ. Если даже скажутъ, что это сдѣлано было для того, чтобы симулируя покушеніе взвести вину на Мурада, тогда затѣмъ же эта неестественная поза, затѣмъ второй выстрѣлъ да еще въ такую область, куда легче всего нанести смертельную рану? Эти предположенія, по мнѣнію обвинителя, не вяжутся ни съ обстановкой, ни съ положеніемъ О. Н., ни съ поведеніемъ Мурада, не оказавшаго помощи своей госпожѣ. Могутъ сказать, что О. Н. сама говорила это, но я обращаю вниманіе, при какихъ обстоятельствахъ сдѣлано это показаніе. Но не довольно ли доказывать то, чего не было, когда здѣсь есть сознаніе подсудимаго. Вѣроятно, и это сознаніе будетъ оспариваться, но оно согласно съ тѣми данными, которыя добыты изъ другихъ источниковъ. Мурадъ говоритъ о вызовѣ по телефону дочери потерпѣвшей, говоритъ о свиданіи у М—ой, что установлено свидѣтелями. Определенное Мурадомъ здѣсь на судѣ разстояніе, съ котораго имъ произведены выстрѣлы, противорѣчитъ тѣмъ выводамъ экспертовъ, тѣмъ показаніямъ науки, которые устанавливають разстояніе въ 3—4 сант., онъ показалъ, что разстояніе было значительно больше, но Москалевъ сказалъ уже, что онъ не могъ помнить такъ точно это обстоятельство. Да это обстоятельство никакого значенія имѣть не можетъ и никакъ не можетъ составлять того даже торжественнаго, какъ выразился защитникъ Л., обстоятельства. Въ числѣ объек-

тивныхъ доказательствъ имѣются еще четыре листочка бумажки съ загадочными надписями: „продолжать“, „отказать“, „ждать и надѣяться“ и „убить ее“, свернутые въ трубочки на-подобіе лотерейныхъ билетовъ. Первые двѣ надписи являются непонятными, что продолжать и кому отказать. Продолжать ли отношенія къ П. или отказать Н., зато остальные совершенно понятны: „ждать и надѣяться“ и „убить ее“. Вытянула ли она послѣднюю бумажку неизвѣстно, но извѣстно, что она рѣшилась на это, ибо ждать и надѣяться ей было некуда. Въ дѣлѣ, наконецъ, имѣется хотя внѣ-судебное сознаніе Л., удостовѣренное свидѣтелемъ К. „Къ показанію этого свидѣтеля я подхожу съ крайнею осторожностью. Слишкомъ уже много грязи окружаетъ имя г-жи Л., чтобы повѣрить еще и тому, о чемъ такъ свободно говорилъ здѣсь К.“. Но тѣмъ не менѣе, хотя К. выступилъ по собственному желанію однако съ большими основаніями. Если все что онъ говоритъ неправда, то откуда тогда у него письма Мурада, писанныя безъ сомнѣнія послѣднимъ. Эти письма служатъ неопровержимой уликой противъ Л. и относительно ихъ Л. не даетъ никакихъ объясненій. Всѣ эти данныя приводятъ меня къ тому, чтобы признать обоихъ подсудимыхъ виновными. Хотя преступленіе и совершенно кажется на романической подкладкѣ, но это только кажется; было ли оно корыстнымъ и корысть для Мурада лежала въ общаніи Л. Для Л. оно не было тѣмъ, когда любимый человѣкъ ускользаетъ; ей не нужно было удерживать Н., давно ею уже отнятаго отъ его жены. Мурадъ принесъ сюда раскаяніе. Л. же не сознается и думаетъ ввести судъ въ заблужденіе. Но вы покажите ей своимъ приговоромъ, что нельзя изъ-за призрака собственнаго счастья распоряжаться жизнью другихъ людей.“

(Рѣчь прокурора длилась 1 час. 35 м.).

Рѣчь представителя гражданскаго истца присяжн. пов. Федосѣва.

„Гг. присяжные засѣдатели! Моя роль въ процесѣ—роль особенная. Я выступаю въ защиту интересовъ потерпѣвшей. Мы бы не искали тѣхъ 10 рублей, которые поставлены въ нашемъ требованіи, если бы вокругъ имени моей довѣрительницы не была распространена клевета о томъ, что О. Н. сама въ себя выстрѣ-

лила. Если бы не было этой легенды — это мѣсто было бы свободно. А теперь я пришелъ освободить ее отъ клеветы. Легенда эта пришла съ легкой руки С., поддержана Москалевымъ, родила здѣсь цѣлую экспертизу, ничего общаго съ данными науки, ни съ обстоятельствами дѣла не имѣющую. Ложь на душу потерпѣвшей О. Н. заставили взять желаніе не оставлять дочери въ наслѣдство тяжелаго процесса и дать то счастье, котораго не достигла въ жизни сама. Эта ложь была святая. Несомнѣнно. Вотъ почему О. Н. тяжело больная, почти умирающая сказала, что она сама въ себя стрѣляла. Докторъ Москалевъ говорилъ, утверждалъ, что здѣсь самоубійство, производилъ опыты... Но что это за опыты? Для него достаточно было поднять ватку съ раны, взглянуть на ингуша, чтобы убѣдиться и повѣрить телефонному сообщенію Д. о самоубійствѣ. Каковъ глава секты, такова и паства. Врачи Арсеньевъ и Лешкевичъ съ самаго начала заявили, что они не специалисты, когда-то служившіе въ земствѣ. Они слѣдовали по пути Москалева односторонне, закрывая глаза на все, что не подходило къ ихъ убѣжденіямъ. Поэтому не слѣдуетъ вамъ итти по дорожкѣ проторенной Москалевымъ и слѣдуетъ пойти по тому пути, который открытъ другими экспертами, за которыми и опытъ и научный авторитетъ и, самое главное, что за ними всѣ обстоятельства дѣла. Я невольно вспоминаю ту смѣшную позу, въ которой экспертъ А. показывалъ способъ самоубійства. Нужно быть гимнастомъ, нужно быть клоуномъ въ циркѣ, чтобы совершить въ такомъ положеніи выстрѣлъ. Можетъ быть въ будущемъ при стремительномъ прогрессѣ жизни и науки она намъ и дастъ нѣчто подобное, можетъ быть тѣ же Шауэнштейнъ и Арсеньевъ, специалисты по общей терапін, дадутъ подобные научные случаи, но пока этого нѣтъ. И нужно остановиться на экспертизѣ Калмыкова и Царукова. Мурадъ сознался, рассказавъ, какъ онъ совершилъ преступленіе и кто его побудилъ. Л. не сознается. Л. принадлежитъ къ тѣмъ натурамъ, которыя не знаютъ преградъ къ достиженію своихъ намѣреній. Она стремилась выйти изъ той обстановки, въ которую безжалостно поставила ее жизнь. Она хотѣла выйти изъ той комнатки свиданій, изъ той обстановки, состоящей изъ таза, умывальника, кушетки и сундучка. Она стремилась къ другой обстановкѣ, всѣмъ сердцемъ стремилась къ семейной жизни. Я не скажу, что Л. она желала изъ корысти, нѣтъ, она могла полюбить его. И вотъ эта натура, не имѣющая сдерживающаго стимула, котораго не дали ей ни воспитаніе, ни гимназія, ни собственная мамаша, знающая о связи и не гну-

шающаяся принимать отъ Н. подарки въ видѣ картофеля, капусты и другихъ предметовъ домашняго обихода, задумала и совершила то, что ей было необходимо для устраненія единственнаго препятствія къ достиженію всего того, къ чему такъ страстно стремилась.

Вашъ приговоръ, гг. присяжные засѣдатели, долженъ быть соединеніемъ велѣній вашего ума и помысловъ сердца. Если вы прочтете здѣсь на стѣнѣ „правда и милость да здравствуютъ въ судахъ“, то я скажу вамъ, что правда безъ милости суда, а милость безъ правды—не правда. Если вы оправдаете подсудимыхъ, то они уйдутъ съ сознаниемъ, что Богъ наказаль „пайтана-Давидку“, а они, обвиняемые—джигиты.“

Рѣчь защитника Мурада присяжн. пов. Петровскаго.

„Гг. присяжные засѣдатели! Какъ я открываю эту рѣшетку, заключающую меня здѣсь и мѣшающую мнѣ свободно двигаться, такъ мнѣ хотѣлось бы сдѣлать, чтобы между мною и вами не было ничего такого, что мѣшало бы намъ соединиться, слиться. Когда я только прочиталь обвинительный актъ, я еще тогда поняль гдѣ правда; хотя тамъ она и не вся и затемняется она, какъ и здѣсь, когда появляются нѣкоторые персонажи. Когда говорятъ К. С. Л... Какъ Мефистофель въ „Фаустѣ“ всегда сопровождается пламенемъ, такъ здѣсь при появленіи этихъ господъ у насъ вспыхиваетъ нѣкоторое чувство, мѣшающее свободно отдаться сужденію этихъ двухъ подсудимыхъ. Гораздо труднѣе, почти невозможно, удержать удивленіе по другому еще поводу. Прокурора не смущаетъ, что на скамьѣ подсудимыхъ маловато народу. Онъ говоритъ, что разъ судебное начальство нашло, что они не должны занять этого мѣста, то такъ и должно быть и успокаиваетъ, что и послѣ окончанія дѣла объ этихъ подсудимыхъ въ случаѣ если обнаружится причастность тѣхъ другихъ къ этому дѣлу, они не уйдутъ отъ суда. Но это мало утѣшаетъ. У насъ остается, торчить передъ глазами эта пустота и вы взглядывая на скамью подсудимыхъ, думаете, неотвязно: „не всё!“ Но обратимся къ этимъ подсудимымъ, обратимся къ Мураду М. Преступникъ ли это сознательный, или дѣйствующій подъ давленіемъ чужой воли. Актеръ ли это сознательно относящійся къ

своей роли, или это маріонетка, кукла которую дергаютъ за нитку за кулисами; музыкантъ ли это, разыгравшій по собственному почину эту уголовную фугу, или ее разыграли въ четыре руки другія лица?.. Мою задачу облегчаетъ сознаніе М. Я ему повѣрилъ и повѣрилъ ему во всемъ. Меня печалитъ, что система моей защиты идетъ въ разрѣзъ съ желаніями моихъ почтенныхъ товарищей, но это еще такъ еще не смущало бы меня какъ то, что это отразится на положеніи подсудимой. А ея положеніе сейчасъ тяжело, она переживаетъ сейчасъ ужасныя минуты. Трудно оправдывать преступленіе такое, какое совершилъ М.—покушеніе на жизнь, да еще съ такими мотивами какъ корысть. Но я знаю, что вы судите не преступленіе, а человекъ и этимъ задача моя облегчается. Описавъ жизнь полудикаго мальчика Мурада въ родномъ аулѣ, защитникъ переносится съ нимъ въ „городъ N.“, гдѣ онъ, по словамъ защитника, чуть было не погибъ. Я говорю чуть было, такъ какъ сознаніе его я привѣтствую какъ правдивое спасеніе. Перенесенный въ шумный городъ изъ далекаго аула полудикарь, но съ хорошими задатками былъ отравленъ съ самаго начала. Ему при самомъ поступленіи А. говорилъ, что у барина есть любовница и что это нужно скрывать. Мальчикъ, быть можетъ, не знавшій, что существуютъ на свѣтѣ кромѣ женъ еще и любовницы, съ самаго начала былъ отравленъ ядомъ лжи. Появившись въ домѣ полковника N. онъ видитъ сильнаго, властнаго полковника, который повелѣваетъ, передъ которымъ все дрожитъ и смиряется, полковника, который на всѣхъ кричить... видитъ его жену, которая ничего величественнаго и красиваго изъ себя не представляетъ, съ которой обращаются скверно, и видитъ что жизнь вся въ домѣ ужасная, тоскливая и гнетущая. И видитъ, что когда появляется другая—все въ домѣ радуется, веселится и самъ властелинъ дѣлается веселымъ и радостнымъ. N. не пойдетъ въ сравненіе съ ласковой, доброй и веселой Л. И вотъ эта добрая, ласковая и веселая Л. внушаетъ ему, что эта, другая женщина, злая, скверная; она мѣшаетъ тому чтобъ въ домѣ постоянно было весело и радостно, ее нужно убрать. Это не для нея одной нужно, это нужно и барину. А ты! Посмотри чѣмъ ты будешь тогда!.. Ты сейчасъ что?—мальчишка, ингушъ... а тогда ты будешь кондукторомъ, оберъ-кондукторомъ и не на товарныхъ поѣздахъ, а на пассажирскихъ. Если слово „кондукторъ“ звучитъ такъ важно для подсудимаго, то оберъ-кондукторъ звучитъ такъ гордо. Да мало еще этого, ему предлагаютъ тысячу, полторы тысячи рублей... Послѣ трехмѣсячнаго от-

каза, нежеланія, его убѣждаютъ, уговариваютъ, что и опасности тебѣ нѣтъ никакой, ибо мы сдѣлаемъ такъ, что докажемъ, что она сама себя убила, вотъ тебѣ и записка, которую ты положишь потомъ на столѣ... Представивъ дѣло такъ, его съ одной стороны соблазнили перспективой счастья, а съ другой стороны увѣрили въ полной безнаказанности. И вотъ я снова спрашиваю: злодѣи ли подсудимый, или онъ человѣкъ безъ собственной мысли, съ вынужтой волей? Этотъ неразвитый полудикій ингушъ, котораго одинъ изъ экспертовъ называлъ идиотомъ и того-то, что говорилъ ему, не сумѣлъ сдѣлать какъ слѣдуетъ. Прежде всего онъ забылъ про записку и вмѣсто того, чтобы положить ее на столъ, спряталъ въ отдушникъ въ печи, онъ не бросился съ притворнымъ участіемъ къ О. Н., а ходилъ спокойный, неизвѣстно для чего заперевъ дверь въ гостиную... Чистосердечное ли его сознание? Защита старается навязать, что оно вынуждено дядей его. Учитель Э. заслуживаетъ всякаго уваженія. *Странно, конечно, почему этотъ дядя принималъ мѣры чтобы засадить на скамью подсудимыхъ своего племянника, котораго онъ любитъ, распечатывалъ письма, представлялъ судебному слѣдователю ¹⁾...* Зачѣмъ, во имя чего онъ это дѣлалъ? Да во имя той правды, которая живетъ въ сердцѣ учителя! Что же могло побудить Мурада къ ложному сознанию. Тутъ уже нѣтъ оберъ-кондуктора... Значить можно предложить деньги... Но это нужно установить, а мы имѣли указанія на деньги, не только исходящія не отсюда (жестъ въ сторону потерпѣвшей О. Н.). Ему предлагали полторы тысячи рублей и дали въ задатокъ пять цѣлковыхъ, впрочемъ еще угостила пирожнымъ. Эта смѣшная подробность, доказывающая мальчишескій характеръ Мурада: его наканунѣ убійства закармливаютъ пирожными и онъ готовится совершить убійство за обѣщаніе сладости. Есть указаніе еще на одно обстоятельство, которое могло имѣть на Мурада громадное значеніе. Это—любовь. Я не хочу и не буду говорить, что въ своихъ отношеніяхъ къ Л. онъ стоялъ слишкомъ близко. Но если онъ только былъ влюбленъ, то дикарь влюбленный далеко идетъ.

Нѣтъ, говорю я, несознательный это преступникъ, преслѣдующій свои цѣли. Цѣли преслѣдовали другіе, дѣйствовавшіе имъ какъ орудіемъ, другіе, для которыхъ нужна была смерть потерпѣвшей О. Н., эти люди, эти сверхъ-человѣки. Но зачѣмъ же они

¹⁾ Курсивъ—автора.

вынули душу у Мурада, зачѣмъ загрязнили ее? Почему если они любили, если имъ кто-либо мѣшалъ, почему они сами не сдѣлали этого, если умъ ихъ затемнѣнъ былъ страстью? “

Рѣчь защитника Л. присяжн. пов. Севастьянова.

„Гг. присяжные засѣдатели! Чрезвычайно рѣдко защита была въ такомъ тяжеломъ положеніи, какъ сейчасъ. Послѣ представителя интересовъ государственной власти, въ рѣчи котораго исчерпаны всѣ обстоятельства обвиненія, послѣдовали двѣ рѣчи, не имѣющія ничего общаго съ интересами государства. Тутъ была вылита вся та грязь, которая собиралась въ теченіе двухъ лѣтъ этимъ процессомъ. Въ этомъ процессѣ красной и синей нитью проходятъ двѣ фразы. О. Н. раненая, почти умирающая произнесла первую изъ нихъ, обращенную къ одной изъ свидѣтельницъ въ этомъ процессѣ. Фраза эта: „я могу умереть и потому знай, что меня подстрѣлили Мурадъ“. И другая фраза—это фраза сыщика, опытнаго человѣка, сыщика, который посмотрѣлъ и сейчасъ сказалъ: „да, здѣсь, очевидно, самоубійство и мы это докажемъ“. И вотъ эта послѣдняя фраза инкриминируемая намъ два года и наводится даже на показаніе представителей науки. Но не всѣми такъ принято сообщеніе С. Зерно, зароненное имъ, упало на благотворную почву явившагося на первую помощь д-ра Москалева. Этотъ человѣкъ, уважаемый, богатый, независимый, пользующійся почетомъ, смущенный фразой С., обращаетъ вниманіе на Мурада и говоритъ ему: „оправдайся, на тебя говорятъ, что ты стрѣлялъ“. Тотъ конфиденціальнымъ тономъ, какъ всякій слуга, говоритъ: „да вѣдь барыня сами стрѣлялись“.

Экспертизой установлено, что кровь заливала всю комнату, била фонтаномъ, лилась на балконъ и даже съ балкона на улицу и нѣтъ ни одной капли на одеждѣ Мурада. Узнавъ объ этомъ загадочномъ преступленіи, городъ раздѣлился на два лагеря. Одни говорили, что здѣсь убійство, другіе утверждали, что здѣсь самоубійство. Тяжелое гнетущее чувство испытывали всѣ. Но вотъ городъ успокоился, когда узналъ что О. Н. призвавъ священника и подъ присягой торжественно признала, что она стрѣляла въ себя сама. Она сказала, что чувствуетъ, что умираетъ, и потому хочетъ сказать правду. „Садитесь, сказала она слѣдователю, я

вамъ все скажу. Я стрѣляла въ себя сама. Вотъ вамъ правда, только не спрашивайте меня больше, мнѣ тяжело“. Вздохнули всѣ облегченно. И вотъ эта женщина, религіозная, подь присягой, подавая руку судебному слѣдователю, говорить, что было навѣяно опытными глазами сыщика. Но затѣмъ, когда она выздоровѣла, она отказалась отъ этого своего показанія. Въ этомъ дѣлѣ слѣдствію приходилось трудно. Противорѣчія создавались на каждомъ шагу, созданы они были и сестрой потерпѣвшей П. Немедленно по приходѣ на мѣсто происшествія она сказала: „я знаю, кому это нужно“. Значить, кому-то было нужно.

Однако цѣлый годъ прошелъ и ничего не было. Нужно было цѣлый годъ для того, чтобы привести непосредственнаго дикаря Мурада къ сознанію. Но на-ряду со слѣдствіемъ шла другая благородная работа. Работа эта производилась докторомъ Москалевымъ, который явился сюда не съ такимъ багажемъ какъ прославленный докторъ Калмыковъ, который пришелъ съ мнѣніемъ одного ученаго, да и то говорящаго не въ пользу его выводовъ. Чѣмъ больше д-ръ Москалевъ занимался изслѣдованіемъ, тѣмъ больше онъ убѣждался, что онъ правъ. Онъ едѣлался притчей во языцѣхъ, всѣ говорили что онъ помѣшался на этомъ дѣлѣ. Да онъ помѣшался какъ Галилей, который передъ соборомъ сотенъ епископовъ упрямо говорилъ „она вертится“ и, сожженный на кострѣ, онъ все-таки оставилъ истину, что она вертится, а епископы были покрыты позоромъ. И д-ръ Москалевъ, не ссылаясь на свою практику, какъ д-ръ Калмыковъ, забывшій совсѣмъ недавній фактъ самоубійства дѣвушки изъ ревности у самыхъ воротъ городской больницы, которую вскрывалъ тотъ же Калмыковъ, фактъ бывшій только въ прошломъ году, облетѣвшій всѣ газеты и забытый только д-ромъ Калмыковымъ, приписывающимъ женщинѣ ядъ и веревку, какъ единственные способы самоубійства. Но надъ Москалевымъ смѣются, онъ, говорятъ, сумасшедшій... Но онъ не самъ. Онъ выбираетъ почетныхъ людей, связанныхъ профессиональной клятвой и порядочностью и съ ними производитъ опыты, онъ доказываетъ, что все имъ не подстроено, а дѣйствительно такъ. Д-ръ Калмыковъ призналъ, что вкрапливанія показываютъ о томъ, что выстрѣлъ произведенъ на разстояніи 30 сант. Затѣмъ защитникъ подробно останавливается на вкрапливанія на рукѣ, ухѣ и доказываетъ, что выстрѣлъ былъ произведенъ самой О. N.

Другая фраза „помни, что это сдѣлалъ Мурадъ“ развилась здѣсь и закончилась приглашеніемъ повѣреннаго для того, чтобы

онъ здѣсь доказалъ то же. Одного государственнаго обвинителя оказалось мало. Я не говорю о злобности потерпѣвшей О. Н., не говорю о желаніи ея, чтобы обвиняемая понесла наказаніе. Я говорю, что она дѣйствовала подѣ вліяніемъ стыда и раскаянія за неудавшееся самоубійство. Есть много такихъ случаевъ, зарегистрированныхъ научной литературой: Психическое состояніе самоубійцы совершенно различно: бывали случаи, когда сорвавшійся съ петли бросался въ воду, а другой говорилъ „слава Богу“. Говорятъ, что у О. Н. не было повода къ самоубійству, но это не такъ, поводъ былъ. Жизнь, разстроенная мужемъ, тяжела. Но съ этимъ можно было бы мириться, лишь бы не растревляли, не бередили раны. А Н. на каждомъ шагу дѣлалъ это. Терпѣть такую пытку можно мѣсяцъ, но всему есть предѣлъ. Терпѣла она ради дѣвочки, которую нельзя было оставить на рукахъ желчнаго человѣка, но гимназія кончена, дочь поступаетъ на курсы, о ней есть кому позаботиться, это сдѣлаетъ хорошій знакомый Л., и О. Н. сказала: „нынѣ отпущаеши душу мою, страданіямъ моимъ насталъ конецъ“.

Рѣчь защитника Л. пом. присяжн. пов. Золотарева.

„Гг. присяжные засѣдатели! Можетъ быть ваше вниманіе утомлено, но я долженъ сказать нѣсколько словъ. Выслушайте меня спокойно, безъ гнѣва. Быть можетъ вамъ кажется, что мы затемняемъ, затягиваемъ дѣло, но вѣдь это мы дѣлаемъ по тому, что говоримъ не за себя, боимся какъ бы не упустить чего-либо, что важно не для насъ, а для тѣхъ, кто сидитъ за нами. Не осудите же насъ.“

Затѣмъ защитникъ касается оговора Мурадомъ Л., говоритъ основаніе его, будто бы безкорыстномъ, но влекущимъ однако за собой тѣ выгоды, что большая часть вины взваливается на плечи другого. Затѣмъ защитникъ яркими сочными мазками художественно изобразилъ жизнь подсудимой, которая почти ребенкомъ въ гимназической формѣ была увлечена опытнымъ въ жизни, блестящимъ семейнымъ офицеромъ Н., отнявшимъ у дѣвочки душу, сердце, взявшимъ всю жизнь и взявшимъ этого давшимъ пятирублевую квартиру съ тазомъ, кушеткой и умывальникомъ. Не теперь, но три года назадъ совершено преступленіе,—престу-

пление совершено 26 ноября 1896 г.—говорить защитникъ, когда этотъ опытный мужчина обольстилъ невинную дѣвочку. И вотъ теперь эта несчастная, забитая женщина, не видѣвшая за свой короткій жизненный путь просвѣта, здѣсь на скамьѣ подсудимыхъ, а кто-то другой, кто неотступно какъ тѣнь стоитъ за скамьей подсудимыхъ тамъ на свободѣ. На свободѣ этотъ поджигатель, задумавшій совершить поджогъ и подговоривъ замухрастаго мужичонка, самъ уѣзжавшій изъ мѣста. И судится этотъ мужичонко.

Красивая, обстоятельная, державшая всѣхъ въ напряженномъ состояніи рѣчь пом. присяжн. пов. Золотарева покрыта была громомъ аплодисментовъ.

Предсѣдатель. Г. судебный приставъ! Если кто еще позволитъ себѣ выразить одобреніе, представьте его передъ мое лицо и я его подвергну аресту на 12 час. Здѣсь совершается правосудіе, а вы устраиваете зрѣлище. Вы не уважаете ни мѣста, ни того, чей портретъ стоитъ передъ вами. Я выражаю вамъ порицаніе.

Присяжн. пов. Федосѣевъ, отвѣчая на рѣчь присяжн. пов. Севастьянова, старается разбить его доводы и приравниваетъ его къ средне-вѣковымъ адвокатамъ, называемымъ: „advocat diavolis“.

Присяжн. пов. Севастьяновъ. Когда я слушалъ горячія рѣчи моихъ сосѣдей справа и слѣва, для меня была понятна та горячность, съ какой они произносились. Но когда съ такимъ паеосомъ говорить повѣренный гражданской истицы, я не понимаю. Когда обвиняетъ представитель государственной власти онъ дѣлаетъ долгъ. Но когда присяжный повѣренный является добровольнымъ обвинителемъ и съ такою горячностью старается доказать, что О. Н. не стрѣлялась, и называетъ меня адвокатомъ-дьяволомъ только за то, что я явился сюда для защиты несчастной женщины, а не добровольнымъ, какъ онъ, обвинителемъ. Я теперь обращаю ваше, гг. присяжные засѣдатели, вниманіе на то, что Л. не самолюбіе свое удовлетворяетъ, ея жизнь здѣсь поставлена на карту. Не забывайте этого, не забывайте, что Л., когда была заключена въ тюрьму, пыталась повѣситься и была снята съ петли.

Присяжные засѣдатели, послѣ получасового совѣщанія, вынесли вердиктъ, которымъ, признавъ доказаннымъ фактъ покушенія на жизнь потерпѣвшей О. Н., „*виновность въ томъ подсудимыхъ отвергли.*“

ЛИТЕРАТУРА.

Акад. *В. Бехтеревъ*. Внушеніе и его роль въ общественной жизни. Спб. 1908 г.

Проф. *Гобманъ*. Учебникъ судебной медицины. Перев. проф. Д. П. Косорогова. Спб. 1901 г.

Проф. *Emmert*. Руков. судебной медицины. Перев. акад. Ивановскаго. Спб. 1901 г.

Касперъ. Прак. руков. судебной медицины, обработанное Мержеевскимъ и др. Спб. 1873 г.

Проф. *Кузьминъ*. Курсъ хирургической патологіи и терапіи. Москва. 1886 г. Вып. III.

Проф. *П. И. Ковалевскій*. Судебная психопатологія. Ч. II. Спб. 1900 г.

А. О. Кони. Обвинительныя рѣчи. Спб. 1887 г.

А. О. Кони. На жизненномъ пути. Т. I. Спб. 1912 г.

Проф. *Нейдингъ*. Записки по судебн. медицинѣ и медицинской полиціи. Москва. 1883 г.

Проф. *Н. А. Оболонскій*. Пособникъ при судебно-медицинскомъ изслѣдованіи трупа. Спб. 1894 г.

Проф. *Ф. А. Патенко*. Опытъ руководства къ судебно-медицинскому анализу. Харьковъ. 1904 г.

Проблемы психологіи. Вып. I. Ложь и свидѣтельскія показанія. Москва. Ред.-изд. И. Н. Холчевъ.

Русскій Врачъ за 1904 г., № 27 и за 1906 г. №№ 6, 8, 10 и 26.

Проф. *Strassmann*. Учебникъ судебной медицины. Перев. Орѣчкина. Спб. 1902 г.

П. Н. Ткачевъ. Судебныя ошибки. Т. I. Спб. 1867 г.

Н. П. Тимоеевъ. Судъ присяжныхъ въ Россіи. Москва. 1881 г.

Протоколъ засѣданія Общества врачей гг. Ростова и Нахичивани на/Дону отъ 11 февраля 1905 г.

Уголовныя тайны, разоблаченныя судомъ и слѣдствіемъ. Спб. 1874 г.

Д-ръ *Фридманъ*. Психологія ревности. Перев. Кручинина. Вып. I. Москва. 1913 г.

Д-ръ *Шауэништейнъ*. Руководство судебной медицины. Перев. Чацкина. Москва. 1865 г.

Н. Н. Полянскій. Лекціи. Уголовный процессъ. Москва. 1911 г.

Замѣченныя опечатки:

<i>Страница.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Читать:</i>
6	7 сверху	'а и Гольдовскаго	Stern'a и Гольдовскаго
30	25 "	и д-ровъ С. Ф. Асварурова	и д-ровъ С. Ф. Асвадурова
93	15 "	пр. пов. Федосѣева	пр. пов. Федосѣева
102	1 "	почетныхъ по возрасту	почтенныхъ по возрасту.

